

Marie Killilea

KAREN

A DELL BOOK

Мари Киллили

**Детский
церебральный
паралич**

**История о том,
как родительская любовь
победила тяжелую болезнь**

Санкт-Петербург Москва * Харьков * Минск
1998

Мари Киллили

ДЕТСКИЙ ЦЕРЕБРАЛЬНЫЙ ПАРАЛИЧ

История о том, как родительская любовь победила тяжелую болезнь

Перевела с английского И. Сендерихина

Главный редактор
Заведующий редакцией
Литературный редактор
Художественный редактор
Корректоры
Верстка

*В. Ушанов
Д. Рапопорт
А. Ефремов
В. Шимкевич
М. Рошаль, А. Аверина
Д. Мигаловский*

ББК 57.3 УДК 615.89

Киллили М.

К39 Детский церебральный паралич: История о том, как родительская любовь победила тяжелую болезнь. — СПб: Питер Ком, 1998. — 288 с. ISBN 5-314-00023-7

Эта книга написана матерью, чья дочь от рождения была поражена детским церебральным параличом. Рассказ о борьбе за здоровье адресован широкому кругу читателей, а тот, кто сам столкнулся с подобными проблемами, найдет здесь ясную и убедительную программу действий. Главное — любовь, участие и уверенность в окончательной победе над болезнью.

© 1952 by Marie Lyons Killilea

© Перевод на русский язык, И. Сендерихина, 1998

© Серия, оформление, издательство «Питер Ком», 1998

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было

форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Данная книга не является учебником по медицине. Все рекомендации должны быть согласованы с лечащим врачом.

ISBN 5-314-00023-7

Издательство «Питер Ком». 196105, С.-Петербург, ул. Благодатная, 67.

Лицензия ЛР № 065360 от 20.08.97.

Подписано в печать 29.01.98. Формат 84X108 ¹/₃₂ Усл. п. л. 15,12. Тираж 10000. Заказ № 1336.
Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный Двор» Государственного комитета РФ по печати.
197110, С.-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ГЛАВА 1

опровергая множество мрачных предсказаний относительно своих шансов на жизнь.

Меня отвезли обратно в палату. Утреннее солнце, пробиваясь сквозь кретоновые занавески, рисовало морозные узоры на кленовых стульях и бюро. Медсестра помогла мне расчесать волосы и перевязать их лентой.'

— А теперь наденем нашу кофточку, попудрим нос и подкрасим губы.

Потом она ушла. Мне стало понятно, что имела в виду моя подруга, когда сказала, что медсестры ведут жизнь во множественном числе.

Я лежала тихо, переполненная счастьем. Оно было хрупким, как скорлупа, и я чувствовала, что движение или звук могут его разрушить. Большую часть этого счастья составляло облегчение, что Джимми не придется снова пережить то страдание, которое он испытал в прошлом году, когда умерла наша вторая дочь. Сегодня случилось чудо, и я все еще ощущала радость и изумление, проснувшиеся во мне при громком крике ребенка.

Мысли перескакивали с одного на другое, и, наконец, я сосредоточилась на том, что маленькая Мари похожа на меня; хорошо бы, эта малышка была похожа на своего папу.

— Девочки должны быть похожи на отцов, — сонно размышляла я.

Если она будет похожа на отца, то вырастет красавицей. У Джимми удлиненное лицо, энергичное и славное, аккуратный нос, решительный подбородок с ямочкой, и голубые, как летнее небо, глаза, глубоко посаженные и чуть-чуть раскосые, красивая линия высоких скул. Уши у него красивой формы, прижатые к голове.

Она сможет носить любую прическу, а если у нее к тому же будут такие же густые и волнистые волосы, как у него, — чего еще может желать девочка?

Мы были женаты шесть лет, но при мысли о Джимми мое сердце по-прежнему начинало биться быстрее. Я знала, что делала, когда предложила ему жениться на мне.

Услышав шаги и осторожный стук в дверь, я открыла глаза и увидела его, нерешительно стоящего в дверях. Он держал в руках коробку, и по предыдущему опыту я знала, что радость Джимми может выразить себя только в форме четырехфутовых гладиолусов самых ярких цветов.

Он быстро подошел, положил цветы в ногах кровати и обнял меня.

— Ты еще красивей, чем всегда, — сказал он и, придвинув к кровати стул, двумя руками взял мою руку.

В дверь постучали.

— Войдите, — крикнула я.

Это был доктор Джон Грэнди, наш педиатр.

— Что вы думаете о нашем ребенке? Она такая же хорошенькая, как Мари? Вы сосчитали у нее пальчики на руках и на ногах?

— Да-да. И голубые глаза — и что еще? — улыбнулся он. Он сел возле кровати, и я ждала, что вот сейчас он примется выражать свой восторг.

— И это все, что вы можете сказать? — спросила я, смеясь, что он не проявляет такого энтузиазма, как мы.

Джимми встал, взял цветы и вручил их мне. Я сняла крышку — вот они, все восемнадцать, по дюжине цветков на каждом стебле, оранжевые, желтые и малиновые.

— Какая прелесть. Можешь поцеловать меня еще раз.

Джимми взял коробку и положил ее на бюро.

— Вы, Джон, что-то очень тихий, даже для вас это слишком, — заметила я.

Джимми снова сел и взял меня за руку. Джон облокотился на спинку кровати.

— Вы когда-нибудь видели такую крошку? — спросила я.

— Никогда, — ответил он, пристально глядя на меня.

— Пока вы тут прихорашивались, мы с Джимми поговорили.

Джимми сжал мою руку.

— Мари, — мягко произнес Джон, — вы должны понять, для нее еще все далеко не позади. Я уже сказал

Джимми, мы старые друзья, и для нас всех лучше трезво оценивать шансы Карен.

Я была права — скорлупа оказалась Хрупкой и звук тут же разрушил ее.

В комнате стало очень тепло. День обещал быть жарким. Джон переступил с ноги на ногу, и я подумала, что он движется очень медленно, но потом поняла, что он никогда не делает лишних движений.

Я посмотрела на Джимми. Он был бледен и не сводил глаз с Джона. Я вдруг вспомнила, что он был бледен, когда вошел в палату.

Голос Джона звучал тихо и спокойно.

— Я уже сказал Джимми, что ни один недоношенный ребенок не может считаться вполне нормальным и благополучным, и его шансы на выживание зависят от веса. Любой новорожденный с весом меньше пяти фунтов считается недоношенным, даже если он родился в срок.

Джимми зажег сигарету и дал ее мне.

— Через день-другой, — продолжал Джон, — мы будем знать, полностью ли раскрылись у нее легкие и сможет ли она сама есть.

— Что еще может случиться? — спросила я.

— Мы еще несколько месяцев не можем быть уверены на счет ее зрения, — ответил Джимми. — Как объяснил Джон, нам предстоит нелегкое дело. Каждая набранная унция — выигранная битва; фунт — победная кампания. В лучшем случае у нее около 20-40 шансов выжить.

Мы разговаривали около часа, и Джон собрался уходить. Несмотря ни на что, его честность и уверенность действовали ободряюще.

— Я распорядился, чтобы у Карен круглосуточно дежурили три медсестры, — сказал он уже в дверях. — Я еще зайду попозже.

Спустя много времени, да и то случайно, я узнала, что много часов, особенно по ночам, доктор Джон провел возле Карен.

Когда он ушел, я повернулась к Джимми.

— Слава Богу, что у нас есть Джон. Если кто и сможет выходить ее, так это он. Он будет работать, мы станем горячо молиться, и в один прекрасный день она выйдет отсюда кругленькая и толстенная.

— Ну конечно, — сказал Джимми. И он в самом деле верил в это.

Время, проведенное в больнице, было для меня трудным. Каждый раз, когда я слышала в коридоре звук колес, мне казалось, что это везут еще один баллон с кислородом для Карен. Любой разговор в холле казался мне срочным консилиумом. Звук быстрых шагов был как сигнал «опасность».

Утренний звонок на послеродовом отделении раздается раньше, чем на других, в пять пятнадцать. Однако здесь это не скорбный звон, а радостный благовест нового дня и новой жизни.

Малышей приносят матерям с пяти до шести. Я лежала в предутренних сумерках и прислушивалась к шумным каталкам с новорожденными — их везли по коридору и останавливались, чтобы отнести с тележки к матери. Когда они, не замедляя хода, проезжали мимо моей двери, я старалась думать только о том, как нам повезло — она держится, даже немного набрала вес. Но за двадцать четыре часа бывает шесть кормлений, и это было для меня нелегким испытанием.

Мне не терпелось встретиться со своей дочерью, хотя бы через окно. Двадцать второго августа, когда ей было четыре дня, встреча состоялась.

Я тщательно подкрасилась, расчесала волосы и завязала их лентой под цвет своего халата. С трудом, опираясь на медсестру, я встала с кровати и опустилась на кресло-каталку. Это происходило еще за несколько лет до того, как наука настолько продвинулась вперед, что мам, как сейчас, уже на следующий день после родов отправляют на прогулку.

Медсестра вывезла меня из палаты и через холл привезла в отделение для новорожденных. Дверь там была посередине, а обе стены вдоль коридора — стеклянные. Это была светлая комната, со множеством окон, утреннее

солнце ярко светило на нежно-желтые стены. Умывальники и столы со всем необходимым для малышей были справа. Кроватки с новорожденными аккуратно стояли по четыре в ряд. Налево, как раз у окна, где я стояла, находились три продолговатые ящика из стекла и металла, окруженные множеством непонятных трубок и циферблатов. Это и были инкубаторы.

Нас с Карен представила друг другу сестра Джеки Байя, улыбающаяся мне глазами — всю нижнюю часть лица у нее закрывала маска. Она показала мне на мою дочь, лежавшую в ближайшем инкубаторе. Осторожно встав с кресла, я со страхом и радостью впервые посмотрела на свою малышку.

Карен с головы до ног была закутана в вату. Увидев ее впервые, я была потрясена — она казалась такой крошечной. Как может жить такой малюсенький человечек, удивлялась я, наблюдая за ней. Она же меньше любой из кукол Мари. Я ухватилась за подоконник и стояла, пытаюсь уловить ее дыхание. Немного погодя я была уверена, что мне это удалось. Теперь я стала изучать ее с эстетической точки зрения. Мне кажется, это был самый изящный младенец из всех когда-либо существовавших. Я не могла оторвать от нее взгляда. Как мне хотелось дотронуться до нее, взять ее на руки!

Должно быть, я уже долго простояла там, когда почувствовала, что мне становится плохо. С трудом оторвавшись от Карен, я снова опустилась в кресло. Сестра отвезла меня в палату, уложила в постель, вышла на минуту и вернулась с лекарством, хотя и отвратительным на вкус, но вернувшим мне силы. Когда она ушла, я лежала с закрытыми глазами и старалась восстановить в памяти каждую деталь крошечной головки.

Через три дня меня выписали. Прежде чем уйти, я долго стояла у окна, запоминая черты моего ребенка. Я заметила одной из сестер, что голова Карен не больше апельсина, который я съела на завтрак.

— Ничуть не больше, — ответила она, — а весит меньше, чем цыпленок, которого я вчера купила на ужин.

Но погодите немного. Скоро она станет величиной с целого индюка.

Для большинства людей больница — что-то вроде разбойничьего логова, где их держат заложниками и, прежде чем выпустить, что-нибудь отбирают: аппендикс, гланды или несколько фунтов веса после болезни. Но та же больница, подобно Робин Гуду, пытается искупить свою вину, восстановить свое доброе имя, одаривая других. Женщина, например, забывает обо всем, когда ее везут к дверям, а рядом шагает медсестра с маленьким, мягким сверточком.

Бабушка, рожавшая детей дома, у себя в спальне, в окружении кастрюль с горячей водой (я никогда не могла понять, для чего они нужны и никогда не видела в больнице ни одной кастрюли), была лишена одного — ей не дано было испытать ту радость и волнение, которые ощущаешь, когда несешь домой свое новорожденное дитя.

Мы с Джимми уже прочувствовали эту радость, когда привезли домой нашу первую дочь, Мари. Он внес ее в дом так, как не вносил в него ни одно приобретение — Джимми был немного напряжен и очень горд.

Тогда, два с половиной года назад, мне показалось, что я долго отсутствовала. Все вокруг одновременно выглядело родным и в то же время каким-то незнакомым. Джимми включил термостат на 26°, чтобы мы «не замерзли». Там, где раньше была наша кровать, стояла нарядная колыбелька. На комодке лежали горы пеленок. В ванной коробочки талька, баночки, бутылочки с детским кремом и маслом вытеснили бритвенные принадлежности Джимми и мою косметику. На столе стояли детские весы. В ванной располагалась складная ванночка. В доме была суматоха, в доме был младенец, и это было чудесно.

На этот раз нас ожидала дома Мари. Повернув за угол, мы увидели на лужайке ее и маму. Никогда они не казались мне такими красивыми. Мама — женщина редкой красоты. Она маленькая, изящная, с точеными чертами лица. С двадцати четырех лет у нее совершенно седые

волосы, и в тот день они отливали голубым, словно свежесвыпавший снег. Я видела, что она вымыла, вычистила и накрахмалила Мари. Но было также заметно, что бабушке стоило немалых усилий сохранить внучку в таком виде до нашего приезда. Мари была здоровым, непоседливым ребенком и к тому же умирала от нетерпения. Когда мы подъезжали к дому, я, помнится, подумала, что наша улица пахнет лучше любой другой, потому что под жарким солнцем еще сильнее ощущается аромат сосны и свежескошенной травы.

Когда машина остановилась, Мари вырвалась у пытавшейся удержать ее бабушки и бросилась к нам. Вдруг она резко остановилась и с недоумением посмотрела на меня. Не на лицо, а на мои пустые руки. Еще много месяцев назад мы объяснили ей, что, когда малыш родится, заботиться о нем будет она, а мы станем делать то, с чем она не сможет справиться. Я знала, что Джимми, стараясь уберечь ее от разочарования, постарался объяснить, что я не принесу с собой малышку.

Теперь она смотрела на мои пустые руки, и я чувствовала, что мои акции стремительно падают: ведь я совершила непростительный грех — нарушила свое обещание.

— А где мой ребенок? — спросила она.

— Папа же тебе объяснил, — сказал Джимми, шагнув вперед, — что малышка еще слишком слабенькая, и ее нельзя пока взять домой.

— Мама обещала.

Джимми положил было руку ей на плечо, но Мари увернулась, трогательная, крошечная фигурка, воплощенное огорчение и разочарование.

Я уже открыла рот, но Мари спросила:

— А почему она не может окрепнуть тут?

Я объяснила, что Карен нужны врачи и медсестры, чтобы помочь ей окрепнуть — дома мы этого сделать не сможем.

— Я могу ей помочь. Я забочусь о Сьюзен, и она не болеет.

Сьюзен — ее любимая кукла.

В это время мама вышла из дома — она ушла, чтобы не видеть обиды и разочарования Мари.

— Я думаю, мамочке лучше сесть, — сказала она. — Давай поможем ей дойти до дома.

Мари повернулась и пошла рядом со мной, не делая ни малейшей попытки помочь мне. Мы с мамой прошли в детскую, а Джимми с Мари остались в гостиной. Около кровати Мари стояла заново отделанная колыбель. Увидев стоящие рядом кровать и колыбель, я испытала пугающее чувство неудачи.

Из гостиной доносился успокаивающий голос Джимми, сочувствующий, ласковый, терпеливый.

Сьюзен, кукла, лежала на кровати Мари в странной позе, характерной для старых, любимых кукол. Я подняла ее и взяла с собой в гостиную.

— Заинька, мне кажется, Сьюзен соскучилась и проголодалась. Наверно, ее пора кормить.

— Покорми ее сама, — расстроено ответила Мари. Я подошла к дивану и протиснулась между Джимми и Мари. Джимми обнял меня, а Мари прижалась поближе. Мы сидели втроем, ощущая какую-то новую близость. Близость, вызванную желанием, чтобы здесь, рядом с нами, был новый член нашей семьи, до которого никто из нас еще даже не дотронулся.

ГЛАВА 2

Жизнь понемногу входила в свое русло. Я старалась побыстрее сделать домашние дела, чтобы успеть в больницу с двух до трех часов. Мари была еще слишком мала, чтобы брать ее с собой. Мне приходилось оставлять ее у знакомых или кто-то из соседей сидел с ней до моего возвращения. Мы установили расписание дежурств вечерних «нянь», чтобы с семи до восьми мы могли ходить к Карен вместе с Джимми. Вернувшись домой, я купала Мари, одевала ее в пижаму, и мы все вместе читали вечернюю молитву. Мари всегда заканчивала ее просьбой:

— Пожалуйста, Боженька, сделай так, чтобы моя сестра побыстрее окрепла и вернулась домой.

Она так сильно хотела этого, что сжимала ножки, стискивала ручки и зажмуривалась.

Обедали мы в спешке, боясь потерять хоть несколько минут от свидания с Карен. Нам было даже трудно идти по коридору — хотелось бежать. Прежде всего мы останавливались возле медсестры и смотрели медкарту: сколько раз давали кислород, есть ли прибавка в весе, сколько раз и чем кормили. Ни один архитектор, проектирующий небоскреб, не относился с большим вниманием к граммам и сантиметрам.

Подходя к окну детского отделения, мы всегда брались за руки, и Джимми говорил:

— Сегодня она выглядит гораздо больше и жизнерадостнее.

Или:

— Посмотри, как она улыбается.

— Она разговаривает с ангелами, — отвечала я, потому что так мама всегда толковала улыбки младенцев, и это казалось мне вполне разумным объяснением.

Мы смотрели подолгу, не отрываясь. При малейшем движении ручек или ножек Джимми восклицал:

— Посмотри, какая она сильная!

— Вот молодец!

В коридоре, под окном палаты новорожденных, собирается самая гордая публика. Папы, дедушки, бабушки, сестры, братья, друзья и знакомые. Мы радовались, что нас никто не знает, и с интересом слушали, что говорят о нашей дочери.

— Эл, гляди-ка! Ты видал когда-нибудь такую крошку, как вон та, в инкубаторе? Просто не верится, что настоящая.

На что Эл отвечал:

— Это точно, маленькая. Даже смотреть страшно.

— Ой, ты только погляди на эту малышку. Если бы сам не увидел, никогда бы не поверил.

За те месяцы, пока Карен не перевели из отделения для новорожденных в детское отделение, мы перевидали множество взрослых и младенцев. Нас глубоко трогал доброжелательный интерес, который люди проявляли к нашей дочери.

Первое в жизни путешествие Карен совершила из отделения новорожденных в детское отделение, в другом конце здания. Событие было торжественное и должным образом оформленное, с длинным кортежем и теплым приемом. Работники отделения новорожденных никак не хотели отдавать ее в педиатрическое и вели себя очень похоже на вдовствующую герцогиню, давшую легкомысленной кузине поносить бриллиантовую тиару.

Когда перевод был торжественно завершен, доктор Джон улыбнулся нам с Джимми и оставил нас одних с дочерью. Мы оба старались не заплакать и, наконец, — о чудо! — мы коснулись ее.

— Такая нежная, — сказал Джимми, чуть дотрагиваясь пальцем до ее ручки, и радостно воскликнул:

— Ой, смотри, у нее ноготочки!

Мы взглянули друг на друга и поняли, что думаем об одном и том же. Тайком, словно два грабителя, уносящие картину Рембрандта, мы осторожно расковыряли одеяльце

с одного боку и, бросая осторожные взгляды на дверь, заглянули внутрь.

— Джимми, — прошептала я, — у нее на ногах тоже ноготки.

— Смотри, как она выросла — ножки уже, наверное, дюйма полтора.

Джимми так и не вернулся в этот день на работу. Мы до вечера просидели возле Карен, робко дотрагиваясь до ее крошечных ушек, нежных щечек и даже коленок — сквозь одеяльце.

В тот вечер Мари легла спать очень поздно, чтобы мы смогли ей обо всем рассказать. Заканчивая вечернюю молитву, она добавила еще одну фразу, которая с тех пор стала постоянно завершающей:

— Спасибо тебе, Боженька, за все.

Теперь, когда мы могли касаться Карен, наши посещения стали еще интереснее. Она не могла понять сказки, а с моим голосом лучше петь песни у себя в будуаре, поэтому я стала насвистывать детские песенки. Я сидела возле ее кровати и целый час свистела. Скоро я стала настоящим мастером этого дела.

Наступило Рождество, а с ним и свадьба моей сестры. То, что Кей выбрала в мужа Тима Монро, делало это событие еще радостнее. Он был славный, веселый юноша, талантливый музыкант. Но хотя мы и радовались за Кей, все же были просто не в состоянии принимать активное участие в предсвадебных хлопотах.

Они обвенчались утром двадцать шестого декабря. Темноволосая красавица Кей была великолепна в белом атласном платье.

За декабрем пришел январь, за январем — февраль. Карен стойко держалась, продолжая медленно, но упорно набирать грамм за граммом. Февраль быстро сменился мартом. Она весила уже семь фунтов. Ей было семь месяцев.

Во вторую субботу марта, придя к Карен, мы с Джимми застали у нее Джона.

— Я думаю, мы уже вполне можем подумать о выписке Карен, — сказал он.

Я села на ближайший стул, побледневший Джимми прислонился к стене.

— Если она будет стабильно прибавлять в весе, — продолжал Джон, — через месяц ее можно будет отпустить домой.

— А как ее глаза? — спросила я, мысленно читая молитву.

— Насколько я могу судить, зрение у нее идеальное. Я уже говорил, при рождении у нее было от двадцати до сорока шансов. Ну что же, теперь можно сказать, что она ими воспользовалась.

Доктор Джон обладал редкой невозмутимостью, но тут даже он не выдержал и улыбнулся.

Мы втроем сидели вокруг кровати. Неожиданно раздался тихий протяжный звук. Мы все ахнули. Карен. Она свистела. Джимми и я в изумлении уставились друг на друга, а Джон расхохотался.

— Мне придется извиняться не перед одной сестрой, — объяснил он. — Примерно неделю назад мне рассказали об этой — этой несколько неожиданной для семимесячного ребенка деятельности.

Он снова начал смеяться.

— История разошлась по всей больнице, но я, признаться, отнесся к ней с большой долей сомнения. О Боже! Потрясающе, просто потрясающе!

В году тысяча девятьсот сорок первом от Рождества Христова март был долгим месяцем. Первая неделя апреля тоже тянулась до бесконечности, и вдруг, неожиданно, как никогда раньше, от земли к небу рванулось бурное разноцветье тюльпанов, жонкилей и фиалок.

Ясным воскресным утром Джимми, Мари и я с трепетом и восхищением стояли перед клумбой с фиалками. Фиалки всегда наводят меня на мысли о младенцах, и, стоя там, я жалела о потерянных месяцах младенчества Карен.

Подъехал на машине Джон. Мари подбежала к нему, и вместе, держась за руки, они подошли к нам. Достаточно было взглянуть на него, и все стало ясно:

— Это радостный визит. Карен восемь месяцев, она весит восемь фунтов, и вы можете забрать ее домой.

Мы с Джимми переглянулись и бросились обнимать Мари. Она вырвалась и побежала в дом. Я было рванулась за ней, но остановилась и вернулась к Джимми и Джону.

— Мы должны забрать ее прямо сейчас? — в панике спросила я и сама пришла в ужас от своего вопроса.

Бедный Джимми ошарашенно взглянул на меня. Джон только кивнул и сказал:

— Типичная реакция в подобных обстоятельствах. Ничего страшного.

Мое смущение от того, что я задала такой вопрос, прошло, но страх остался. Неожиданно у меня возникло множество вопросов. Я вела себя как женщина, никогда не державшая в руках ребенка. Ответы Джона вселили в меня некоторую уверенность. Я отправилась в дом и обнаружила, что Мари стоит на кукольном сундучке и пытается достать подносы, бутылочки и прочее имущество, лежавшее убранном в течение всех этих долгих месяцев. Мы вместе составили список нужных вещей и отправили папу по магазинам.

Мари куда-то исчезла на несколько минут — скоро я узнала, куда именно. Она сообщила новость соседским ребятишкам, и минут через десять они начали появляться у нас во дворе, танцуя и вопя от радости. Следом за хозяевами явились их собаки, и вскоре в доме собралась дюжина малышей и пять собак (не считая нашей собственной).

Мечась из кухни в детскую, в ванную, я спотыкалась о детей, наступала на лапы их барбосам. Дети и собаки любят принимать участие во всех событиях и считают, что шум делает все происходящее еще интереснее. Я снова прибежала в ванную и схватилась за голову, увидев, что аккуратно поставила бутылочки и стерилизатор в ванну. (Через несколько дней я обнаружила свою шляпу в увлажнителе, а пучок моркови — в шляпной картонке.) Я вернулась в гостиную. Мари с наслажде-

нием играла роль хозяйки. Единственное, что мне оставалось — отложить все дела до вечера, когда она ляжет спать.

Я проскользнула в спальню и тихонько заперла дверь. С облегчением опустившись на кровать, я подумала о многих людях, которых так обрадует эта новость, и протянула руку к телефону, чтобы рассказать о чуде. Это было именно чудо. Чудо любви, науки и молитвы.

В эту ночь мы с Джимми почти не спали. Мы были переполнены ожиданием следующего дня.

Наконец мы уснули, но прошло не больше часа, как в дверь постучали. Я открыла глаза — было еще темно.

— Войдите, — недоумевающая произнесла я, подумав, что стук мне, наверное, приснился. В комнату вбежала Мари и взобралась на кровать.

— Пора ехать за Карен. Ей не захочется ждать. Я ужасно не люблю ждать. У нее такая красивая кроватка. Молока вы купили? Можно мне будет ее покормить? А одевать? Знаешь, я уже научилась застегивать булавки.

Она остановилась перевести дух и уселась к Джимми на грудь. Он глупо улыбался.

— У тебя идиотско-счастливое выражение лица, — сказала я.

— Ты посмотри на себя в зеркало, — ответил он и встал с кровати.

К восьми часам пошел дождик, блестящие капли падали на нас, как благословение.

Все утро звонил телефон и рассыльные доставляли коробки с цветами. Принесли одну совсем малюсенькую. В ней лежал букетик цветов размером не больше трех дюймов. Это был подарок моего кузена Мартина, крестного Карен.

День становился все жарче, но мы прихватили с собой большую стопку одеял. В больницу мы прибыли всего за десять минут до назначенного срока. Мама с Мари остались ждать на улице, а мы пошли выписываться. Джимми старался казаться невозмутимым, но я заметила, что он шагает через две ступеньки. Когда мы прощались,

в педиатрическом отделении собралось еще больше народу, чем при поступлении. Пришел Джон и еще несколько врачей и медсестер, не только из педиатрического отделения, но и из отделения новорожденных. Когда Карен завернули и медсестра протянула Джимми дочь, он отказался нести ее. Я думаю, он просто испугался. Несмотря на несколько одеял, сверток оказался совсем крошечным. Карен была вся в белом и выглядела просто красавицей. Она поджимала губки, что-то тихо мурлыкала и переводила блестящие глазки с одного на другого.

Радостная процессия двинулась по коридору. По дороге нас часто останавливали люди, незнакомые с нами, но знавшие Карен, и желали нам счастья. Джон проводил нас до дверей и на прощание произнес слова, которые я помню по сей день:

— Знаете, ребятки, по всем правилам науки Карен не должна была выжить. Я думаю, что Бог сохранил ее для какой-то особой цели.

Мы с Мари радостно принялись нянчиться с Карен. Она выглядела (и вела себя), как новорожденный младенец. Разве что иногда свистнет. Ела она то же, что и в больнице, но начала сильно толстеть. Мы решили, что это результат дополнительной любви и заботы. Она была очень красива — светлые волосы, серо-зеленые глаза, длинные черные ресницы, нежный цвет лица и неотразимая улыбка.

Месяцам к девяти мы смирились с полнотой дочки и стали ждать ее развития, как это было с Мари. Сначала я заметила, что она не проделывает очаровательное упражнение, свойственное всем младенцам — крохотная пухлая ручка хватает еще более пухлую ножку и легко, без усилий, засовывает в рот большой палец. Потом я заметила, что она не сбрасывает ножками одеяльце, что в какой бы позе я ее ни оставила, в ней она и останется до моего прихода. Карен не делала попытки поиграть с яркими игрушками, которые я вешала на перила кровати, не вставала на колени и не пыталась ползать.

Я поговорила с Джоном. Он ответил, что Карен потребует время, чтобы догнать других детей, что нет уни-

версального графика развития младенцев, что все дети разные. Мари развивалась очень быстро и не может служить меркой для Карен.

— У нее просто немножко замедленное развитие, — сказал Джон. — Дайте ей время.

Было трудно удержаться от сравнений, и мы убрали дневничок Мари подальше. Но любые родители помнят, как расцветал разум и тельце их ребенка. День проходил за днем, но никакого расцвета у Карен не было заметно. Большинство родителей (включая нас) с восторгом рассказывают, что их отпрыск уже с первых дней жизни может держать головку.

— Вы только посмотрите, какой сильный! — восхищаются они, забывая, что все соседские малыши делают то же самое. То есть — все, кроме Карен. Другие малыши уже давно научились переворачиваться — Карен нет. Все научились тянуться за погремушками и хватать их — Карен нет.

Не могу сказать точно, когда во мне впервые проснулся страх. Возможно, во время торжественной церемонии — ванны королевы. Мы с Мари напрасно дожидались, когда же Карен начнет тащить в воду все, что попадется под руку. Она весело смеялась, но ручки и ножки не взбивали воду в ванночке. Они только слегка шевелились и казались напряженными. Ручки никогда не пытались схватить мыло, мочалку или одну из ярких игрушек, плававших рядом.

А может быть, это случилось во время одного из кормлений, когда я тщетно дожидалась, чтобы она схватила бутылочку или оттолкнула ложку с едой. Так было с Мари. Но не с нашим вторым ребенком. Люди говорили, что Карен «хорошо себя ведет», а меня охватывал страх. Младенцы в этом возрасте не «ведут себя», они просто живут.

А может, это случилось, когда мы качали ее, а она не вертелась и не ерзала на руках. Или когда она не хватала и не дергала папин галстук — забавная, хотя и раздражающая привычка всех младенцев. Или когда мы наклонялись

к ней, а она не хватала нас за волосы. Думаю, именно этих шалостей нам и не хватало больше всего.

Однажды вечером я шила в гостиной и вдруг заметила, что Джимми уже довольно долго сидит, склонившись над какой-то книгой.

— Что ты читаешь? — спросила я, берясь за очередной носок.

— Сейчас, сейчас, — ответил он. Через несколько минут Джимми встал и так тихо, с виноватым видом пошел к книжному шкафу, что у меня возникли подозрения. Под предлогом поиска сигарет я зашла в библиотеку. Как я и предполагала, он прятал в шкаф детский дневник Мари. Через несколько дней после этого он неожиданно рано пришел домой. Я не слышала, как он вернулся, и, войдя в спальню, Джимми застал меня с переплетенным в розовый муар дневником Мари в руках.

До сих пор звонок телефона возвращает меня в то время. По крайней мере один раз в день Джимми звонил и спрашивал:

— Привет, детка! Как там Карен?

— Отлично, — надеясь, что мой голос звучит достаточно жизнерадостно.

— А Мари? — И я пространно излагала все ее проделки, оттягивая момент, когда будет задан следующий вопрос:

— А что сегодня делала Карен?

— Она хорошо позавтракала, — отвечала я, — выкупалась и отдыхает.

И тут я вся сжималась, зная, что будет дальше.

— Это все отлично, но что она *делала*?

На это был только один ответ.

— Она ничего не делала, но подожди до завтра, дай ей время.

Наступало завтра, но мой ответ оставался прежним. Я начала бояться того, всегда долгожданного, момента, когда Джимми, насвистывая, возвращался домой. Я совершала привычные действия, проверяла огонь под каст-

рюлями и сковородками с обедом, пудрила нос, поправляла прическу, но уже не бежала радостно к дверям. С каждым днем мне становилось все труднее встречать его. Мари с радостным визгом бросалась к отцу, они устраивали короткую потасовку; потом он клал на стол свои бумаги и подходил ко мне:

— Не найдется ли поцелуя для самого преданного поклонника?

У меня находился, и не один. А потом, словно между прочим:

— Карен что-нибудь делала после моего звонка?

— Нет, Джимми.

— Ну что же, подождем еще.

Не одни мы испытывали беспокойство и огорчение. Постепенно страх пришел и к другим: к моей маме, к родителям Джимми, к братьям, сестрам, тетушкам, дядюшкам, кузенам, друзьям и соседям.

Если уж такая мелочь, как больной зуб или помятое крыло автомобиля вызывают поток советов, то в нашей ситуации это было больше похоже на потоп.

Очень скоро мы выработали свою, особую технику: каждому советуемому давали понять, что считаем его слова воплощением мудрости, и тут же забывали о них.

Каждые две недели мы посещали Джона, и каждый раз спрашивали о том, что Карен, по нашему мнению, должна была бы делать, но не делала. И каждый раз получали все тот же ответ:

— Не волнуйтесь, у нее замедленное развитие, потерпите.

Наши опасения росли с каждым днем. Постепенно у нас возникла уверенность, что с Карен что-то не в порядке, но что именно? Эта неопределенность была так мучительна — казалось, любой, самый суровый приговор был бы облегчением. С неизвестностью бороться невозможно.

Ранним жарким утром двадцать шестого августа я встала кормить Карен. Пока я переодевала ее, Джимми пошел подогреть еду.

— Сегодня я не иду на работу, — заявил он, передавая мне бутылочку. Я удивленно подняла на него глаза.

— Я собираюсь позвонить Джону и отправиться к нему на прием. Мы должны что-то решать с Карен — и сегодня же.

— Да, — огласилась я, — так дальше продолжаться не может.

Я крепко прижала к себе Карен. Ей был ровно год, и она уже четыре месяца прожила дома.

Мы попросили Хоуп Лоури посидеть с малышами и к половине одиннадцатого отправились к Джону. Он ждал нас. Джимми начал едва ли не с порога:

— Джон, мы, похоже, совершили ошибку, не рассказывая о том, какое разрушительное воздействие оказывают на нашу семью страхи и неопределенность. Мы с Мари хорошенько обсудили ситуацию и согласились — пусть что угодно, только бы знать.

Он сел и закурил, не отрывая взгляда от Джона.

— Джон, — сказала я, — пожалуйста, поверьте, мы можем приспособиться к любой ситуации, но как приспособиться к неизвестности? С тенью нельзя бороться. Мы не можем больше так жить.

Он внимательно посмотрел на нас, словно оценивая по отдельности и как пару. Я не могла понять выражения его лица, хотя и заметила, как напряженно сжался его рот.

Под ним заскрипело кресло, когда он наклонился вперед и решительно хлопнул ладонями по столу.

— Я довольно давно начал подозревать, что у Карен спастический, а точнее — церебральный паралич.

Мы с Джимми недоуменно переглянулись. Слово это нам ничего не говорило.

— Что это такое? — осипшим вдруг голосом спросил Джимми.

Джон внимательно рассматривал свой нож для разрезания бумаг, потом положил его, тщательно выровняв по краю промокашки. Потом отодвинул кресло и повернулся к окну.

— Я не изучал спастический церебральный паралич ни в медицинском институте, ни в интернатуре, — медленно начал он. — Честно говоря, это всего второй случай в моей практике.

— Что вам про него говорили? — спросил Джимми.

Джон, казалось, был полностью поглощен созерцанием москита, бившегося в оконное стекло. Наконец он заговорил, еще медленнее, чем раньше.

— Мне говорили, что сделать в таком случае ничего нельзя.

— Но что это значит? — я почти кричала.

Джон повернулся к нам.

— Мне говорили, — казалось, эти слова требуют от него физических усилий, — что ребенок, больной церебральным параличом, никогда не будет сидеть, ходить, что-то делать руками.

— О Боже!

Джимми побелел, на лбу у него выступили капли пота, он не отрывал взгляда от врача.

— Конечно, это было много лет назад, — продолжал Джон, — может быть, с тех пор наука ушла вперед.

— Что нам делать? — Джимми с трудом произносил слова, губы у него пересохли.

— Я бы посоветовал обратиться к специалисту.

— К кому?

— Не знаю, — тихо сказал он, — но постараюсь узнать.

У меня был очень важный вопрос.

— Джон, сколько живут больные церебральным параличом?

— Столько же, сколько и мы с вами. Джимми встал, подошел ко мне, обнял за плечи.

— Спасибо, Джон, — сказал он. — Я понимаю, как это было трудно для вас.

Мы пошли к двери. Я обернулась, кивнула, попыталась сказать что-нибудь на прощание, но не смогла.

Молча мы пошли к машине, молча доехали до дома. Один из номерных знаков был плохо прикреплен и всю

дорогу гремел. Мы сразу прошли в детскую. Хоуп как раз перепеленывала Карен. Я взяла малышку на руки, она улыбнулась и заворковала. Хоуп не стала задавать вопросов. Я принесла Карен к нам в комнату и положила на кровать. Мы с Джимми сели по обе стороны. Мы сидели и смотрели: на ее блестящие глазки, на ее ручки и ротик.

— Мы так молились, чтобы она осталась жива, — сказала я. — Ну что же, она жива. Она существует — но не живет.

— Ну что ты, не надо, — Джимми взял ее на руки.

— Ты знаешь...

— Что? — Он попытался обхватить ее пальчиками своей палец.

— Счастье, которое мы испытываем при рождении ребенка, складывается из двух половинок. Первая — радость, что человек появился на свет и что мы причастны к этому чуду; и вторая, — я уже пожалела, что начала говорить.

— И вторая?..

— Вторая — это радость ожидания. Я мечтала, что Карен вырастет красивой, как моя мама, и умной, как ты; я была уверена, что она будет милой, славной девочкой и все будут любить ее; я знала, что она будет хорошо танцевать и отлично играть в теннис.

Он придвинулся ко мне с Карен на руках, но я не смотрела в их сторону.

— Даже завязывая ее первую распашонку, я мечтала о ее первом «длинном» платье. Обязательно белом и прозрачном.

— Я понимаю, — ответил Джимми. — Я и сам мечтал о том времени, когда она будет очаровательной женой и матерью.

Нежный, тонкий звук прервал его. Мы оба повернулись и посмотрели на свистящую Карен.

На следующий день позвонил Джон и дал нам адрес специалиста в Нью-Йорке. Он договорился, что нас примут в конце недели. Джимми взял на пятницу выходной,

и мы поехали в город. К одиннадцати утра уже стояла жара. Вокруг нас был раскаленный бетон. Джимми высадил нас у дома врача и отправился искать место для стоянки машины. Я стояла на мостовой, поддерживая плечом головку Карен, и старалась стряхнуть с себя внезапно нахлынувшее чувство страха.

Кабинет врача оказался на первом этаже. Приемная, куда я вошла, оказалась длинной, прохладной комнатой с бледно-голубыми стенами, на которых висели фотографии в рамках. Симпатичная молодая женщина в форме медсестры задала мне несколько вопросов и предложила подержать ребенка, пока я пойду умоюсь.

Когда я вернулась, Джимми с Карен на руках стоял перед фотографией, изображавшей занесенный снегом сарай.

— По-моему, мне стало прохладнее возле этой фотографии. Попробуй, постой здесь несколько минут.

— Доктор ждет вас.

Мы обернулись и увидели стоящего в дверях огромного мужчину. Он был похож скорее на борца, чем на врача. От жары его румянец был еще ярче, и я едва не предложила ему снять пиджак. Он пропустил нас в дверь, улыбнулся, и я заметила у него глубокие веселые морщинки в уголках глаз.

Он начал с того, что выслушал полностью историю моих предыдущих беременностей и выспросил все подробности беременности с Карен, ее рождения и последующих трудностей развития. Беседа продолжалась. Джимми нервничал, вытирал пот, ерзал на стуле. Карен то хныкала, то громко плакала у меня на руках, и я посадила ее на прохладное кожаное кресло, а сама уселась на подлокотник. Наконец доктор отложил авторучку, встал и прошел в смотровой кабинет.

— Мама, разденьте, пожалуйста, ребенка, — сказал он, вымыв руки.

Снять платице было делом одной минуты. Врач подошел и посмотрел на нее. Голенькая Карен счастливо улыбалась ему. Он бросил полотенце на стул, взял резиновый

молоточек и начал осмотр, такой же долгий и тщательный, как и его расспросы. Карен уже начала хныкать, а он все продолжал тыкать, постукивать, двигать ручки и ножки, переворачивать ее с боку на бок. Джимми сидел неподвижно и напряженно, наклонившись к столу. По лицу у него ручейками стекал пот.

Наконец врач выпрямился и снова направился к умывальнику.

— Можете одевать ее.

Я поддержала Карен, а Джимми проворно натянул на нее платьице. Я заметила, что у него дрожали руки. С Карен на руках мы вернулись в кабинет. Я хотела взять ее у Джимми.

— Я подержу, — ответил он и повернулся к врачу.

— Ну что? — это был почти шепот.

Врач не смотрел на нас, он сидел, постукивая молоточком по ладони.

— Я согласен с мнением доктора Грэнди. Однако... (Дуновение надежды, легкое, как летний ветерок, шевельнулось в моей душе.) — Однако я должен вам кое-что сказать, — поспешно добавил он. — Я не верю, что у детей, больных церебральным параличом, может быть какой-то интеллект.

Любое решение может быть оспорено. Вспоминая теперь те дни, я понимаю, что мы с Джимми пытались получить объективную оценку нашей ситуации. Мы делали первые робкие шаги в этом направлении. Сложность заключалась еще и в том, что доктора Джона призвали в армию. Мы нашли другого педиатра, с прекрасной репутацией, но это было совсем не то же самое.

Прежде всего нас, конечно, беспокоила перспектива интеллектуального развития Карен. Мы считали, что и умственно отсталый ребенок должен найти свое место в обществе, что он должен получить все образование, какое только возможно.

Но у нас имелись доказательства, что Карен вовсе не была умственно отсталой. Джон, прекрасный специалист с большим опытом работы, утверждал, что ее ин-

теллект выше средней нормы, он даже подшучивал над нами по этому поводу. У Карен были яркие, выразительные глаза, такие же умные, как у Мари.

Мы чувствовали, что это решение должно быть пересмотрено, что обязательно найдется человек, который сумеет нам помочь.

Мнение о перспективах физического развития Карен нельзя было оспорить — пока. Но нам сказали, что в этом плане возможно добиться прогресса, и мы считали, что у нас есть достаточно оснований требовать пересмотра приговора.

— Наверняка где-то ведутся исследования в этой области, — говорил Джимми. — Мы будем искать и непременно найдем. И к тому же, какой смысл быть ирландцем, если ты не упрямый? — пытался пошутить он.

— С чего нам надо начинать? — спросила я.

— Она младенец, — ответил Джимми. — Давай попробуем лучших педиатров. Не поможет — перейдем к ортопедии, даже неврологии, раз считают, что причина этого в мозгу. Если и это не поможет — ну что же, специалистов много, мы обязательно найдем того, кого нам нужно.

Наш педиатр посоветовал нам начать с невропатолога и порекомендовал главного врача больницы милях в ста от Рей. Мама приехала посидеть с Мари, а мы, окрыленные надеждой, отправились в путь. Мы думали, что если этот врач сам окажется не в силах помочь нам, то уж наверняка порекомендует того, кто сможет это сделать. Через три часа наша машина остановилась перед огромным зданием больницы. Мы оба нервничали и пытались ободрить друг друга улыбками.

В дверях нас встретил уже ставший привычным больничный запах. В справочном нас направили на четвертый этаж. Выйдя из лифта, мы прошли к четвертой двери справа. Там нас приветствовала утомленного вида молодая особа в серо-красном платье, при взгляде на которое в голову приходила мысль о помидорах, в густом тумане играющих в пятнашки с геранью.

— Кого вы хотите видеть? — осведомилась она голо-
сом, оживленным, как почтовая марка. Поскольку на две-
рях комнаты значилось лишь имя доктора А., вопрос по-
казался нам несколько излишним.

— Доктора А., — ответила я.

— Кто порекомендовал вам обратиться к нему? —
спросила она.

Джимми назвал имя врача Карен. Она записала его.
Потом села. Мы сели тоже. Она подняла телефонную
трубку, что-то в нее пошептала, встала, одернула платье
и, не сказав нам ни слова, вышла из комнаты. Мы сидели
и ждали. Где-то через полчаса дверь открылась и на по-
роге появилась ошеломляюще большая фигура в белом.
Фигура постояла, глядя на нас изучающим, оцениваю-
щим взглядом, и, наконец, с сомнением в голосе обрати-
лась к Джимми:

— Следуйте, пожалуйста, за мной.

Джимми выглядел так, словно предпочел бы остаться
на месте, но все же мы оба сказали «да» и встали.

Процессия была достаточно впечатляющей. Возле
двери к нам присоединилась молодая особа в томатно-
гераниевом платье. Она шла следом за дамой в белом ха-
лате; дальше я с Карен на руках, и замыкал шествие
Джимми. Мы прошли по коридору, свернули направо,
поднялись на три ступеньки и вошли в очень мило об-
ставленный кабинет.

За столом сидела симпатичная рыжеволосая женщина.
Она кивнула тем двум, что шли впереди нас, и они ото-
шли в сторону. Потом рыжеволосая улыбнулась нам и
предложила сесть около стола.

— Здравствуйте, — приветливо сказала она. Мы с
Джимми сели. Карен захныкала. Женщина обошла стол и
остановилась возле Карен.

— Девчушка просто прелесть, — сказала она. — Я
должна записать вашу историю болезни.

Если бы мне пришлось выбирать, кому это делать, по-
думала я, то непременно выбрала бы ее.

— Я доктор Х., один из ассистентов доктора А., а вы
— мистер и миссис Киллили.

Она подвинула к себе какие-то бумаги. Потом врач задала нам множество вопросов, она была сама доброта и внимание. Мы пробыли у нее около часа.

— Я понимаю, вам не терпится увидеть доктора А. Пожалуйста, пройдите в кабинет доктора 2. Он сначала задаст вам несколько вопросов, а потом проводит к доктору А.

Секретная служба доктора А. могла сбить с толку кого угодно. Доктор Х. нажала невидимую кнопку, и через несколько секунд дверь открыла аккуратно одетая девушка, тоже предложившая нам следовать за ней. Только тут я обнаружила, что две женщины, которые час назад привели нас в этот кабинет, каким-то непонятным образом исчезли.

— Спасибо, доктор, — поблагодарили мы уходя.

— Вы были просто очаровательны, — сказал Джимми.

— До свидания, желаю удачи, — ответила рыжеволосая, обошла вокруг стола и погладила Карен по головке.

На этот раз мы прошли по коридору всего несколько метров и вошли в кабинет, словно сошедший с рекламного проспекта. Пока я шла к желтому кожаному креслу, ковер щекотал ноги. Юная особа кивнула нам и ушла. Тут же в дверях показался молодой белокурый мужчина в халате врача.

— Доброе утро, — произнес он так, словно качество утра его совершенно не интересовало.

Это было уже четвертое препятствие на нашем пути к цели.

— Доброе утро, — дружно ответили мы.

«Скоро полдень, — подумала я, — будет хоть какое-то разнообразие.»

— Я знаю, — сказал он, — вы хотите поскорее увидеть доктора А. (Он даже не представлял, как мы этого хотели.)

— Я задам вам сначала несколько вопросов.

Он нажал одну из целого ряда кнопок, и на пороге появилась медсестра с папкой в руках. Доктор 2. полистал бумаги.

— Всего несколько вопросов.

Их оказалось больше, чем «несколько», и на большинство из них мы только что отвечали доктору X. К этому времени Джимми уже курил сигарету за сигаретой, а я все время переключивала Карен с руки на руку, потому что обе затекли. С каждым часом держать ее становилось все труднее. Она не могла ни сидеть, ни держать свое тельце. Джимми хотел было взять ее на руки, но она запротестовала.

— Думаю, вы наконец готовы встретиться с доктором А., — сказал доктор Z. и весело рассмеялся.

Мы трое направились к дверям, а его место за столом заняла медсестра. В сопровождении еще двух медсестер мы прошествовали в смотровой кабинет. Я положила Карен на стол.

— Разденьте, пожалуйста, ребенка, — сказала одна из них.

Я раздела. Джимми стоял в сторонке, беспокойно переступая с ноги на ногу. Бедняжка, в этом кабинете не оказалось ни стула, ни пепельницы.

В комнате было прохладно, и я попросила одеяло для Карен. Мне дали простынку накрыть ее. Мы стояли рядом, хотя опасности, что она свалится со стола, не было — ползать, переворачиваться она не могла. Мы стояли так минут десять, не произнося ни слова. Наконец дверь открылась, доктор V вошел и почтительно повернулся к двери. Я готова поклясться, что обе медсестры встали по стойке «смирно», и, наконец, величественно, размеренным шагом в кабинет вошел еще один врач и прошествовал к столу. Доктор U, закрыв дверь, занял место рядом с вошедшим, потом повернулся и громким шепотом произнес:

— Это доктор А.

Доктор А. даже не взглянул на нас. Он поднял простынку с Карен, одна из медсестер немедленно скользнула к нему, освободила от этой ноши. Он стоял и смотрел на Карен. Джимми подошел и взял меня за руку. Наши руки были холодными и влажными.

Доктор А. с минуту смотрел на Карен, потом наклонился и провел указательным пальцем ей по животику — справа и слева к середине. Он вытянул руку и в ней тут же оказался маленький резиновый молоточек. Тут он впервые повернулся ко мне и произнес:

— Мамаша...

— Меня зовут миссис Киллили, — вставила я.

— Что? Да-да, так вот, мамаша, буду с вами откровенен, вашему ребенку ничем нельзя помочь.

Я взглянула на Джимми. Сцепив руки, он не сводил глаз с врача.

У меня было большое желание схватить доктора А. за руки и просить, умолять, чтобы он сказал хоть одно обнадеживающее слово. Вместо этого я сказала:

— Доктор, вы ведь можете нам что-то предложить?

— Могу, — ответил он. — Я предлагаю вам получить страховой полис на большую сумму, чтобы она всегда была обеспечена. Потом отвезите вашего ребенка в специальное учреждение, оставьте там и забудьте, что она у вас когда-то была.

ГЛАВА 3

Так прошли два с половиной года. Мари росла сильной и красивой девочкой. Но для нас это было время мучительных поисков, надежд и отчаяния. Мы объездили всю страну, забирались даже в Канаду. Посетили множество клиник и больниц, встретились с двадцатью тремя ведущими специалистами страны. Залезли в долги на много лет вперед. Так часто расставались с Мари, и все ради чего? Ради того, чтобы забить чердак дорогим и бесполезным оборудованием, порекомендованным теми, кому не хватило смелости сказать «я не знаю».

Уже давно в нашем доме поселился новый жилец — Сомнение. Мы верили, что у нашей дочери есть разум — для этого достаточно было посмотреть Карен в глаза. Они горели, сверкали, звали, смеялись и плакали. Но — а вдруг мы ошибаемся и правы врачи?

Сомнение ставило перед нами еще более мучительные вопросы. Тайком каждый из нас перебирал в уме семью другого — может быть, это наследственное? Или еще хуже — а если это моя вина? В чем я виноват?

А чего нам стоили соседи, смотревшие на нашу семью с унижительной жалостью или презрительным подозрением.

Карен исполнилось три с половиной года. Она уже могла немножко сидеть в подушках на наклонном стульчике, начала держать голову и освоила некоторые движения. Когда ее клали на животик, она скрещивала ручки и ползла, подтягиваясь на локтях. Малышка передвигалась на несколько сантиметров в час, но все же передвигалась. Она училась протягивать руку и хватать, пусть даже медленно и неуверенно, нередко теряя предмет. У Джимми появились дежурные шутки, которые он произносил каждый вечер, входя в дом:

— Ну, сколько сегодня было захватов? — и записывал число в специальный блокнотик.

Или:

— Она сегодня совершала марш-бросок? (Бросок составлял десять сантиметров за четыре попытки.)

Карен больше стала разговаривать, ее словарный запас значительно расширился за последние три месяца. Конечно, она заметно отставала от своих сверстников, и все же это был прогресс.

Однажды в воскресенье мы решили немного отдохнуть, погулять по парку. Был унылый холодный день, под ногами поскрипывала промерзшая земля, и на душе у нас было так же тоскливо и холодно. На пляже не было ни души — лишь стоя крикливых чаек. Они пронзительно верещали, возмущенные нашим вторжением, рассаживались на камнях и устраивали шумные совещания. Приливное течение было сильным, и вода крутилась, словно котенок, играющий со своим хвостом. Она тихо плескалась о камни и мягко, по-кошачьи, набегала на песок. Мы сели на камни и просидели так до темноты. По ту сторону пролива насмешливо перемигивались огни Лонг-Айленда. Они почему-то подействовали на нас успокаивающе.

Мы медленно возвращались по пляжу, я повернулась к Джимми.

— И все-таки мы не должны поддаваться разочарованию. Карен умная девочка, это факт. Что бы там ни говорили, а у нас есть доказательства. И с такими доказательствами просто стыдно сомневаться.

— Но что мы еще можем сделать? — подавленно произнес Джимми. Он шел, опустив голову и засунув руки в карманы. Плечи его сутулились сильнее, чем всего несколько месяцев назад.

— Я слышала, что есть замечательный врач в С.

— Это так далеко, — перебил он меня, — и будет нам немало стоить. А вдруг он тоже потребует 250 долларов, как тот, первый, к кому мы обратились?

Кроме наших основных забот, мужа, которому не было и тридцати, старили и финансовые затруднения. Нужно было одеваться, дом требовал срочного ремонта, наш старенький форд постоянно ломался, и когда мы отправлялись

в дальнюю поездку, приходилось пользоваться поездами и автобусом.

Я решила отказаться от поездки в С. — пока.

— По крайней мере, мы теперь знаем, что такое церебральный паралич, — сказала я.

— Да, — принялся цитировать он, — это повреждение мозга, влияющее на мускулы. Умершие клетки мозга не восстанавливаются. Может восстановиться их ткань, но никогда — функция, — Джимми довольно точно изобразил доктора № 12.

— Черт возьми, а как мы можем быть уверены, что он знает, о чем говорит?

— А помнишь, мы считали, что церебральный паралич — редкое заболевание? Подумай о сотнях больных детей и их родителях, которых мы встретили, об их отчаянных поисках. Подумай о тоске и одиночестве множества больных церебральным параличом, окруженных стеной молчания, потому что совсем не могут говорить, или их речь трудно понимать. О тех, кто спрятан, похоронен дома или в специальных учреждениях.

Такова, как мы узнали, судьба многих больных церебральным параличом.

— Я часто думаю об этом, — ответил Джимми, — и от таких мыслей мне еще хуже. Не могу забыть очаровательную миссис М. Муж не выдержал и оставил ее. Но что делать нам?

— Я слышала, что врач из С. считается крупнейшим специалистом, и если бы мы сразу поехали к нему, нам не пришлось бы заниматься всеми этими поисками. Говорят, он знает о детском церебральном параличе решительно все.

— Мы ведь не можем остановиться, правда? Нельзя упускать ни малейшего шанса.

— Я тоже так думаю.

Мы замерли, прислушиваясь к плеску воды.

— Поедем домой и напишем ему письмо, — сказал Джимми и добавил: — Может, сегодняшний день окажется переломным моментом в нашей жизни. Бедняж-

ка Мари, ей еще труднее, чем нам, переносить такое разочарование.

Через две недели мы получили сообщение, что записаны на прием. Во мне вновь проснулась надежда, да и Джимми был настроен довольно оптимистично.

В С. надо было ехать целую ночь. Мы добрались туда уставшие, полные страха и надежды. Приемная этого врача была похожа на многие другие, правда, ждать нас здесь не заставили. Сам врач оказался маленьким, кругленьким человечком, одетым в скромный темно-синий костюм и темно-бордовый галстук. Держался он с достоинством, но без напыщенности. Густые волосы были абсолютно седыми, хотя ему еще не было пятидесяти. Глубоко посаженные карие глаза прятались за старомодными очками в стальной оправе. Я с удивлением заметила, что ему идут такие очки.

Он немедленно провел нас в смотровой кабинет, и мы, не дожидаясь команды, начали раздевать Карен. Она заплакала и проплакала весь осмотр. Пока доктор занимался Карен, Джимми коротко рассказал ему о наших поисках.

— Мы надеемся, что вы сможете нам помочь, — заключил он.

Доктор не ответил и продолжил осмотр. Закончив, он подозвал медсестру, попросил ее одеть ребенка и предложил нам пройти к нему в кабинет.

Я боялась поверить переполнявшей мое сердце надежде. Мы сели.

— Миссис Киллили, — начал врач, — вам сказали, что я могу разрешить вашу проблему?

— Да, нам многие это говорили, — подтвердила я. Он повернулся и посмотрел на меня.

— Такие проблемы умеют решать в Китае...

— Скажите, что делают в Китае, и мы сделаем это, — Джимми вскочил, пересек комнату и встал перед доктором.

Тот снял очки и аккуратно положил их рядом с собой на письменный стол.

— В Китае, — продолжал он, — таких детей относят на вершину горы и оставляют там.

ГЛАВА 4

Ровно через неделю после поездки в С. в два часа ночи меня разбудил резкий крик. Джимми неподвижно лежал на спине. Лицо его побледнело и покрылось каплями пота. Было ясно, что ему очень плохо. Я схватила телефон и вызвала врача.

Он приехал меньше чем через десять минут, а еще через десять минут Джимми увезли на скорой. У него оказался перитонит, пришлось срочно делать операцию.

Пока Джимми был в операционной, я ждала у него в палате. Мне навсегда запомнились висевшие там занавески: зеленые и розовые ромбы на ядовито-желтом фоне. Кран подтекал и медленно, капля за каплей, отмерял минуты, складывавшиеся в часы. Временами шум газовых машин, проезжавших по Пост Роуд, казался невыносимо громким.

Сначала я сидела в кресле, пытаюсь успокоиться. Но время шло, я не могла больше сидеть и принялась ходить по комнате. Одиннадцать шагов до двери, одиннадцать шагов обратно.

Кажется, никогда в жизни я не молилась так, как в ту ночь. Помню, я объясняла Богу, что если бы мне пришлось выбирать, я выбрала бы скорее Джимми, чем обоих малышей. Они были самое дорогое в моей жизни, Джимми был моей жизнью.

— Пожалуйста, ну пожалуйста, помоги ему, не только ради меня, но и ради детей. Господи, если что-нибудь случится с Джимми, что будет с Карен?

Через два с половиной часа я услышала шум лифта и в сотый раз выскочила в коридор посмотреть, не везут ли Джимми. Это был он. Я бросилась к носилкам и пошла рядом. Я стояла возле, когда его перекладывали на кровать, а потом подошла к доктору. Он улыбнулся мне.

— С вашим мужем полный порядок. Если вы подозреваете, что у него есть какие-то секреты, сейчас самое время их узнать. Спросите его о чем хотите, и он ответит вам только правду. Ему дали скополамин.

Он заговорщицки подмигнул и вышел из палаты. Я подошла к кровати, наклонилась к Джимми и прошептала:

— Ты любишь меня?

— Да, — ответил он еле слышно, — на всю жизнь.

Джимми, хотя и медленно, но выздоравливал. Мари, которой еще не исполнилось пяти, была очень расстроена случившимся и по какой-то непонятной мне причине стала больше беспокоиться о Карен.

— Мамочка, когда же она начнет ползать? Барбара ее младше, а уже давно ползает.

— Нам должен сказать об этом какой-нибудь доктор, детка, но мы его пока не нашли.

— Она когда-нибудь научится сидеть сама?

— Если на то будет воля Божья, — отвечала я.

— Но мамочка, а почему Бог не хочет этого сейчас?

Ответ на этот вопрос был за пределами ее понимания, но, может быть, я сумею дать ей почувствовать мое полное доверие к Нему.

— Чтобы понять все, что делает Бог, мы должны были бы иметь Божественный разум. Но одно мы знаем и сейчас: Он бесконечно добр, и поэтому все, что Он делает, — правильно. Мы многое не можем понять и не поймем, пока не попадем на небеса.

Через неделю после операции я сидела возле Джимми и читала ему вечернюю газету. Прочитала первую половину и как раз дочитывала спортивные новости.

— Есть хоть что-нибудь интересное? — недовольно спросил Джимми.

Джимми, несомненно, лучший в мире муж, но худший из пациентов. Мне требуется много недель, чтобы после любой болезни привести его в норму. Я перевернула страницу.

— В баре человек, назвавшийся Брауном, видимо, в припадке бешенства, силой заставил бармена выпить

вино, в которое, как предполагают, добавил сильнодействующий наркотик.

Я читала всю страницу подряд, но неожиданно запнулась, увидев небольшое объявление:

«Доктор Б., специалист по церебральному параличу, проводит прием в клинике Медицинского центра в пятницу с тринадцати до семнадцати часов.»

Был четверг. Я взглянула на часы — без пяти девять. Провидение вмешалось в лице Серой Дамы, просунувшей голову в дверь со словами:

— Время для посещений истекло.

Мой прощальный поцелуй был так рассеян и тороплив, что Джимми остался сердитым и немного обиженным. Я бросилась к коммутатору и попросила дежурную вызвать нашего друга, работавшего врачом в той же больнице.

Он вышел через несколько минут, и я сказала:

— Билл, я не пьяная и не сошла с ума, но хочу, чтобы ты для меня сделал кое-что.

— Ну конечно, — произнес он, слегка ошарашенный моим напором.

— Принеси из библиотеки справочник по врачам и помоги мне найти в нем одного человека.

— Прямо сейчас? — удивился он еще больше.

— Прямо сейчас. Ну пожалуйста!

— Ладно.

Билл всегда был парень что надо.

Он вернулся с книгой, и мы устроились с ней в комнате ожидания. Данные об образовании, квалификации и профессиональной деятельности доктора Б. были просто великолепные; на Билла они явно произвели впечатление, и на меня, соответственно, тоже.

— Спасибо тебе огромное, Билл. Только Джимми ничего не говори.

Он взглянул на меня, словно хотел сказать, что у Джимми и так хватает забот, не стоит их еще добавлять.

— Спокойной ночи, — торопливо сказала я и бросилась вон.

Едва придя домой, я схватилась за телефон и заказала разговор с доктором Б. Было без четверти десять. Я слышала, как где-то далеко звонил телефон, наконец мне ответил женский голос. Телефонистка сказала, то вызывают доктора Б.

— Кто его спрашивает? — поинтересовалась женщина.

— Миссис Киллили из Рей.

Я знала, что та женщина может слышать меня, и сказала, что доктор Б. хорошо знаком со мной и в любое время будет рад моему звонку. Хитрость мне удалась, мне ответил мужской голос:

— Доктор Б. слушает.

— Мы с вами не знакомы. Меня зовут миссис Киллили, я живу в Рей. Я прочла в газете, что вы завтра ведете прием в Медицинском центре.

Я боялась, что он повесит трубку, и торопливо продолжала:

— Нашей дочери три с половиной года, он больна ДЦП. За два с половиной года мы обратились к двадцати трем докторам. Мы объездили всю страну. Все говорят, что случай безнадежный, что больной церебральным параличом лишен интеллекта.

Мне показалось, он подавил вздох.

— Мы думали, что больше врачей уже не осталось, но сорок пять минут назад я прочитала про вас. Я бы хотела привезти ее завтра к вам на прием.

— Мне очень жаль, миссис Киллили, — вежливо ответил он, — но у меня не будет времени. Больных и так записано слишком много.

— Ну пожалуйста, доктор! — взмолилась я. — Ну как-нибудь!

— Я по опыту знаю, что у меня не будет ни минуты свободного времени, — мягко возразил он.

— А когда вы сможете нас принять?

— Не знаю. Завтра вечером я надолго уезжаю на Запад.

Я ни за что не хотела упускать такой шанс. Я забыла свое монастырское воспитание, забыла все мамыны наставления.

Мертвой хваткой вцепившись в трубку, я продолжала со смелостью отчаяния:

— Ваш поезд приходит на Пенсильванский вокзал?

— Да, на Пенсильванский.

— Доктор, вы наша последняя надежда. Если вы скажете, что ничего нельзя сделать, мы примем ваш приговор. Но я чувствую, что, если *вы только* увидите Карен, вы так не скажете.

— Но...

— Когда прибывает на вокзал ваш поезд? — перебила я его. — Я попрошу носильщика принести Карен в багажное отделение. Прошу вас, посмотрите ее, хотя бы пять минут.

— Но...

— Ну пожалуйста, доктор, пожалуйста, — снова перебила я. — Только скажите, искать ли нам дальше или нет никакой надежды? Неужели те врачи все-таки правы?

Наступила долгая пауза. От его ответа зависела жизнь моего ребенка.

«Боже, сделай так, чтобы он согласился!»

— Хорошо, миссис Киллили, — его голос звучал как музыка, — приходите завтра в клинику. Я постараюсь посмотреть ее.

— Спасибо, доктор! Спасибо вам...

— Не стоит. Итак, до завтра. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, и благослови вас Господь.

Я не хотела, чтобы о моей поездке кто-то узнал, потому что все, кроме наших матерей, считали, что мы и так зашли слишком далеко и в своих поисках явно перешли границы здравого смысла.

— Примите это как факт и перестаньте сопротивляться неизбежному, — обычно советовали нам.

Я собиралась в дорогу и пыталась привести в порядок свои мысли. Мне еще никогда не приходилось отправляться в такую поездку без Джимми. Пугали меня не физические трудности путешествия, а то, что мне придется обойтись без его моральной поддержки.

До Рождества оставалась всего неделя, и нас захлестывали предпраздничные хлопоты, хорошо знакомые всем

семьям, где есть дети. Мы надеялись, что Джимми вернется домой до Рождества, но откровенно говоря, он смог бы только руководить смешиванием коктейлей, да и то лежа на диване.

Поскольку Мари оставалась дома без моего присмотра, мне пришлось встать с утра пораньше и, словно белке осенью, прятать по шкафам и ящикам разные интересные свертки и коробки.

Я всегда любила наряжать своих малышей — они были такие красивые. Карен — просто очарование. Я выбрала очень женственное платье из бледно-желтой вуали, до блеска расчесала ей волосы и надела на нее теплый желтый комбинезон. В таком наряде она напоминала мне первый весенний нарцисс.

Казалось, даже природа участвовала в каком-то всеобщем заговоре сделать мою поездку как можно труднее и неприятнее. За несколько дней до этого шел снег, потом он растаял и грязь прихватило морозцем.

В тот день на дорогах был гололед, и диктор объявил по радио, что всем рекомендуется не выходить из дома без крайней необходимости. Каждый раз, слыша это вполне разумное предупреждение, я думала, что вряд ли у кого-нибудь есть необходимость более крайняя, чем моя; разве не было у меня пусть одного-единственного шанса на миллион сделать мужу подарок — будущее нашего ребенка. Я не позволяла себе задерживаться на этой мысли, но каждый раз меня от нее охватывала дрожь.

Машина, которую мне одолжили для поездки, была просто роскошна и оборудована решительно всем, кроме, разве что, вафельницы. Дворники на лобовом стекле были тонкие и острые, как два скальпеля. Правда, проехав всего один-два квартала, я поняла, что такие дворники — не самый лучший вариант.

«Если бы только Джимми был со мной!» — подумала я в первый, но далеко не в последний раз за этот день.

Все вокруг было разукрашено к Рождеству. На тротуарах толпы покупателей превратили ледяную корку в

кашицу; везде витал тот дух доброжелательства и радостного ожидания праздника, который возникает в середине декабря и исчезает вскоре после Нового года. Водители не проклинают задерживающие движение машины, а, скорее, выражают им мягкое осуждение, как будто чувствуют, что спустить такое совсем уж безнаказанно — предательство по отношению к шоферскому кодексу чести.

Я смотрела на спешащих пешеходов и думала: «А понимают ли они, какое чудо происходит каждый раз, когда они переставляют ногу? Когда они берут сверток и крепко держат его? Или когда они без всякого усилия могут произнести: "Веселого Рождества!"».

В дороге я много молилась. Я молилась, чтобы Младенец Спаситель принес нам на Его Рождество бесценный дар — дар мысли и движения для нашей дочери.

Чем ближе мы подъезжали к больнице, тем больше я волновалась. Я не была уверена, что сумею выдержать еще один удар.

Эта клиника, как и многие другие, где нам довелось побывать, оказалась переполнена детьми всех возрастов. Одни были неподвижны, как Карен, другие с постоянными судорожными движениями, у некоторых на лицах застыли гримасы, у кого-то текла слюна, кто-то ковылял неверной походкой; многих привезли в колясках. Все они были больны какой-либо формой ДЦП.

Наконец пришел наш черед. Мне велели отнести Карен в один из занавешенных альковов, где стоял высокий стол для осмотра и белый эмалированный столик. Следом за нами туда вошел высокий, стройный, с прекрасной осанкой мужчина. Он показался мне усталым. Когда он подошел, я протянула ему руку:

— Я миссис Киллили, а это — Карен. Не знаю, как и благодарить вас за то, что согласились ее осмотреть.

— Рад познакомиться, — сказал он, поддерживая Карен на краю стола. — Вы приехали на машине?

Он дал Карен леденец на палочке и положил ее на спинку.

— Да, доктор, на машине.

Он взглянул на меня, улыбнулся и начал развязывать ее ботиночек. Я подошла и привычными движениями принялась раздевать Карен.

— Расскажите мне о ней, — попросил он.

Я столько раз рассказывала свою историю, что коротко и четко изложила все самое главное. Пока я говорила, он начал осматривать Карен, а потом задал много вопросов, большинство из которых я слышала впервые. Я старалась отвечать разумно, точно и объективно. Правда, так волновалась, что сбивалась, путалась, но он дал мне понять, что мои ответы его удовлетворяют.

Он очень долго осматривал Карен и делал такие вещи, которых я не видела раньше. Закончив, он помог мне одеть ее.

— Ну что, доктор, что вы скажете? — я сделала упор на «вы». Карен улыбнулась ему, и он улыбнулся ей в ответ.

— Миссис Киллили, — начал он спокойно и уверенно. Я замерла, чувствуя, как по спине стекают струйки пота. Я впервые одна слушала заключение врача. Он продолжал:

— Карен прекрасный здоровый ребенок. Ей нужна помощь, много помощи. Я считаю, что ее можно научить сидеть и действовать руками. Она сможет ходить. Кроме того, нет никакого сомнения, что она абсолютно разумна. Коэффициент умственного развития нормальный и даже выше нормы.

За все годы напрасных поисков и обманутых надежд я ни разу не плакала, но тут я заплакала; слезы казались теплыми и сладкими, потому что это были слезы счастья.

ГЛАВА 5

В последние годы много пишут и говорят об относительно новой области медицины — психосоматике. Я не разбираюсь в этом вопросе и не могу высказать какое-то мнение. Однако приверженцы этой отрасли, возможно, будут рады включить в свои анналы сообщение о рекордно быстром выздоровлении Джимми, после того как он узнал о прогнозе доктора Б.

В конце января, как только Джимми поправился после болезни, мы втроем отправились на юг, к доктору Б. Для двухдневной поездки нам, похоже, требовалось столько же вещей, как и для двухнедельного путешествия. В течение нескольких лет это удивляло и раздражало моего супруга, но постепенно он смирился. В этот раз он больше обычного ворчал по поводу саквояжа и дорожной сумки. Он напоминал, что мы целиком зависим от носильщиков, поскольку врачи категорически запретили ему поднимать тяжести, а мне придется нести Карен.

Никакой медовый месяц не мог сравниться с нашей поездкой — так переполняло нас чувство уверенности в счастливом будущем. Мы обязательно узнаем, как можно научить Карен сидеть, ходить, действовать руками. Это наше путешествие резко отличалось от всех предыдущих. Наверно, мы и выглядели по-другому, потому что, вместо того чтобы отворачиваться или с жалостью глядеть нам вслед, прохожие кивали, улыбались или дружелюбно приветствовали нас. Мы были приятно удивлены отзывчивостью окружающих и с удовольствием обсуждали эту тему все три часа пути.

Когда мы приехали, было уже четыре часа дня. Впоследствии мы повторяли этот путь десятки раз, и каждый раз на этом вокзале у меня появлялось ощущение, словно я персонаж из фильма Хичкока. Сводчатые тун-

нели с голыми лампочками на потолке, огромные тени, причудливой формы клубы дыма.

Поезд, словно страдающий артритом великан, со скрипом отправился дальше на Вашингтон, а мы остались стоять на деревянной платформе и дожидаться носильщика. Однако ожидание оказалось напрасным. Я обезоружила Джимми, выбила у него почву из-под ног, заявив:

— Ну да, я знаю, «ты мне говорил», но до стоянки такси не может быть далеко, пошли.

Я покрепче прижала к себе Карен и ухватила саквояж, который, казалось, был набит книгами, кирпичами или и тем и другим вместе. Джимми послушно взял дорожную сумку, совсем легкую — в ней были только ночная рубашка и моя косметика, или, как называла ее Мари, мое «лицо». Мы шли по перрону — Джимми, высокий, стройный, ничем не обремененный, и я, сгибаясь, спотыкаясь под тяжестью ноши. На вокзале было полно народа, но вместо кивков и улыбок вокруг были лишь неприятные, возмущенные взгляды. Они были так откровенно враждебны, что я расстроилась. Никогда раньше мне не приходилось бывать в этих краях — может быть, здесь еще не окончилась гражданская война и они видят в нас своих противников — янки? Я взглянула на Джимми и увидела, что у него пылает лицо.

— Я сажусь, — заявил он. — Положи Карен мне на колени, поставь саквояж и, ради Бога, найди носильщика. Скажи — чрезвычайные обстоятельства.

— Джимми, дорогой, что случилось? Тебе плохо? Где болит? — перепугалась я.

— Вот именно, случилось, — он свирепо глянул на меня. — Ты что, не видишь, как на нас смотрят?

— Вижу, — ответила я. — Но не знаю почему. Да мне это и все равно.

— А я знаю, и мне не все равно. Ты, такая тоненькая и хрупкая, тащишь ребенка и тяжелый саквояж, а я, большой и сильный мужчина, иду рядом с сумочкой. Это унижительно, просто унижительно.

Следующий день был холодный и невыносимо мрачный. Мы пришли к доктору Б. за пятнадцать минут до назначенного времени. Мы были записаны первыми, и он немедленно принял нас. Даже сама обстановка у него в кабинете успокаивала. Мягкие, приглушенные тона, прекрасной работы письменный стол красного дерева, книжный шкаф, несколько кресел и стол для осмотра больных.

Джимми и доктор Б. познакомились и принялись подшучивать по поводу моего звонка в тот памятный вечер. Доктор взял у меня Карен и положил ее на стол.

— Как поживает мой котенок? Она нежно улыбнулась ему и сказала:

— Здастье.

Мы вместе раздели Карен, и он еще раз осмотрел ее, все время рассказывая нам, что именно и зачем он делает. Он был первым, кто что-то объяснял нам.

— Прежде всего, — сказал он, — ошибочно считать, что церебральный паралич бывает только с рождения. Это может случиться с любым и в любое время. Все формы церебрального паралича — результат аномалии, повреждения или болезни мозга, функции которого столь разнообразны, что может возникнуть бесчисленное количество вариантов этого заболевания.

— Доктор, вы не могли бы объяснить немного попроще? — попросил Джимми.

— Ну конечно, — согласился доктор Б. — Церебральный паралич — это повреждение мозга, которое влияет на контроль за мускулами и суставами. Это может быть врожденным пороком, возникнуть в результате перенесенной в детстве тяжелой болезни (кори, коклюша, энцефалита), кислородного голодания, длительной лихорадки, ушиба головы или паралича.

— Ох, а я-то думала, если с этим не родился, так уж никогда не заболеешь, — удивленно произнесла я.

— Да, это очень распространенная ошибка. Трудно даже подсчитать, сколько ветеранов войны страдают церебральным параличом.

— Почему у некоторых детей избыток движений, а у Карен — наоборот?

— Существуют пять форм церебрального паралича: спастический, атетодный, атаксия, ригидность и тремор.¹

¹ Автор приводит классификацию, предложенную американской академией по изучению церебральных параличей.

1. Спастичность проявляется в повышении тонуса мышц. В зависимости от распространения может быть:

- а) параплегия, т. е. поражены либо руки, либо ноги;
- б) квадриплегия, т. е. поражены все четыре конечности;
- в) гемиплегия, т. е. поражены рука и нога на одной стороне тела.

2. Атетоз — червеобразные произвольные (насильственные) движения мышц.

3. Атаксия — нарушения координации при поражениях мозжечка.

4. Ригидность — сопротивление пассивному движению (например, при попытке врача поднять руку больного эта рука становится «деревянной», напряженной, сопротивляется движению).

5. Тремор — быстрые, ритмически повторяющиеся произвольные движения мышц.

В настоящее время принята следующая классификация:

1. Спастическая диплегия — параплегия, когда руки поражены меньше, чем ноги.

2. Гемиплегия — правосторонняя или левосторонняя.

3. Двусторонняя гемиплегия — параплегия, когда руки поражены больше, чем ноги.

4. Гиперкинетическая форма — объединяет все формы насильственных движений.

5. Атонически-астатическая форма — соответствует атаксии.

Ригидность включается в спастические формы (диплегия и гемиплегия).

В интеллектуальном отношении прогностически неблагоприятна двусторонняя гемиплегия. При всех остальных формах ДЦП возможен сохраненный интеллект. Однако возможно и снижение интеллекта в разной степени, не обусловленное ДЦП, одни и те же причины (повреждение головного мозга) могут вызвать и ДЦП, и умственную отсталость (олигофрению).

(К. А. Семенова. *Детский церебральный паралич*. М.: Медицина, 1968)

Он рассказал нам про различные формы заболевания и добавил, что многие годы его, независимо от типа, называли болезнью Литтла, или спастическим параличом.

— Это в корне неверно, — продолжал он, — потому что способы лечения каждой формы различны. Чтобы выбрать оптимальные методы лечения, необходимо иметь точный диагноз.

— Для объяснения я пользуюсь таким сравнением, — продолжал доктор Б. — Скажем, нормальный ребенок рождается с физическим образованием, равным школьному. Наш ребенок с церебральным параличом рождается без него. Так же как мы даем нормальному ребенку академическое образование, больному мы должны дать физическое образование. Если оставить нормального ребенка на необитаемом острове, он, в положенное время, начнет ползать, а потом и ходить. На основе того, что слышит вокруг, он создаст собственный язык, подобный языку птиц и животных. Он сумеет тянуться к предметам, брать их; сможет кормить себя, поскольку он уже родился с физическим образованием, достаточным для выполнения этих действий. У ребенка, больного церебральным параличом, этого врожденного образования нет. Но его можно и нужно научить.

По целому ряду причин, чем раньше начато обучение, тем лучше. Прежде всего, в том возрасте, когда ребенок обычно учится ходить и говорить, природа дает ему сильную мотивацию для выполнения этих действий.

Второе — фактор роста. Возьмем, к примеру, длинный и короткий карандаши. Короткий поставить гораздо проще. Так же и ребенку легче научиться стоять, пока он не вырос.

Третье, если лечение начать в раннем возрасте, легкие формы церебрального паралича могут быть со временем почти полностью вылечены. Не специалист даже не догадается, что у ребенка были какие-то отклонения.

Цель лечения — не только исправить, но и предотвратить возможные деформации. Если мы в раннем возрасте начнем разрабатывать тугое подколенное сухожилие — мышцу на задней стороне ноги — оно не будет препят-

ствовать росту кости. Если нет — по мере роста кости мышца натягивается все туже и туже, и в результате — постоянно согнутое колено.

— Как же нам научить Карен? — спросила я.

— Для того чтобы научиться ходить, ей нужна физиотерапия и, кроме того, специальная реабилитационная терапия, чтобы научиться самообслуживанию — есть, умываться, одеваться и писать. Она должна получать каждый вид терапии не менее трех раз в неделю. С помощью этих занятий другие участки мозга должны научиться выполнять работу поврежденных — посылать импульсы.

Я быстро прикинула фантастические суммы, потраченные нами за последние четыре года, и робко спросила:

— Но это же, наверное, очень дорого?

— Да, — подтвердил он, — не менее пяти долларов за сеанс.

Джимми тяжело вздохнул.

— Но пусть вас не волнует, сколько это стоит. Насколько мне известно, там, где вы живете, таких специалистов нет.

— Ну так скажите, куда мы можем послать Карен учиться, — сказала я.

— У нас в стране есть несколько таких учреждений, — ответил он. — Но стоимость содержания там — минимум двести пятьдесят долларов в месяц, а ждать своей очереди приходится не один год.

— Так как же этим детям научиться жить нормальной, полноценной жизнью?

— Я и сам хотел бы это узнать, — признался он. — Сегодня лишь один из ста получает необходимое лечение и образование. А каждые тридцать пять минут рождается еще один больной церебральным параличом, не говоря уже о тех десятках тысяч, которые приобретают его позже.

Он потянулся за новой сигаретой. Мы наконец-то нашли выход, и тут же у нас его отняли. Джимми хлопнул ладонью по столу и вскочил на ноги.

— Не верю. Америка — страна равных возможностей! — почти выкрикнул он. — Это же просто насмешка! — Он подошел к окну. — Это невысказано. Боже мой, мы столько искали эту возможность — и теперь отказаться? Нет, должен быть какой-то выход...

У него дрожали губы. В таком состоянии я Джимми еще никогда не видела. Он опять сел в кресло, сжав голову руками. Вдруг он резко выпрямился и посмотрел на доктора Б.

— А почему мы сами не можем выучиться делать все это?

Доктор Б. встал, прошелся по кабинету и сел перед Джимми на край стола.

— Можете, — ответил он.

Лицо Джимми осветилось надеждой.

— Я получу разрешение на работе, мы приедем и будем жить здесь, сколько понадобится.

— Вы поможете нам, доктор? — спросила я. — Вы научите нас?

— Обязательно. — Он потушил сигарету. — Это далеко не лучший выход, но думаю, вы вдвоем справитесь. Приезжайте, и мы обучим вас всему необходимому.

Мы с Джимми переглянулись и разом посмотрели на Карен. Наши поиски закончились.

Доктор Б. объяснил многое, что вызывало наше недоумение последние два с половиной года. Врачи, так же как юристы и инженеры, знают то, чему их учили в институте, но...

— До настоящего времени, — закончил он, — в медицинских институтах не обучают диагностике и лечению ДЦП.

Перейдя к обсуждению нашей проблемы, он объяснил, что помощь потребуется не только Карен, но и другим членам семьи, поскольку ее выздоровление будет во многом зависеть от окружающих.

— Вы все выясните и сообщите мне, когда приедете. Джимми взял у меня Карен и прижался к ней щекой.

— До свидания, доктор, и спасибо вам, большое спасибо, — охрипшим от волнения голосом произнес он.

Я была очень эмоциональна в выражениях благодарности, но доктор Б. вовсе не был смущен и отнесся к нашим словам со снисходительным пониманием.

В первые же выходные после нашего возвращения мы провели семейный совет. Мы обсудили «ситуацию» (сразу решив не считать ее большой проблемой и проанализировав ее относительно каждого из нас). Это касалось всех членов семьи. У каждого из нас имелись свои особенности, но мы сформулировали несколько общих для всех правил.

1. Карен — ребенок с физическим недостатком, но нельзя забывать, что она прежде всего ребенок, со всеми свойственными детям потребностями и желаниями.
2. Многие люди со здоровыми руками и ногами имеют серьезные недостатки: скверный характер, ложную шкалу ценностей и т. д.
3. Карен должна ощущать наше сочувствие, но никогда — жалость.
4. Никакой чрезмерной опеки. Мы должны заставить себя преодолеть мучающий нас страх, иначе он будет подрывать и разрушать все наши усилия.
5. Эти усилия должны быть направлены к одной цели: чтобы со временем Карен стала полноценным членом нашего общества.

Для этого мы в дальнейшем будем считать Карен не пораженной церебральным параличом, а попавшей под его воздействие.

ГЛАВА 6

Рождество 1943 года принесло нам радостные надежды и ожидания. Джимми словно заново родился, и нечего говорить, что его выздоровление шло на удивление быстро.

Мама подарила детям на Рождество канарейку, и Карен весело свистела вместе с ней. Еще мы купили черепаху — живое существо, которое не могло быстро убежать от нее. Только мы немного привыкли к этим новым членам семьи, как Бальфесы подарили нам одного из своих чудесных ангорских котят.

И вся семья, и наши близкие друзья понимали, что Карен необходимы друзья, что ей нужно о ком-то заботиться.

Котенок вырос и стал проводить время в обществе других кошек. Кокер-спаниель постарел и досыпал свой век на кухне возле плиты. Нужно было заводить еще каких-то зверей. Мы купили крольчиху-шиншиллу удивительной красоты, к тому же ожидавшую прибавления семейства.

Мари назвала ее Бэббит. Бэббит, похоже, лучше всех нас поняла, что нужно Карен. Ее дар оказался самым щедрым — двенадцать крошечных «бэббитов». Поскольку именно они в значительной степени составляли «общество» Карен, крольчата должны были днем находиться в доме. Чтобы принять такое решение, от нас требовалась немалая доля мужества, но, к своему удивлению, уже через несколько недель все привыкли к такому положению вещей.

Мы клали Карен на одеяльце в манеж и сажали туда шесть-семь представителей кроличьего семейства, загораживая снаружи доской, чтобы не сбежали. Мари катала оставшихся крольчат в кукольной коляске, и все были довольны. Много, что делалось ради Карен, шло на пользу Мари.

Когда кроликам исполнилось месяцев семь, девять из двенадцати неожиданно заболели. Стоял очень холодный февраль. Джимми позвонил нашему другу Уолтеру Миллеру, ветеринару.

— У нас на руках десятков очень больных крольчат, — сообщил он и описал симптомы болезни. — Мы не имеем ни малейшего представления, как лечить кроликов. Ты должен рассказать нам, что и как делать.

Уолтер тоже, видимо, не специализировался по кроликам, но обладал хорошей памятью и сумел вспомнить какие-то сведения из учебника:

— У меня нет никакого подходящего лекарства, — сказал он, — но, насколько я помню, им необходимо дать корни одуванчиков.

Я слышала только то, что говорил Джимми, и была несколько ошарашена, услышав, как он с почтением произнес:

— Так ты говоришь, корни одуванчиков? Ну ладно, если ты так считаешь, хотя эта работенка и не приводит меня в восторг. Я тебе потом позвоню, расскажу, как все получится. Чего не сделаешь ради детей, — пробормотал он, натягивая пальто и закутываясь шарфом. — Тебе тоже лучше одеться потеплее, — злорадно посоветовал он. — Пойдешь поможешь. Нет, ну это же надо — корни одуванчиков в феврале.

Мы вышли на задний двор дома. Летом он был весь покрыт одуванчиками, но в ту ночь их, как назло, ни одного не было. Мы захватили лопаты и фонарики, и когда мне, наконец, удалось отыскать корешок, я издала радостный вопль. Джимми примчался, и мы вдвоем принялись долбить землю. Даже двигаясь, трудно было не замерзнуть, а уж пока мы стояли на коленях, ледяной ветер пробрал нас до костей. Земля замерзла, как камень, и мы тщетно пытались расковырять ее. Минут через десять сломалась ручка у моей лопаты, и Джимми пришлось продолжать одному, а я держала фонарик. Еще через десять минут я окончательно заоченела. Джимми, наоборот, вспотел, но не добыл ни одного корешка.

— Ну все, с меня хватит, — с отвращением заявил Джимми. — Иду снова звонить Уолтеру. Должно же быть какое-нибудь другое средство. А чем они, интересно, лечат больных кроликов там, где одуванчики не растут?

Он решительно двинулся к дому. Проходя через кухню, Джимми взглянул на часы.

— Половина десятого. Бедняга Уолтер, наверно, отдыхает после тяжелого дня, а может быть, у них бридж в самом разгаре. Я чувствую себя полным идиотом. Знаешь что, давай-ка я лучше попробую починить лопату, а ты позвони сама.

Женщине легче делать подобные глупости, я позвонила Уолтеру и сообщила, что мы не сумели раздобыть рекомендованное лекарство.

— После того как вы позвонили, я все время думал, — сказал он, — и единственное, что еще смог вспомнить — ветки плакучей ивы, маленькие нежные побеги. Понятия не имею, где их можно найти, но желаю удачи. Держите меня в курсе дела. Да оденьтесь потеплее, — добавил он.

Я передала Джимми слова Уолтера, и мы мрачно посмотрели друг на друга: где взять эту несчастную плакучую иву? И тут меня осенило:

— Джимми! Я знаю, где они растут — в парке, возле пруда. Надо позвонить твоей маме и сказать, что нам надо ненадолго уйти. Я думаю, она не откажется посидеть с малышами.

— Ты только скажи, что нам надо срочно уйти, — посоветовал Джимми. — Не объясняй ничего, пока она не придет. Еще, чего доброго, решит, что я ударился в пьянство.

Без четверти десять матушка Киллили уютно устроилась перед горящим камином, а мы отбыли на поиски. Минут пятнадцать Джимми пытался завести машину, но в итоге нам пришлось пешком пройти полмили до парка. Мы шли быстро, почти не разговаривая — стучащие зубы мешали отчетливо произносить слова. Но одну фразу я разобрала:

— Вот интересно, способны ли дети оценить, на что ради них идут родители?

Ответа он, похоже, не ожидал.

Ивы были великолепны, и мне почему-то вспомнилась леди Годива. С радостным криком я схватилась за ножницы, а Джимми — за перочинный ножик. По-моему, никогда в жизни мне не было так холодно. Я вся покрылась гусиной кожей. Даже нос замерз. Мы уже набрали почти полный пакет, когда из темноты раздался хриплый голос:

— Вы портите общественное имущество. Пройдемте со мной.

Я уронила ножницы, схватила фонарик и направила в ту сторону, откуда раздался голос. Перед нами стоял представитель Закона.

— Господин полицейский, — торопливо начала я, — это для лекарства. Понимаете, у нас заболели кролики.

Изумление на его лице сменилось праведным гневом.

— Такие с виду симпатичные молодые люди, и так напились. И вечер-то еще только начался, — сказал он вполголоса, скорее себе, чем нам.

Я представила, как завтра наши друзья открывают газеты и натываются на такой заголовок:

«АРЕСТ ПЬЯНОЙ ЧЕТЫ

Мистер и миссис Киллили, проживающие в доме № 40 по Хилл-стрит, были задержаны вчера вечером за...»

— О Боже, что же нам делать? Мне недолго пришлось раздумывать.

— Моя машина стоит у ворот. Давайте поживее.

Джимми знаками велел мне молчать, и мы отправились следом за полицейским. В машине и в полицейском участке было тепло. Когда мы вошли туда, я испытала невыразимое облегчение — сержант, сидевший за столом, оказался моим старым другом. Мы все объяснили и, наконец, сумели их убедить.

Кролики после той ночи быстро оправались, мы с Джимми — никогда.

Дети рождаются без чувства страха. Мне говорили, что если только что родившегося младенца бросить в воду, он поплывет, но уже на второй день жизни не сможет этого сделать. Он узнал страх. И, так же как ребенок рождается без страха, он рождается без предрассудков. И то и другое приобретается потом. Этот принцип был нам ясно продемонстрирован. За последние десять с лишним лет мы твердо усвоили, что в мире больше доброты, чем жестокости. Мы поняли, что большая часть жестоких поступков — результат предрассудков, возникших от невежества, от незнания фактов.

За время наших долгих поисков мы выяснили, что в туристских пансионатах останавливаться дешевле, чем в гостиницах. Как-то мы забрались в один из западных штатов. На прием к врачу нужно было идти рано утром. Чтобы Карен могла отдохнуть перед осмотром, мы приехали накануне вечером.

Шел дождь, Джимми высадил нас с Карен у дверей и поехал ставить машину за дом. Поездка была долгой, Карен устала и немного капризничала. Пансион выглядел просто очаровательно: старый деревянный дом, выкрашенный в белый цвет, приветливо светятся окна — все уютно, по-домашнему. Я позвонила, дверь тут же открыла симпатичная пожилая женщина.

— Мы хотели бы остановиться у вас на ночь, — сказала я, — если вы можете поставить нам в комнату кровать для Карен.

— Да, пожалуйста, мы можем вас устроить.

Она провела меня в со вкусом обставленную гостиную и предложила сесть. Я уселась поудобнее и пристроила Карен у себя на коленях. Ей в то время исполнилось три с половиной, и, хотя и маленькая для своего возраста, она выглядела уже достаточно крупным ребенком.

— Поставьте малышку на пол, вам же тяжело, — предложила хозяйка.

— Ничего, я подержу.

— Ну так посадите ее рядом в кресло. Или пусть побегает, я не стану возражать. Маленькие дети плохо

переносят дорогу. Ей, наверное, хочется потопать ножками.

— Карен не умеет ходить и бегать, — объяснила я. — Она и сидеть-то сама не может. Вы увидите, что даже у меня на руках ей тяжело долго держать головку. Поэтому мы и приехали сюда. Мы хотим показать ее доктору С, может быть, он сумеет ей помочь.

Женщина слушала меня со странным выражением лица и вдруг, побагровев от злости, вскочила:

— Убирайтесь из моего дома! — закричала она. — Только у гадких, грязных людей бывают такие дети.

Я сидела потрясенная.

— Вон, убирайтесь вон! — снова закричала она, указывая на дверь.

Взяв Карен, я встала, подошла к двери и вышла под проливной дождь. Джимми как раз заворачивал за угол дома.

— Что случилось? — спросил он.

— Нет мест, — ответила я.

— Почему же ты не подождала, пока я не подгоню машину к дверям? Вы обе промокнете.

— Да я просто не сообразила, а теперь что туда, что обратно — одинаково.

— Давай мне Карен и побежали.

Когда я садилась в машину, меня била дрожь. Внимание Джимми было целиком поглощено скользкой узкой дорогой. Я напряженно всматривалась в окна, пытаюсь сквозь завесу дождя увидеть где-нибудь знак «Туристы». Пока дрожь унялась и я начала приходить в себя, мы отъехали уже довольно далеко. Понемногу ко мне начало возвращаться чувство юмора. Я стала истерически смеяться и никак не могла остановиться.

— Ох, Джимми, — захлебывалась я, — жаль, что тебя там не было. Совсем как в кино. Ты не поверишь, просто не поверишь.

И я рассказала ему все

Он вцепился в руль, словно хотел раздавить его, и дал волю своим чувствам — его жену посмели оскорбить, посмели подумать, что его ребенок...

— Вернуться бы, да показать ей... Эта злобная дура...

И так весь вечер и весь следующий день. Ему потребовалось больше времени, чтобы увидеть смешную сторону случившегося. Обиду, нанесенную любимому существу, труднее перенести, чем свою собственную.

И все же в течение всех этих лет сочувствие и понимание окружающих были скорее правилом, чем исключением.

Для Карен, например, нужен был специальный стульчик с наклонным сиденьем, чтобы она не сползала с него. Джимми попросил нашего соседа, плотника, сделать такой стул. Он показал ему картинку, а Джим Демпси снял мерки с Карен. Стул на картинке был предметом чисто утилитарным, но то, что принес через несколько дней Джим, оказалось настоящим произведением искусства.

Прошел месяц, а мы не получили счета, и как-то вечером Джимми отправился к Демпси. Некоторые из наших счетов могли и подождать, но у Джима было четверо детей, и мы считали, что ему надо заплатить в первую очередь.

— Я должен точно, слово в слово, передать тебе, что сказал Джим, когда я спросил о счете, — объявил Джимми.

И почти благоговейно повторил слова Джима:

— Бог дал мне четырех здоровых малышей и две сильных, работающие руки. Тебе не кажется, что я обязательно должен что-то сделать этими руками для Карен?

Соседские дети были добры к Карен и обращались с ней осторожно, стараясь ничем ей не повредить. Когда *настала* весна, мы достали Карен из манежа и положили на землю.

— Как хорошо, мамочка, — сказала она. Я понимала, что она наслаждается теплом и запахом весенней земли.

Однажды я гладила на кухне и *наблюдала, как* Карен и несколько соседних детей играли у нас во дворе. Наш зверинец притягивал ребятишек, а Джимми еще повесил старую автомобильную покрывку на дерево, растущее

на склоне холма, и сделал из нее отличные качели. Зимой он устроил на этом склоне горку и каждый раз, выдумывая для детей новую забаву, говорил:

— Если Карен не может пойти к ним, сделаем так, чтобы они шли к ней.

В тот день я увидела во дворе незнакомого мальчугана лет шести. Я слышала, что к нам на Милтон-роуд приехала новая семья, и решила, что это их ребенок. Карен старательно ползла, чтобы достать бельевую прищепку, которую я нарочно положила сантиметрах в десяти от нее. Я видела, что один из детей отнял у нее прищепку и опять отодвинул немного в сторонку. Заплакав от обиды и разочарования, она начала все сначала, старательно, с усилием, преодолевая сантиметр за сантиметром. Новый мальчик стоял и смотрел. Потом подошел к кухонному окну и постучал. Я выглянула в окно:

— Здравствуй, меня зовут Мари. А тебя?

— Дейл, — коротко ответил он. — А что с ней такое? — он показал на Карен.

— Видишь ли, Дейл, — ответила я, — Бог не сделал ее руки и ноги такими сильными, как твои или мои. Мы должны научить ее ходить и делать все руками. Она учится, но это очень трудное дело, поэтому ей надо помогать.

Глаза Дейла раскрывались все шире и шире, а румяные щеки даже слегка побледнели. Обдумывая мои слова, он почесал одну ногу другой, потом посмотрел на Карен и отнятую прищепку.

— А вы видели, что они сделали? — сурово спросил он.

— Да, — ответила я, — но такое редко бывает, а если я вмешаюсь, это не пойдет на пользу Карен. И ребята могут рассердиться на нее.

Он резко повернулся ко мне и свирепо произнес:

— Пусть только еще раз попробуют обидеть ее. И зашагал прочь.

— Вонючка несчастная! — заорал он на обидчика. — Еще раз такое сделаешь — морду набью!

Его речь не была изысканной, но возымела действие.

Я закрыла окно и вернулась к своему уюту, а он остался охранять и защищать Карен.

В этот день она получила защитника, которого дети приняли, потому что он был один из них. В течение шести лет, пока Дейл жил по соседству, никто не осмеливался обижать Карен в его присутствии.

Дейл уехал четыре года назад, и я плакала, когда мы прощались.

Финансовые проблемы все росли и росли, как Алиса в Стране чудес. Наш дом все больше и больше требовал ремонта. Нужна была новая крыша — в столовой протекал потолок. Помню один торжественный пасхальный обед. У нас в гостях были наши родители и крестный Мари. Неожиданно начался ливень. Я извинилась, бросилась на кухню за сковородкой и поставила ее в нужном месте. Трапеза завершилась под музыку капель, звонко бьющих в алюминиевую сковороду. Газовый водогрей тоже надо было менять: он отслужил свое и у него не было автоматического выключения. Часто я слишком долго оставляла его включенным, вода закипала и сдирала ржавчину с внутренней поверхности труб. Иногда выстиранное белье выглядело так, словно его полоскали в табачном настое.

Весной начался бейсбол. Он всегда оставался моей первой любовью. Мой дедушка был вратарем и играл за команду чемпионов мира 1882 года «Ред Стокингз» из Цинциннати. Это он придумал маску вратаря, и девять дочерей не могли простить ему, что он запатентовал свое изобретение. Он же первым надел бейсбольную рукавицу. Когда умер дедушка, я была совсем маленькая, но до сих пор помню его руки. Каждый палец был сломан по крайней мере дважды.

В субботу мы с Джимми и супругами Гроак отправились посмотреть бейсбольный матч, а потом — к Джеку и Алине Макарти на коктейль. Алина была прекрасной пианисткой. Мы засиделись у них допоздна. Наши матери обе были заняты, и с детьми осталась дочь Хоуп, Джин — очень смышленная юная леди.

Мы уехали от Макарти в прекрасном настроении — наша любимая команда выиграла, мартини был в меру сухим, словом, время провели замечательно. И тут, повернув за угол, мы увидели ужасную картину...

Из нашего дома валили клубы дыма, а на улице, в центре быстро увеличивающейся толпы, стояла испуганная группа. Наша нянюшка держала на руках Карен, сбoku к ней прижалась Мари; одной рукой Джин придерживала клетку с канарейкой; кошка жалобно мяукала, собака лаяла, а кролики разбежались по всей улице.

Джимми резко затормозил, и мы выскочили прежде, чем машина остановилась.

— Вы целы? Что случилось?

Они, казалось, пребывали в оцепенении, но когда мы подбежали, все трое дружно заревели. К ним присоединились животные, и шум, который они подняли все вместе, был слышен, наверное, за несколько кварталов. Убедившись, что они целы и невредимы, мы, не тратя времени на расспросы, бросились к дому. Джимми распахнул дверь, и не дым, а стена пара вырвалась нам навстречу. Тут я поняла. Я включила водогрей восемь часов назад и забыла его выключить.

Мэри Гроак усадила мое семейство в машину и увезла к себе домой. Том, Джимми и я бегали вокруг дома, открывая окна. Через полчаса пар немного рассеялся, и мы смогли войти. Ну и разгром! Кипящая вода залилась в трубы с холодной водой, и баки в обеих ваннах, видимо, взорвались. Трубы полопались, с мебели слезла полировка, занавески висели мокрыми тряпками, а линолеум был полностью загублен.

Никто не сказал ни слова; все принялись за работу. Поддерживаемые частично отчаянием, частично выпитым мартини, мы трудились до утра. Я как сейчас вижу Тома Гроака, в намокшей одежде, с прилипшими ко лбу волосами, шагающего по дому со шваброй на плече и расппевающего во весь голос:

— О какое чудесное утро! О какой замечательный день!

Через несколько дней мы с Карен сидели на кухне, и я мрачно рассматривала испорченный линолеум. В дверь постучали. Оказалось — принесли бандероль для Карен.

— Это нас хоть как-то подбодрит, — заметила я, думая про себя, что такой цели может достичь разве что бриллиант Кохинур или, по крайней мере, изрядный кусок линолеума.

Коробочка была девять на пять дюймов. Очень интересный размер, к тому же надпись «хрупкое». С разгоревшимся любопытством я развернула несколько слоев бумаги и открыла коробку. Поверх плотного слоя ваты лежала визитная карточка. На ней было написано:

«Для Карен с любовью от Лоретты Тейдор».

Я сняла вату — внутри лежала стеклянная фигурка единорога из ее последнего бродвейского спектакля «Стеклянный зверинец». Я видела этот спектакль, поняла смысл подарка и почувствовала горячую признательность к Лоретте. Она была не только великая актриса, но и великая женщина.

Когда бы с нами ни случалась неприятность (а они случались с дьявольской регулярностью), за ней неизбежно следовало что-то приятное.

Как раз в это время Карен с успехом начала путешествовать ползком. Теперь за несколько часов усердной работы она могла перебраться в соседний двор. Мы решили, что, несмотря на лужи и колючие кусты барбариса, грязь и царапины, это настоящий Прогресс, и такие действия надо не только разрешать, но и всячески поощрять.

Однажды ясным солнечным днем я готовила обед, радостно размышляя, что моя дочь уже почти добралась до дома наших соседей. Элен Туми время от времени звонила и докладывала о достигнутых успехах. Последний звонок сообщил, что Карен на подступах к большой луже. Я чистила картошку, когда раздался громкий стук в дверь. Я открыла. На пороге стоял человек в знакомой униформе фирмы, доставляющей на дом кондитерские изделия. Мы не пользовались услугами этой фир-

мы, и меня удивило его появление. Но долго удивляться мне не пришлось. Человек просто кипел от возмущения.

— Миссис Туми говорит, что это ваш ребенок ползает там, в грязной луже.

Он уже кричал.

— И еще она говорит, что вы не хотите, чтобы ее от туда достали, чтобы ее отнесли домой.

Я только открыла рот, но не успела произнести ни слова. Он шагнул ко мне, размахивая Старомодным Домашним Пирогом Бабушки Баррет.

— У меня своих четверо детей. Я обслуживаю здесь всю округу, но, позвольте вам сказать, никогда не видел ничего подобного. Таким, как вы, вообще нельзя разрешать иметь детей!

Он кричал все громче и громче и закончил истошным воплем.

Я отчаянно старалась прийти в себя после этой неожиданной и свирепой атаки. Переход от состояния счастливой гордости к объяснениям по поводу моей, казалось бы, очевидной, жестокости, был слишком резким. Я уронила нож, которым чистила овощи, схватила остолбеневшего рассыльного за рукав и потащила его на кухню.

— Я вам сейчас все объясню! — закричала я.

Он прислонился к холодильнику и стоял, как живое воплощение праведного гнева.

— Видите ли, мой ребенок болен ДЦП.

Он посмотрел на меня с недоумением и подозрением.

— Сейчас вы все поймете, — продолжала я. — Это значит...

Так началась моя первая публичная лекция и первый опыт изучения реакции слушателей. Как поверхность озера меняется под порывами ветра, так во время моего рассказа менялось выражение его лица.

— И вы тоже можете помочь, — повинуюсь какому-то наитию закончила я. — В конце концов, вы бываете здесь каждый день и будете часто видеть ее. Разговариваете и ведите себя естественно, как с любым другим ребенком.

Он так долго и усиленно извинялся, что мне даже стало неловко. С извиняющейся улыбкой он пятился к дверям, оставив на столе Старомодный Домашний Пирог Бабушки Баррет.

Назавтра весь день лил дождь, и лужа во дворе Туми стала еще больше. На следующий день я одела Карен в водонепроницаемый комбинезон (качество гарантируется, иначе фирма возвращает деньги) и оставила ее на заднем дворе. Она тут же направилась к соседней луже, как соскучившаяся по дому черепаха — к родному пруду.

Часа через два мне позвонила Элен. Она так хохотала, что я едва могла разобрать, о чем идет речь. Оказалось, что возле ее дома встретились булочник и молочник. Молочник увидел радостно барахтающуюся в луже Карен и среагировал на это с должным испугом и возмущением. Он высказал все, что думал по этому поводу. После чего наш образованный булочник прочел ему яркую и убедительную лекцию о церебральном параличе. Лекция закончилась, сообщила Элен, любопытным описанием того, как следует вести себя в дальнейшем. Такова сила просвещения.

ГЛАВА 7

Когда кусты и деревья старались перещеголять друг друга своими пасхальными нарядами, Джимми взял отпуск и мы втроем вернулись к доктору Б. постигать тайны физиотерапии. Мы ехали на юг и видели вокруг ежегодное чудо пробуждения природы. Оно было везде: в полях, взрыхленных зелеными ростками, в источающих благоухание белоснежных цветках магнолии; в ярчайшем, ошеломляющем человеческий взор разноцветий азалий; в барбарисе. Созданном, возможно, для того, чтобы спустя полгода напомнить людям о звезде, воссиявшей над Вифлеемом.

Мы поселились в гостинице недалеко от доктора Б. и каждый день отправлялись на встречу с мисс Венкин, которая должна была научить нас всем приемам гимнастики и массажа.

Мисс Венкин, симпатичная бодрая женщина лет сорока, уже много лет работала у доктора Б. Она приветливо встретила нас и провела в кабинет физиотерапии. Это была большая хорошо оборудованная комната. Там стоял высокий, обитый мягким стол. Длинные параллельные брусья фута в два высотой, стулья с наклонными спинками, метрономы, высокие столики с полукруглым вырезом сбоку. Высоту брусьев и столов можно было менять. Там было еще много разных приспособлений, и постепенно мы научились ими пользоваться.

Мы сели, устроив Карен в одном из специальных стульчиков. Она сразу освоилась и принялась осматривать комнату, часто восклицая:

— Мамулька, смотри!.. Папочка, смотри!

Мисс Венкин сказала, что, прежде чем начнет учить нас, она хотела бы объяснить, чем именно мы будем заниматься.

— Ходьба — очень сложное действие, — начала она. — При каждом шаге в разных частях тела должны абсолютно синхронно действовать сотни мышц. Из-за повреждения некоторых частей мозга Карен нужные сигналы не доходят до мышц. Цель наших занятий — научить неповрежденные части мозга посылать эти сигналы. У нас будут упражнения для шеи, спины и мышц живота, чтобы Карен могла держать голову, сидеть и стоять; упражнения для ног — напряженные мышцы заставляют ноги ребенка перекрещиваться в «походку ножниц». Никто не может ходить с перекрещенными ногами, поэтому мышцы необходимо разрабатывать растягивая, разводя ноги в стороны.

Поочередное движение ног необходимо для ползания, первого этапа подготовки к ходьбе. Если обычного ребенка в жаркий день накрыть одеялом, он его сбросит, поочередно брыкнув сначала одной, потом другой ногой. У Карен не так. Если она и брыкнет, то двумя ногами сразу. Поэтому одна из первых наших задач — научить ее поочередным движениям, сначала пассивно, делая их за нее, стремясь к тому, чтобы включился мозг и движение стало активным.

Она объясняла ясно и просто, и я подумала, что у нас не будет трудностей.

— Есть упражнения для ступней и пальцев ног и так далее. Я не буду сейчас забивать вам голову всеми упражнениями сразу. У каждого из них есть своя песенка и делается оно в определенном ритме.

Она подошла, взяла Карен, положила ее на стол и раздела до трусиков...

— Теперь я покажу вам, как делается упражнение на поочередное движение.

Джимми встал с одной стороны, я — с другой. Карен лежала и улыбалась, иногда поворачиваясь, чтобы посмотреть на заинтересовавший ее предмет.

— Прежде всего, — продолжала наша наставница, — необходимо научить ребенка расслабляться: с помощью вашего голоса, слов, показав ей тряпичную куклу.

Она сняла с полки куклу и протянула ее Карен. Как у всех тряпичных кукол, ножки и ручки у нее были «расслаблены» и свободно болтались.

— Класивая кукла, — обрадовалась Карен. — Дай. Мисс Венкин подала ей куклу, и Карен нежно прижала ее к груди.

— Мягкая куколка, правда? — спросила мисс Венкин, подчеркнув слово «мягкая».

— Мягкая, — еще раз повторила она, осторожно взяв куклу из рук Карен, и очень медленно пошевелила ее ручками и ножками, позволив им упасть.

— Видишь, какая она мягкая — мягкие ручки, мягкие ножки. А теперь посмотри на меня, зайнька. Смотри, я тоже делаю свои руки и ноги мягкими.

И мисс Венкин замечательно изобразила тряпичную куклу. Примерно через полчаса Карен поняла, что от нее требуется.

— Ее расслабление перед занятиями, — предупредили нас мисс Венкин, — каждый раз должно быть результатом сознательного усилия, и во время упражнений над этим тоже придется немало работать.

Она положила куклу на полку.

— А теперь я покажу вам одно из первых упражнений. То самое, на поочередное движение, о котором я вам говорила.

Взяв Карен за ногу, она начала медленно сгибать одну ногу в колене так, что пятка почти коснулась попки. Потом, разгибая эту ногу, она одновременно начала сгибать другую.

— Такое положение ноги во время этого упражнения исключительно важно, так же как и расстояние между ногами, как и чередующиеся движения коленей.

Джимми очень внимательно наблюдал за ее действиями.

— Мне не очень понятно, — пожаловалась я. Мисс Венкин повторила упражнение несколько раз, объясняя, что происходит на каждой стадии движения.

— Вам надо почитать что-нибудь о мышцах, чтобы вы лучше поняли, — посоветовала она, отходя в сторону.

— А теперь, миссис Киллили, вставайте на мое место и попробуйте делать все сами.

Со стороны все выглядело легко и просто. На самом же деле все оказалось гораздо сложнее. Существует сто десять способов держать ногу, и сто девять из них — неправильные.

Первое занятие продолжалось часа два, потом нам дали специальную литературу и отпустили домой, уставших, но счастливых.

Ночью, в номере гостиницы, мы уложили спать Карен, прикрыли газетой настольную лампу и принялись читать. Мы давно искали хоть какие-нибудь материалы о ДЦП, но до этого дня ничего не могли найти.

Однажды утром, после многих недель обучения, в кабинет вошел доктор Б. Мы делали упражнение для ног, и, разрабатывая пальчики, я ворковала над Карен:

— А птички по гнездышкам чик-чирик.

Он подошел к столу и поднял ее.

— Как поживает мой котенок? Она крепко обняла его и засмеялась.

— Пликласно.

Я замерла, так как по предыдущему опыту знала, что будет дальше. Каждый раз, когда он брал Карен на руки, она хватала его очки, — ритуал, который расстраивал нас и совершенно не беспокоил его.

— Тебе нравится? — спросил он, наблюдая, как она размахивает очками и по стенам, по потолку скачут солнечные зайчики.

— Очень, — ответил наш ребенок, и мы четверо улыбнулись друг другу.

— Я знаю, вас очень расстраивает задержка развития речи у Карен,

Мы кивнули. Мы давно ждали, когда же они заговорят о том, что казалось нам самым важным на данный момент.

— Трудности с речью у Карен — скорее результат влияния окружающей среды, чем что-то органическое. Она выглядела и вела себя, как младенец; и вы, как это ни

прискорбно, обращались с ней как с младенцем. Вот увидите, какой начнется прогресс, когда вы, наконец, признаете ее настоящий возраст и уровень умственного развития.

— А ты хотела бы поехать домой к Мари? — спросил он Карен.

— Да, — твердо ответила она.

Доктор Б. повернулся к нам.

— Вчера вечером мы долго беседовали с мисс Венкин, — сказал он, — и считаем, что вы оба готовы самостоятельно проводить занятия. Вы приедете сюда через несколько месяцев, и мы проверим, как вдут дела у Карен. Может быть, некоторые упражнения придется изменить, другие вообще убрать, и если вы сделаете какие-нибудь ошибки, мы сможем их исправить. Что вы об этом думаете? — повернулся он ко мне.

— Я чувствую себя довольно уверенно и все-таки волнуюсь. Но вместе с Джимми, я думаю, мы справимся.

— Если возникнут какие-нибудь сложности или проблемы, непременно звоните, — сказал доктор Б. От его слов я почувствовала себя увереннее.

— Если хотите, можете уехать хоть сегодня, — он передал мне Карен. Она все еще держала его очки.

— Как же я пойду без очков по лестнице? А вдруг я упаду и разобьюсь?

— На.

Она послушно отдала очки.

— Большое спасибо, — с серьезным видом поблагодарил он. — Вот умница. Приезжай ко мне еще.

Мы пожали друг другу руки.

— Вы молодцы, хорошо потрудились, — сказал он и, как мне показалось, немного грустно добавил: — Если бы все мои родители могли так работать вместе.

— До свидания, доктор, — сказал Джимми. — У нас просто нет слов, чтобы поблагодарить вас.

— Вы помогли не только Карен, но и всей нашей семье, — добавила я. — Вы не хуже нас можете представить, как изменится после этого наша жизнь.

— Вам не всегда будет легко. Иногда эти ежедневные занятия будут казаться просто невыносимыми. Вам придется работать не месяцы, а долгие годы, но награда за ваши усилия будет велика. В тот день, когда Карен сделает первый шаг, вы почувствуете радость, неизмеримо большую, чем от первого шага Мари.

Он улыбнулся и вышел из комнаты.

Теперь, когда у нашей дочери было будущее, нам не давали покоя воспоминания о сотнях несчастных, беспомощных детей, встретившихся нам за время долгих поисков. Мы знали, что им тоже можно помочь. Но кто это сделает? Где, как?

Мы приехали домой, напевая различные песенки, под которые делали упражнения. Когда Джимми вернулся на работу, эта привычка стала источником постоянных шуток. Все насвистывали или напевали разные популярные мелодии, а Джимми машинально выдавал что-то вроде:

— По кочкам, по кочкам, по ровненькой дорожке...

Было нелегко установить в доме новый распорядок дня, включающий два занятия по часу шесть раз в неделю. Для Мари, которой было уже почти семь лет, это означало, что много часов нашего времени будет посвящено исключительно Карен. Мы преодолели эту трудность, научив ее нашим песенкам (которые ей очень понравились) и попросив ее помочь с некоторыми упражнениями. У Мари появилась трогательная ответственность, а со временем — такое чувство долга, которое многие из нас, к сожалению, приобретают на несколько десятилетий позже. И это был еще не единственный положительный момент: трудно было бы придумать лучший способ, чтобы укрепить нашу любовь. На нашу долю выпало много боли, обид, разочарований, но теперь у нас в доме поселилось новое счастье, еще больше, чище, ярче, и мы ни за что на свете не согласились бы отказаться от него. Никогда бы раньше не подумала, что буду благодарить судьбу за «крупные» (а попросту говоря, большие) руки. Или же, что годы, проведенные на теннисном корте

и в фехтовальном зале, дадут что-нибудь, кроме здоровых бицепсов, которые надо прятать и зимой и летом. Мне и в голову не приходило, что в один прекрасный день и то и другое поможет моему ребенку научиться ходить. Неисповедимы пути Господни. Дав мне любовь и способность к спорту, он с детства подготовил меня к испытаниям, выпадающим на долю далеко не каждой матери.

Начав заниматься дома одна, без постоянной помощи мисс Венкин, я поняла, что по крайней мере первое время мне необходима помощь опытного специалиста. Я позвонила доктору Холла, главному врачу округа Вестчестер, и раз в неделю к нам стала приходить Люси Леван-довска, ортопедическая сестра. Мы навеки в долгу перед этой чудесной женщиной. Она щедро одаривала нас своим опытом, умом и добротой; но самое главное — она внушила нам такое отношение к делу, без которого все наши усилия немного бы стоили.

При первом посещении она сказала мне:

— Миссис Киллили, вы должны гордиться, что Бог послал вам ребенка, больного ДЦП. Он, видимо, очень доверяет вам. Вы должны оправдать это доверие.

Поскольку Карен не могла заниматься тем, чем обычно увлекаются дети, нам пришлось искать такой вид деятельности, где бы она сумела достичь успеха. Маленьким детям чувство безопасности дает дом, но по мере их роста это чувство должны были давать собственные достижения.

Мы были благодарны нашим предкам, ибо кто это видывал молчаливого, косноязычного ирландца? Пока другие дети бегали и играли в мяч, а Карен сидела и смотрела, ее можно было научить думать и говорить о них, как о «представителях юного поколения, скачущих и бросающих предмет в пространство». Пусть сегодня высокопарность, но завтра она обернется превосходством — превосходством в речи.

Вся семья заключила договор. Признаюсь, что для его выполнения нам пришлось изрядно разориться на большой

словарь. Мы старались не пользоваться одно-двухсложными словами там, где можно употребить четырех-пятисложные. По мере своего осуществления план этот стал для нас бесконечным источником смешных ситуаций, комичность которых еще усиливалась от того, что Карен всегда была очень миниатюрной, выглядела по крайней мере года на два моложе своих ровесников.

Когда один из соседей предложил Карен апельсин, она ответила:

— Нет, благодарю вас. Я склонна к расстройствам желудка.

Когда Мари в слезах прибежала домой и призналась, что подралась с Флоренс, Карен холодно взглянула на нее и произнесла:

— Я потрясена и глубоко возмущена твоим поведением.

Она сообщила молочнику, что он «чрезвычайно мил», а Бобу Шерберну, выручившему нас фунтом масла, что он «крайне любезен». Она не «хотела есть», но «была голодна», не «уставала», а «утомлялась». Однажды я обратила внимание, что Карен ведет себя необычно тихо.

— Я удручена, мамочка, — невозмутимо ответила она.

Сомневаюсь, что кто-нибудь так ценил шестое чувство

—

чувство юмора, как люди с ирландской кровью. О нем нередко говорят как о «порочном ирландском остроумии»; пусть так, все равно, это наследство, от которого нельзя отказываться, которое нельзя недооценивать, поскольку одним движением языка оно способно превратить трагедию в мелодраму, а это дает надежный иммунитет против распространенной болезни — жалости к самому себе. Мы с Джимми с радостью наблюдали, как у Карен появлялось и проявлялось это чувство. История, случившаяся незадолго до того, как Карен исполнилось четыре года, успокоила нас на этот счет, и показала, что чувство юмора удочки, как и у ее папы, даже несколько гипертрофировано. У нас обедали наши любимые Джордж и тетя Вера. Напрягши все свои кулинарные способности, я приготовила фаршированную телятину, овощи, картофельное пюре и,

как проявление своих лучших чувств, испекла яблочный пирог. Карен сидела на высоком стульчике, с мешком песка на ногах, чтобы не сползала, и мы все хвалили ее, потому что на полу оказалось меньше половины ее обеда. Я резала пирог, и в этот момент раздался телефонный звонок. (Я заметила, если телефон звонит один раз в день, то обязательно во время еды.)

— Я отвечу, папа, — быстро сказала Карен.

— Не беги, еще сломаешь ногу, — сострил Джимми. Карен украдкой наблюдала, как он потянулся к телефону.

— И тогда я не смогу ходить, — произнесла она — и засмеялась. Рука Джимми замерла на поддороге к трубке. Телефон продолжал звонить, но этого никто уже не слышал. Мгновение спустя мы сидели, глядя друг на друга, потом тоже начали смеяться. Мы хохотали до слез, но это не были слезы только веселья.

После обеда мы послали бабушке письмо, подробно рассказав о случившемся. Оно заканчивалось словами:

«У нее, бесспорно, имеются сдвиги».

Утром пришла телеграмма:

«Она сдвинулась окончательно».

Рей расположен на берегу океана, и наш дом находится в пяти минутах ходьбы от пляжа. Мари научилась плавать раньше, чем ходить, и ловить рыбу раньше, чем говорить. Мы понимали, что Карен еще не скоро научится плавать, но в то лето, как всегда, брали ее на пляж. Она любила лежать у кромки воды и радовалась, когда на нее накатывались крошечные волны. Мы решили, что она сможет ловить рыбу с лодки гораздо раньше, чем плавать, поэтому ей необходимо научиться задерживать дыхание под водой.

Мы купили мешок ярких разноцветных стеклянных шариков и положили в воду на мелком месте. Карен с удовольствием собирала и складывала их в ведерко. По-немногу мы перекадывали шарики все глубже и глубже. Чтобы увидеть их, ей приходилось все ниже и ниже наклоняться над водой. Иногда набегала волна,

и Джимми учил Карен задерживать дыхание, как только вода коснется ее лица, чтобы она не попала в нос, не заставила кашлять. В конце августа Джимми решил, что все готово для последнего шага. Он отнес Карен в воду, положил на животик и засунул ее любимый ярко-синий шарик так глубоко, что достать его можно было только опустив лицо под воду. Мы с Мари внимательно наблюдали.

Первые четыре попытки оказались неудачными.

— Папочка, достань ты, — попросила она.

— Если он тебе нужен, лапонька, доставай сама, ты уже большая. Давай вместе поучимся задерживать дыхание, потом нырнешь за ним.

Тут я заметила, что за нами наблюдают несколько человек. Судя по выражению их лиц, они явно не одобряли наши действия. Некоторые высказывали свое неодобрение в полный голос. В другой раз я бы пустилась в объяснения, но тут была настолько захвачена происходящим, что мне было все равно.

— Раз, два, три, — сосчитал Джимми, к счастью, не подозревавший, что за ним наблюдают, и они дружно перестали дышать; и так несколько раз.

— Ну, теперь уже хватит, — сказал Джимми. — Мы потеряем этот шарик, если оставим здесь. Доставай и заберем его домой.

— Хорошо, папа, — ответила Карен и без колебаний опустила голову в воду. Она достала шарик и с победным видом вручила Джимми.

— Вот он. И мне в нос не попало ни капельки.

— Вот умница, — похвалил Джимми. — Теперь ты можешь учиться нырять. Первый урок будет завтра.

Пораженные зрители, обсуждая увиденное, разбрелись к своим зонтам.

К концу лета Карен чувствовала себя в воде, как дома, и ничуть не боялась. Это, пожалуй, главное не только для плавания, но и для многого другого. Карен относится к спасической группе больных ДЦП, и ее тело в то время было очень напряжено. Но когда мы учим ребенка плавать,

ходить, что-то делать, страх — это чудовище, которое может сокрушить и уничтожить: страх упасть, страх сломать что-то, страх показаться смешным, страх быть обузой. Мы поняли, что с Карен нельзя говорить, не подумав.

Наш дом стоит на склоне холма. Когда вы входите со стороны улицы, то оказываетесь на первом этаже, и когда спускаетесь по лестнице на заднюю половину дома, вы тоже на первом этаже. Такое расположение весьма живописно и вполне соответствует нашим вкусам, но очень утомительно из-за нелепого размещения комнат. Первый этаж: гостиная, библиотека, спальня и ванная; потом длинная крутая лестница на нижний уровень, где находятся столовая, кухня, спальня и туалет. Эта скорее художественная, чем разумная, планировка заставляла по многу раз в день спускаться и подниматься по лестнице. Как все дети, Карен хотела быть рядом, пока я занимаюсь бесконечными домашними делами, и мне все равно приходилось носить ее вверх-вниз, совершая дополнительные рейсы за пылесосом, шваброй и так далее. По мере того как она росла и прибавляла в весе, носить ее становилось все труднее и труднее.

— Мамочка, возьми меня с собой, — просила она, когда я шла убирать в спальне.

Отвечать надо было осторожно, чтобы у нее не возникла мысль, что она слишком тяжелая для меня, а потому — обуза. Мне не хотелось отвечать просто отказом, поэтому на многие просьбы ответы надо было придумывать.

— Я буду проветривать комнату и боюсь, что ты замерзнешь.

— Последи лучше за картошкой и крикни мне, когда она закипит.

— Помоги мне, вытри эти тарелки.

Мы купили пластмассовый сервиз, чтобы она не боялась разбить посуду и тоже имела бы свои обязанности по дому, как Мари.

К большинству ее просьб надо было относиться очень внимательно.

Мы быстро научились избегать частицы «не». Не надо говорить:

— Не бойся, не упадешь,
или:

— Не бойся, доктор не сделает больно.

Это только покажет ребенку, что ему есть чего бояться.

Однажды в начале осени мы поехали в Коннектикут, в гости к Хили. Район, где они живут, построен вокруг большого, красивого озера. Дома просторные, возле каждого — пляж. У большинства семей есть свои лодки и каноэ — здесь отлично ловятся окуни. В тот день было прохладно, чувствовалось приближение первых заморозков. Мы сидели на террасе, и Билл предложил детям покататься на лодке. Я посадила Карен и Мари на корме, лицом к Биллу — Карен посередине, а Мари крепко обняла ее. Лодка была слишком маленькая для семерых, поэтому Этель, Джей и мы с Джимми сели в каноэ и отправились следом.

Джей две недели назад вернулся из армии. На нем был роскошный новый костюм.

— Вы поосторожнее, это каноэ ужасно вертлявое, — предупредил он, устраиваясь на носу. Джей греб метрах в пятнадцати позади лодки. Я полностью доверяла Биллу и все же не спускала глаз с лодки Карен и Мари. Мы проплыли около полумили. Грело солнышко, вокруг шныряли рыбешки — так всегда бывает, если нет с собой удочек. Мы махали людям, сидевшим воскресным днем возле своих домов.

— Поплыли на остров! — крикнула нам Мари. — Я вижу рыбок, и там можно прятаться под ивами.

— Хорошо, — ответила я и повернулась взглянуть на остров.

В этот момент Джимми вскочил и нырнул за борт. Из-за спины Билла мне не было видно детей, но я поняла, что с одним из них что-то случилось. Я не стала даже вставать — просто перекатилась через борт каноэ и поплыла к лодке.

Билл был уже готов тоже нырнуть, но Джимми закричал:

— Останься с Мари!

Значит, упала Карен. Пока я плыла, в голове крутились странные мысли: «Какая теплая вода... Я совсем не волнуюсь».

Билл старался удержать лодку в том самом месте, где свалилась Карен. Я увидела, как Джимми ушел под воду, и, не доплыв метра два, тоже нырнула. Глубина в этом месте больше трех метров, я никогда еще так глубоко не ныряла, но в тот день сумела, несмотря на твидовый костюм и тяжелые туфли. Я плыла под водой, напрягая зрение, пока не почувствовала, что легкие вот-вот лопнут. Я увидела ил и водоросли, но Карен нигде не было. Мне не хватило дыхания до поверхности. Я вынырнула, кашляя и хватая ртом воздух, ухватилась за борт лодки и повисла без сил.

— Нашел! — закричал Джимми.

Я повернула голову и увидела, как он кладет Карен на корму. Она протянула руки к Биллу, и я сразу поняла, что с ней все в порядке.

— Даже не закашлялась, — пробормотала я, болтаясь в воде.

Тут мне в голову пришла неожиданная мысль, и я поспешно вскарабкалась на борт.

— Господи, только бы она не испугалась.

Я шлепнулась на сиденье, встала и позвала Карен:

— Эй, ты, там! В следующий раз надумаешь нырять — снимай пальто!

— Неужели нельзя было выбрать день потеплей? — пошутил Джимми, влезая в лодку.

Мари сжалась в комочек на полу у ног Карен, Я перебралась на сиденье впереди них, Джимми наклонился и шепнул:

— Надо все превратить в шутку.

— Какая ты смешная, Карен, — я заставила себя улыбнуться. — С тебя вода течет ручьем, и ботинок потеряла.

— А волосы похожи на мокрую швабру, — добавил Джимми.

Мари замороженно смотрела на Карен снизу вверх. Потом повернула ко мне застывшее, посеревшее лицо.

— Мамочка, я ничего не могла сделать, честное слово, ничего.

В глазах ее стоял страх. Она сидела, крепко обхватив руками колени.

— Она тащила за лодкой вон ту длинную палку, уронила ее и рванулась в сторону, чтобы поймать. Я успела схватить Карен за туфлю, но нога из нее выскользнула.

Для маленькой девочки она среагировала очень быстро и правильно.

— Ну конечно, родная моя, ты ничего не могла сделать, я знаю.

Я наклонилась и поцеловала ее. Джимми разговаривал с Карен, стараясь отвлечь ее от нашего с Мари разговора.

— ...и вот почти пол-озера вылилось с меня в лодку.

Насквозь промокшие брюки облепили его ноги.

— Вы только взгляните на Джей и Этель! — воскликнула я.

Они стояли метрах в пяти от острова по пояс в воде. Мокрые, с прилипшими волосами, они пытались поймать свое перевернутое каноэ. Глубокий ил затруднял их шаги, они качались и спотыкались, точно пьяные. Смотреть на это было смешно. Дети расхохотались.

— Ой, папочка! — закричала Мари, поворачиваясь и показывая пальцем назад. — Посмотри, сколько людей на нас смотрят.

— Еще бы им не смотреть! — сказал Джимми. — Зрелище презабавное.

Он взглянул на Билла, который сидел не шелохнувшись.

— Да-да, — придушенно хихикнул Билл.

Джимми толкнул меня локтем в бок.

— Боже мой, Мари, эти люди пришли помочь нам в трудную минуту, а мы тут веселимся. Что они подумают?

Нам недолго пришлось быть в неведении. Для самаритян было ясно, что с ребенком все в порядке. Они развернули свои лодки и отправились по домам, взглянув на нас на прощанье с глубоким отвращением и громко высказав свое мнение: им было ясно, что мы перепились (хотя пили только чай) и, катаясь на лодке в пьяном виде, рисковали жизнью своих детей. Мы так набрались, что даже едва не случившаяся трагедия не отрезвила нас. Осуждение ясно читалось на лицах всех присутствующих.

Мимо проехали Этель и Джей в пойманном каноэ. Их переполнял праведный гнев, и тут до меня дошло — они же так и не поняли, что случилось. Это было действительно смешно, и на этот раз смех был искренним. Ну, может быть, слегка преувеличен — как запоздалая реакция на случившееся. Я не могла вымолвить ни слова, только показывала на них Джимми. Он моментально сообразил, что они думают. И заревел, как буйвол. Свирепо взглянув на нас, они отвернулись и поплыли к дому.

Билл греб, как одержимый, пытаясь как-то снять напряжение. Повернувшись, я перехватила его взгляд и догадалась, о чем он думает.

— Не валяй дурака, — резко сказала я. — Ты не мог ни предугадать, ни предотвратить случившееся. Если есть сухие сигареты, дай-ка мне лучше закурить. — Билл протянул мне спички и пару сигарет.

— Прости меня, — сказала я. — Забудем об этом.

Прикури мне сигарету, я вся мокрая.

— Эй, мамочка, — крикнул Джимми, — как ты посмотришь, если мы вернемся и вчетвером, Мари, я, ты и Карен, влезем в ванну прямо в одежде?

— Так я же не мокрая, — сказала Мари. — Вы мне все равно разрешите?

— Ну конечно. Вот уж посходим с ума! Карен уютно устроилась на руках у Джимми.

— Папочка, — сказала она, — ты так долго не приходил за мной. — Она вздохнула. — Я даже на секундочку подумала, что ты совсем не придешь.

Пока добрались до берега, солнце село и мы изрядно продрогли. Было *забавно* видеть выражение лица миссис Хили, когда пять человек, с которых ручьем текла вода, промаршировали мимо нее, направляясь в ваннные комнаты. Я догнала Джея и начала, стараясь сохранять серьезность:

— Джей, я тебе все объясню...

— И так все ясно. Все в порядке, ничего страшного, — со злостью отчеканил он. — Еще один образчик извращенного чувства юмора.

— Но Джей... — снова попыталась я.

Он пошел прочь, с горечью разглядывая свой новый костюм.

Дети решили, что мыться в ванне одетыми — просто замечательно. Джимми *сообщил*, что, по мнению Карен, на будущее я могла бы одновременно мыть ее саму и стирать ее одежду. Домой нам пришлось ехать в чужих нарядах. Мари и Карен совсем утонули в брюках и свитерах Этель. Для меня ее вещи были малы, поэтому я с самым соблазнительным видом появилась перед потрясенным мужем в старом армейском тряпье Джея.

Малыши напились горячего какао, мы выпили по несколько чашек кофе и отправились домой.

— Только смотри, не нарушай правила движения, — предупредила я Джимми. — В таком виде нам будет довольно сложно объясняться с полицией.

Подобное легкомысленное поведение погубило нашу репутацию в Милбруке, но оказалось чрезвычайно удачным, потому что после этого Карен не боялась ни воды, ни лодок.

Тебя, Господи, хвалим!

Мари и Карен всем рассказывали о том, как Карен нырнула, «удивила и насмешила папу с мамой». Недели через две Карен как-то за завтраком сказала:

— Знаешь, когда я лежала на дне и ждала папу, было очень красиво. Там в озере, под водой, так много травы.

ГЛАВА 8

Карен явно делала успехи, а мы с Джимми все чаще вспоминали о тех детях и родителях, которых встретили за два с половиной мрачных года наших поисков.

— Наверняка здесь, в Вестчестере, есть больные церебральным параличом, — подвел итог Джимми. — Почему бы не попытаться что-то для них сделать?

— Знать бы хоть, сколько их.

— Так давай попробуем узнать.

И вот в один прекрасный день я попросила приятельницу посидеть с детьми, а мы с Джимми отправились в Нью-Йорк, к инспектору по здравоохранению округа Вестчестер доктору Холла. У этого человека множество обязанностей, но он внимательно выслушал нас.

— У меня в отделе мало людей, — сказал он. — Но если вы хотите заняться этим делом, мы поможем, сделаем все, что в наших силах. К сожалению, нет никакой статистики о больных церебральным параличом. Вам придется начинать с нуля.

— Нам известно, что церебральный паралич может быть результатом заболевания энцефалитом, — ответила я. — Если бы мы просмотрели данные о больных с энцефалитом за последние двадцать лет, то наверняка бы что-нибудь нашли.

— Я дам вам имена больных и их врачей, и можете начинать работу. Постараюсь сделать это как можно быстрее.

Через десять дней мы получили список. В нем было двести семьдесят имен. Мы написали образец письма, в котором указали цели наших поисков, и отправили его доктору Холла на утверждение. Он вернул его с короткой припиской: «Желаю удачи».

Мы раздобыли пишущую машинку и поставили ее в библиотеке. Запаслись бумагой, копиркой, конвертами и марками. Купили ящик для картотеки. Одним словом,

подошли к делу со всей серьезностью. Джимми печатать не умел, и мне понадобились три недели, чтобы отпечатать письмо каждому, кто был в списке, занимаясь этим все свободное время.

Однажды мы обсуждали нашу проблему с одним из друзей, и он посоветовал заручиться поддержкой издательства «Вестчестер Каунти», которое издавало и распространяло газеты по всему округу.

Я снова позвала на помощь подругу, а сама отправилась в Уайт Плейнс на встречу с Биллом Феннингом и Хугом Робертсоном. Они проявили живой интерес к делу и согласились, что у вас в округе наверняка есть, родители, которые не знают, как решить эту проблему. Они сказали, что их газеты могут помочь.

— Необходимо привлечь внимание широкой общественности к церебральному параличу, — добавил Билл. — Мы будем регулярно печатать соответствующую информацию. Посоветуем родителям больных детей и больным взрослым связаться с вами.

Я горячо поблагодарила и собралась уходить,

— Да, кстати, — остановил меня Билл, — я думаю, можно еще дать сообщение по радио. Если вам что-нибудь понадобится — звоните нам.

— Не забудьте, — добавил Робби.

— Можете не беспокоиться, не забуду, — засмеялась я.

Мы пожали друг другу руки, и я, полная надежд, отправилась домой.

На следующий день я схватила «Дейли Айтем», едва ее принесли. В ней было напечатано объявление:

БОЛЬНЫМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ НУЖНА ПОМОЩЬ.

Интересующиеся церебральным параличом могут позвонить миссис Д.Г.Киллили мл., 40 Хилл-стрит, Рей, Н.Й., тел. Рей 70243.

Часов в восемь, когда я мыла посуду, зазвонил телефон:

— С вами говорит миссис Лэтан, — представилась женщина. — Я прочитала заметку в сегодняшней газете. Наш сын болен церебральным параличом.

— А у нас дочь, — ответила я.

— Значит, вам пришлось пройти через те же испытания.

— Вам удалось найти врача для вашего сына?

— Да, в конце концов мы его отыскали. А вы?

— К счастью, да. После долгих поисков. Карен относится к спастикам. А ваш сын?

— Питер — атетонд. Ему девять, но он не может говорить. До семи лет мы даже не знали, что с ним. Когда он был маленьким, врачи уверяли, что у него просто замедленное развитие, а потом посоветовали сдать его в специальное учреждение.

— Все то же самое, — пробормотала я. — Ну и как он сейчас?

— Физически — очень хорошо, но мы не можем найти специалиста, который занялся бы его речью. Но хуже всего... — голос ее дрогнул, и она умолкла на несколько мгновений. — Он славный мальчик, любит людей, хочет играть с детьми. Но... — она снова на мгновение запнулась, — у него течет слюна, и соседским детям родители не разрешают играть с ним. Когда он подходит к ребятам, матери уводят своих детей, а потом звонят мне и просят не выпускать Питера из вашего двора.

Я рассказала ей о женщине в туристском пансионате, назвавшей меня «гадкой» и «грязной».

— Ну так вы меня понимаете, — сказала моя собеседница. — Вы можете представить, я впервые за девять лет разговариваю с человеком, который по-настоящему может меня понять. Мои друзья думают, что тоже понимают, только вряд ли. Мне кажется, они в глубине души тоже считают, что Питера лучше бы сдать в клинику.

— И это мне знакомо, — ответила я.

— Мне бы так хотелось, чтобы вы познакомились с Питером. Приезжайте к нам вместе с мужем в один из ближайших дней.

— Обязательно. Дайте мне ваш адрес.

Я пообещала вскоре позвонить и повесила трубку. Позже был еще один звонок, на завтра никто не позвонил, зато через день — двое.

Каждый день я с нетерпением ждала почту, поспешно просматривая письма, искала ответы на наши запросы. Наш почтальон, симпатичный старичок, знал меня с детства. Теперь он смотрел на меня с каким-то новым интересом, словно удивляясь, почему почта может вызвать в женщине такое нетерпение, радость или разочарование. Вот разве что здесь замешан другой мужчина.

Первый ответ на наши письма пришел только через две недели, второе я получила еще недели через две. Открывала первое письмо и думала: «Джимми сейчас на работе, позвоню ему и прочту».

Но читать не пришлось. Письмо было коротким:

«Уважаемая миссис Киллили, к сожалению, мы не располагаем информацией об интересующем вас пациенте.

Искренне ваши...»

Второе письмо было примерно таким же. Когда к концу месяца у нас оказалось всего пять писем и никто ничего не знал, Джимми совсем упал духом. Тем временем мы связались с ортопедическими клиниками по всему округу и разыскали еще несколько случаев. Мы послали письма всем двумстам шестидесяти пяти адресатам из нашего списка, а также ортопедам и педиатрам.

Родители, которые откликнулись на наши поиски, хотели увидеться с нами лично, и нам было необходимо найти няню на несколько часов во второй половине дня. Директор школы порекомендовала нам девочку по имени Глория. Она сказала, что мать Глории развелась с мужем, много болеет и девочке приходится подрабатывать. Директор заверила, что Глория — опытная нянька, и дала нам имена людей, у которых та работала. Наведя справки, мы решили, что нам очень повезет, если мы получим этот образец добросовестности.

Когда она впервые появилась в нашем доме, мы были несколько разочарованы. Глория оказалась маленькой для своих двенадцати лет и к тому же довольно пухленькой, отчего выглядела еще моложе.

«Через несколько лет она станет настоящей красавицей», — подумала я. У девчушки были белокурые волосы, зеленые глаза, ямочки и высокие скулы, которые придадут пикантность после того, как она похудеет. У нее была нежная, безупречно чистая кожа, овальное лицо, прямой носик и очаровательный рот со вздернутой верхней и пухлой нижней губкой. Зубы были маленькие, белые и ровные.

Мы познакомили ее с детьми и еще с час пробыли дома. Уезжали мы с ощущением, что нам досталось настоящее сокровище. Она обращалась с девочками так, словно имела десяток своих собственных, а они полюбили ее с первого взгляда.

Со временем дел у нас все прибавлялось и прибавлялось, и мы привыкли все больше и больше полагаться на Глорию. Она предпочитала работу в нашем доме всем остальным. В ее обращении с Карен и Мари идеально сочетались любовь и строгость.

— Если Мари вырастет похожей на Глорию, я буду просто счастлив, — нередко говорил Джимми.

Каждую неделю в газетах появлялась какая-то информация, нам звонили и писали все больше и больше родителей. Иногда к нам поступала информация из клиник, и мы писали письма по этим адресам. Некоторые написали в ответ: «Будьте любезны вычеркнуть меня из своего списка. Я возмущен, что вы считаете моего ребенка больным церебральным параличом. Он (она) просто плохо двигается (или — просто не может ходить). Если вы осмелитесь еще раз утверждать что-то подобное, я подам на вас в суд».

Через восемь месяцев мы нашли шесть больных из тех двухсот семидесяти и еще пятьдесят двух из других источников. Они были разбросаны по всему округу, и мы не сомневались, что это еще далеко не все.

Глория изучала в школе делопроизводство и иногда, когда дети уже спали, помогала нам печатать на машинке письма или разбирать бумаги.

Пока мы старались помочь больным детям, наш собственный ребенок постоянно ставил перед нами все новые проблемы.

Воспитывая Карен, мы все время должны были помнить не только о физических недостатках, но и об опасности возникновения недостатков моральных.

Источников такой опасности было немало: Карен требовалось очень много времени. Ей редко предоставлялась возможность что-то сделать для других; наоборот, постоянно что-то делали для нее. Жизненный опыт и возможность заниматься различной деятельностью были у нее очень ограниченны, на нее редко возлагалась ответственность за какое-то дело.

Мы не считали ограниченность Карен в действиях серьезным физическим недостатком, но если она вырастет испорченной, эгоистичной, полной жалости к себе, да еще с замашками диктатора — вот это будет настоящий недостаток. Мы знали, что приспособленный к жизни человек, даже на костылях или в инвалидной коляске, всегда сумеет найти свое место под солнцем. Человек же не приспособленный не найдет этого места, даже будучи вполне здоровым.

В день рождения Джорджа Вашингтона, когда Карен исполнилось четыре с половиной года, часть наших проблем была решена.

У нас родился сын, Джеймс О'Рорк Киллили. Мы сами испытывали огромное счастье и понимали, что это значит для девочек, особенно для Карен. Джимми был пьян от радости и гордости.

Рори родился в семь утра, а в семь двадцать два Джимми ввалился ко мне в комнату с традиционными гладиолусами. Когда он покончил с объятиями и поцелуями, я чувствовала себя несколько помятой и в синяках. После этого он схватил телефон и позвонил домой. Трубку взяла Карен.

— Привет, зайчик, — сказал он. — Малыш уже родился. Это мальчик. Мама назвала его Рори. Ты была ребенком Мари, а он будет твоим. Тебе придется много помогать маме.

— Дай мне с ней поговорить.

— Здравствуй, солнышко, правда, здорово?

— Я тебя так люблю. Это самый лучший подарок на свете. А кормить его мне можно?

— Ну конечно. Он твой.

— И переодевать? -

Да.

— И держать на руках?

— Конечно, — радостно засмеялась я.

— А когда он будет дома?

— Через неделю. Ты должна помочь все для него приготовить.

— Ой, я просто не могу дождаться потрогать его. И дождаться тебя, мамочка, — добавила она.

— Еще неделька, и мы оба будем дома. Я тоже хочу тебя увидеть. Я очень скучаю по вам. Дай, пожалуйста, трубку Мари.

Но когда подошла Мари, из-за ее рыданий и всхлипываний я не могла разобрать ни слова. Ее настроение передалось мне, и я тоже заревела.

— Это еще что такое? — произнес мой изумленный супруг.

— Мы будем дома через неделю, — сказала я Мари.

— У тебя все в порядке? — спросила она, несколько раз громко шмыгнув носом.

— В полном порядке, можешь поверить. Передай мои поцелуи Карен и бабушке, а один большой возьми себе.

— Хорошо, мамочка, приезжай скорее. Я тебя люблю. Около половины десятого Джимми решил оторваться от телефона и выяснить насчет завтрака.

— Подожди, надо еще позвонить Флоренс Хили, — запротестовала я. — Флос моя старая подруга и любящая крестная мать Карен. Она чудесный человек и обладает редкостной способностью радоваться счастьем других.

Наконец Джимми смеясь повесил трубку.
— Она плачет от счастья, — сказал он.
— Это она может. А теперь иди, пока не рухнул мне на кровать в голодном обмороке.
Он поцеловал меня и ушел.
К тому времени когда он вернулся, я далеко продвинулась в списке телефонных звонков. Одного взгляда на Джимми было достаточно, чтобы понять — случилось что-то ужасное.
— Что-то с ребенком?
Он подошел и обнял меня.
— Да. Врач говорит, он неожиданно стал задыхаться. Ему очень плохо. Я позвонил твоей маме, но она уже выехала сюда. Мои родители тоже сейчас приедут. Я хочу, чтобы они увидели внука.
— Священника позвали?
— Отец Франциск окрестил его десять минут назад. Яркое солнечное утро померкло.
Первой приехала моя мама. Она была как всегда изящна и элегантна. Мама подошла к кровати и поцеловала меня. От нее исходило ощущение спокойной, непоколебимой веры, поддерживавшей нашу семью в самые трудные моменты. Я крепко прижалась к ней.
— Он просто красавец, — гордо объявила мама, усаживаясь возле меня.
— Знаю, я видела его через две минуты после того, как он родился. Кругленький, пухленький, замечательная головка, а глаза большие, темно-фиолетовые.
В этот момент вошел Джимми, изо всех сил стараясь сохранять спокойное выражение лица. Я знала, что он, как и я, думает в этот момент о нашей второй дочери, Катерине-Анне. Джимми поцеловал нас, сел с другой стороны кровати, взял меня за руку.
— Ты должен гордиться своим сыном, — сказала мама. — И моей дочерью.
Голос ее был ровен и спокоен. Она взглянула на меня — прекрасные глаза светились гордостью.
— Ну что же, мне не так уж долго пришлось дожидаться внука, которому я смогу передать часы своего отца.

— Ты видела врача? Говорила с ним?

Казалось невозможным, чтобы она могла говорить так, понимая всю ситуацию.

— Да, говорила. Он предупредил, что надежды мало, но думаю, он ошибается. То есть с медицинской точки зрения он абсолютно прав, но не принимает во внимание силу молитвы. Одному Богу ведомо, кем может стать этот ребенок для Карен.

— Лапушка, мне надо возвращаться к детям. — Она встала, натягивая перчатки. — Они тоже будут молиться. Ты помнишь, как сказано: «Молитвы детей да будут услышаны». Я верю в это.

Она снова поцеловала меня и вместе с Джимми вышла в коридор.

В это время в палату вошла Нэнси Флорис, в своем белом халате еще больше похожая на ангела. У нее были густые, иссиня-черные волосы. Большие черные глаза смотрели с неизменным спокойствием.

— Он чудесный младенец, Мари, — сказала она, подходя ко мне. Весь ее вид, казалось, говорил: «Что бы ни случилось, нельзя падать духом».

Мне, как и всем другим пациентам, Нэнси помогала обрести спокойствие и уверенность в себе, рядом с ней возникало ощущение, что каким бы малым ни был наш собственный запас мужества, она всегда могла его пополнить из своего, неисчерпаемого, источника.

— Ему очень плохо, — тихо сказала она, поправляя мне подушки так, как это умеет делать только Нэнси. — Дежурная сестра в отделении новорожденных не стала ждать и окрестила его немедленно. Когда пришел врач, он не стал задавать никаких вопросов и тут же окрестил малыша. Я пришла через несколько минут и, не зная о том, что было, окрестила его еще раз. Через пять минут появился отец Талли и тоже окрестил твоего сына. С учетом твоих пожеланий этот четырехфунтовый молодой человек зовется теперь Джеймс О'Рорк Томас Майкл Патрик (это от меня) Мэттью Киллили. — Она тихонько фыркнула. — Если они все будут действовать

сообща (а я на это очень надеюсь), то он, может, и выкарабкается.

У меня на глазах выступили слезы благодарности.

— Мы будем молиться изо всех сил, и пусть нас утешает мысль, что Господь не может ошибиться.

— Я горжусь тобой, — сказала она. — А теперь повернись-ка, я разотру тебе спину.

Снова мимо моих дверей везли новорожденных к матерям. Снова мой слух обострился настолько, что я отличала среди прочих звуков тихий шелест двухколесной тележки с кислородным баллоном или тяжелые шаги спешащего к Рори врача.

Но Рори держался. Три дня, четыре, неделю... Было семь тридцать утра, я без всякого желания доедала завтрак. В дверях появилась сияющая Нэнси.

— У Рори прошел кризис, — сказала она и нежно коснулась губами моего лба.

— Благодарю тебя, Боже, благодарю тебя, — заплакала я. Еще через две недели Джимми привез сына домой. Бесспорно, все родители детей, больных ДЦП, живут,

испытывая страх. Мы тоже не были исключением ни в те месяцы, когда ждали появления на свет Рори, ни после его рождения.

Будет ли он здоровым?

Когда Рори исполнилось три месяца, мы должны были в очередной раз ехать к доктору Б. Моя мама лежала с простудой, но, поскольку это были выходные, с Мари осталась Глория. Фендлеры, благослови их Боже, знали, что наш старенький форд ненадежен, и предложили свою машину. Мы взяли с собой Рори. Поездка имела двойную цель — проверить, как дела у Карен, и, главное, попросить доктора Б. осмотреть Рори.

— А вдруг он что-то обнаружит?

Все эти месяцы мы задавали себе этот вопрос.

Доктор не удивился, когда мы попросили его посмотреть Рори. Переполненная гордостью Карен представила брата:

— Вот, доктор, это мой ребенок. Его зовут Рори.

— Чудесный младенец, котенок. И, судя по его виду, ты хорошо за ним ухаживаешь. Готов поспорить, из тебя получилась хорошая маленькая мама.

— Да. Я кормлю его. Я знаю, как держать бутылочку, чтобы в соске было молоко и он не сосал воздух. Сама играю с ним и всем напоминаю, чтобы поддерживали ему головку, — тут я подумала, что доктор Б. сейчас не выдержит, но он спрятал смех под приступом кашля.

— А что ты еще делаешь? — с серьезным видом спросил он.

— Я забочусь о нем, и мама каждый день разрешает мне стирать пеленку. Конечно, не обкаканную, — хихикнула она.

— Я горжусь тобой. Хорошо бы и у других таких девочек были малыши, и они могли бы ухаживать за ними. Когда ты делаешь что-то для него, ты и сама чему-то учишься. Я горжусь тобой. Можно, я его посмотрю?

— Разумеется, — величественно согласилась она. — Я знаю, вы будете осторожны и не забудете поддерживать головку. Mamочка, можешь дать ему малыша, — произнесла она с уморительной важностью.

Мы с Джимми, хотя и с волнением, но не без доли самодовольства, наблюдали, как он взял нашего сына и положил на стол. Рори, без сомнения, был чудесным младенцем. Красивее тех, что рисуют на разных банках и коробках. Доктор сам раздел его, и, наблюдая за его быстрыми, уверенными и бесконечно нежными руками, я подумала о тех тысячах больных, для которых прикосновение этих рук оказалось благословенным. Карен сидела откинувшись в кресле и с интересом наблюдала за происходящим. Закончив осмотр, доктор Б. взял Рори и положил его Карен на колени.

Она посмотрела ему прямо в глаза и спросила:

— Так болен Рори ДЦП или нет?

Я чуть не упала в обморок. Ни разу мы не высказывали сомнения в ее присутствии.

— Нет, не болен, — ответил он.

— Я очень рада, — сказала она, прижимая к себе малыша.

— А где Мышка? — спросил доктор Б., имея в виду воображаемую подружку Карен, года два назад обосновавшуюся в нашем доме.

— Я играю с ней только когда Рори спит, — объяснила она. — Я слишком занята.

Она посмотрела на малыша и принялась насвистывать ему колыбельную.

Часа через полтора, когда Карен тоже осмотрели и медсестра забрала детей, мы остались с врачом одни.

— А что вы думаете в действительности? — спросил Джимми, сразу переходя к делу.

— То же, что я сказал Карен, — ответил он. — Могу точно сказать, он не спастик. Почти уверен, что и к другим типам ДЦП он тоже не относится, хотя в этом возрасте у всех малышей бывают судорожные движения. Думаю, не ошибусь, если скажу, что Рори совершенно нормален.

Когда мы вернулись домой, получив для Рори заключение «все в порядке», не одна семейная пара, не заводившая второго ребенка из боязни, что он тоже может оказаться больным ДЦП, набралась смелости, и через несколько лет мы втайне считали себя «крестными родителями» нескольких здоровых, крепких малышей.

Как много трагедий можно было бы избежать, если бы родители только *знали*. Я думаю, именно это было последней каплей, подтолкнувшей нас к решению как можно быстрее создать свою организацию. Тогда, по крайней мере, у нас будет возможность распространять информацию и бороться с досужими вымыслами.

Четырнадцатого августа 1945 года — за четыре дня до пятого дня рождения Карен, Рори было шесть месяцев, Мари — почти восемь лет — закончилась первая половина Второй мировой войны.

Я не помню празднеств, отметивших окончание Первой мировой войны, но достаточно много слышала, читала и могла понять, что реакция на нынешнее перемирие была совершенно иной.

Лихорадочное ликование сменилось размышлением, благодарственными молитвами и надеждами, что наступающий мир будет долгим.

— Джимми, — сказала я, когда мы возвращались в тот вечер из церкви, — как по-твоему, можно ведь считать, что церебральный паралич существует столько же, сколько сам человек? И не может быть Божественного провидения в том, что после двух тысяч лет, когда для больных ничего не делалось, наше движение возникло именно сейчас, в конце самой разрушительной войны, которую знало человечество?

— Что ты хочешь сказать?

— Только то, что мы не можем просто продолжать то, что делаем, и стремиться лишь к той цели, которую поставили вначале. Подумай, как духовно растут те, кто трудится для других. Возможно, никогда раньше в мире не было большей потребности в духовности, чем сегодня. Может быть, Господь в своей премудрости выбрал в наше время больных церебральным параличом как орудие, чтобы вернуть нам утерянную где-то в пути духовность.

— Ну что же, — медленно произнес Джимми, — вполне может быть и так.

Двадцать восьмого августа 1945 года вернулся Джон Грэнди. Старшие дети обрадовались не меньше нас с Джимми. Все наши проблемы казались бы не такими сложными, если бы рядом был Джон, всегда готовый прийти на помощь.

Каждый раз, приезжая к доктору Б., мы останавливались в одной и той же гостинице, рядом с его офисом. Мы собирались туда снова в середине зимы и ждали поездку с нетерпением, поскольку за последние месяцы успехи Карен были особенно велики. Номер в гостинице нам заказывала секретарь доктора, и когда недели за две до назначенного срока я получила от нее письмо, то решила, что это обычное подтверждение вызова. Я начала читать и замерла на второй фразе. Она очень сожалела, что не смогла заказать номер в той гостинице, где обычно останавливались приезжающие к доктору Б., но

администрация гостиницы сообщила, что в дальнейшем предпочитает больше не иметь дела с пациентами доктора Б., поскольку их вид смущает других постояльцев.

Я не верила своим глазам. Если это правда, если даже эта гостиница, где понимают, что такое больные ДЦП, не хочет иметь с ними дела, зачем мы так стараемся? Для чего лечим и обучаем свою дочь?

Джимми написал в другую гостиницу, рассказав им обо всем. Мы тут же получили ответ, что нас готовы принять в любое время и с удовольствием сделают все возможное, чтобы наше пребывание у них было приятным.

Мы ехали с некоторой тревогой, но, приехав, обнаружили, что это точка зрения всего персонала гостиницы. Все последующие годы мы приезжали сюда, словно к друзьям. Рассыльные заботливо носили Карен на руках, официантки восхищались ее умением пользоваться вилок и ложкой, лифтеры задавали множество вопросов, а администратор старался сделать наш номер как можно уютнее.

Не только в этой гостинице к нам относились с такой добротой и вниманием. Служащие железнодорожной компании «Балтимор-Огайс» проявляли такую же заботу и желание помочь. Буфетчик вагона-ресторана в поезде «Ройял Блу» стал горячим поклонником Карен. Его восхищала ее речь, избыточная словами, неожиданными даже для ребенка вдвое старше. Карен, например, очень нравились крабы, и она заявила, что они «восхитительны».

ГЛАВА 9

Как бы мы ни пытались это отрицать, мы нация конформистов. А именно: «Все женщины пользуются лаком для ногтей». «Все любят бейсбол». «У всех есть телевизоры». Должна сказать, что единственным исключением, касающимся вкусов и привычек, оказалась филадельфийская газета, поместившая объявление: «Почти все читают "Бюллетень"».

Сколько раз по городам и весям нашей страны провозглашалось:

«Все дети имеют право на образование».

«Все дети должны ходить в школу — это закон».

Все дети — кроме больных ДЦП.

Ущерб тут двойной. Первое — недостаток образования; второе — ребенок, который не ходит в школу, остается в стороне — он не такой, как остальные дети. Поэтому уже с первого года, когда ребенок должен посещать школу, больной церебральным параличом остается «за бортом», он не соответствует общепринятым нормам.

Одиночество, нехватка соревнования и поощрения, как бы вредны и огорчительны для ребенка они ни были, по-моему, не так огорчают ребенка (и его семью), как ярлык «он не такой, как все».

Мы с Джимми решили сделать все возможное, чтобы избавить Карен от такого ярлыка.

Мари посещала приходскую школу в Рей, принадлежащую сестрам ордена милосердия. В конце августа 1945 года, когда Карен исполнилось пять лет, я отправилась к директору школы. Несмотря на множество трудностей, мы решили, что она должна посещать начальную школу. Мы долго беседовали с учительницей, сестрой Розалией, молодой, хорошенькой, живой, артистичной и очень терпеливой. Мне понравилось ее отношение к нашей проблеме:

— Карен прежде всего ребенок, а потом уже — больная ДЦП.

Накануне первого дня занятий Карен я пошла в школу. День был, как говорит Рори, «блестячий». Школа наша находится на Милтон-роуд, улице с широкими газонами, высокими, раскидистыми деревьями, красивыми домами и церквями. Все церкви в Рей стоят на улице длиной в полмили, их величественные силуэты иногда перемежаются домами и просторными лужайками.

Я шла в школу поговорить с детьми, только двое из которых были знакомы с Карен. Поднявшись на второй этаж, я постучала в дверь. Сестра Розалия пригласила меня войти и познакомила со своим выводком. Когда я вошла, все дружно встали и, после того как меня представили, хором защебетали:

— Здравствуйте, миссис Киллили... Звучало это в их устах очень мило.

В большой солнечной комнате около трех десятков малышей сидели за столиками, стояли возле классных досок, катались на деревянных лошадках или копошились в большом ящике с песком.

Рыжеволосый курносый мальчуган с оттопыренными ушами, одетый в зеленые шорты и желтую рубашку, играл в перевозку мебели. Он подогнал фургон к кукольному дому и разгружал мебель, просто-напросто бросая ее внутрь через приоткрытую крышу. Очаровательная девчушка в голубом строго отчитывала его и тщетно пыталась навести в доме хоть какой-то порядок. Пухлый малыш пристроился возле пианино и время от времени протягивал руку, пробуя клавиши. Все в комнате дышало радостью и покоем.

Мне всегда нравилось быть в толпе детей, и я чувствую себя в ней как дома. Я уселась перед ними на низенький стульчик.

— Дети, дети, — захопала в ладоши сестра Розалия.

К моему удивлению, меньше чем через две минуты все тихо сидели, глядя на меня с самыми разными выражениями: от простого любопытства до тайного ожидания,

словно надеялись, что я все-таки вытащу кролика из шляпы.

— У меня есть дочка, — начала я, — она такая же, как вы, и зовут ее Карен. Она славная девочка, очень любит смеяться, у нее есть веснушки и две косички. — Я повернулась к малышке за соседним столиком. — Но не такие длинные, как у тебя.

Мне достаточно часто приходилось выступать перед публикой, чтобы уметь определить, когда установлен контакт с аудиторией.

— Но Бог сделал ножки Карен не такими сильными, как у вас, ей нужно помочь, чтобы они стали крепкими и она смогла бы ходить. Некоторые дети носят пластинки, чтобы исправить зубы, а Карен носит специальные пластинки, чтобы помочь ногам. Есть вещи, которые она не может делать сама, игры, в которые она не может играть. Иногда сестра Розалия будет разрешать вам помочь ей. Только не избалуйте ее! — Я засмеялась и встала. Подошла к кукольному домику, выразила свое восхищение и попросила девочку в голубом показать мне кукольную мебель.

— У нас дома есть игрушечный комод с выдвигающимися ящиками — он как раз встанет здесь в спальне. Завтра Карен его принесет.

— До свидания, сестра, до свидания, дети. До завтра! — Я помахала рукой.

Сестра Розалия проводила меня до дверей. Я дрожала от волнения.

— Как по-вашему, — повернулась я к ней, — я все правильно сказала?

— Просто замечательно. Подождите до завтра и сами увидите, как вы хорошо все сделали.

На следующее утро мы все ужасно волновались. Я позволила Карен самой выбирать платье и ленточки. Она выбрала платье в серую с желтым клеточку с белым пикейным воротником и манжетами и широкие ленты из желтой тафты — в косы. Мы до блеска начистили ей туфельки и кожу на корсете, вручили наш

сюрприз — новый портфель. Все принимали участие в приготовлениях.

Карен от волнения не могла даже есть, да и мы, признаться, тоже. Вместо завтрака я выдала всем двойную дозу витаминов. Рори было семь месяцев, оставить его я не могла, поэтому взяла с собой, крепко привязав к автомобильному креслицу.

Мы подъехали к школе ровно в 8.40. По лужайке металась орущая толпа маленьких маньяков. Я вспомнила свой первый день в школе: смешанное чувство испуганного волнения, страх от такого количества детей, радостное возбуждение при мысли об ожидающей меня там, в стенах школы, тайне. Вспомнила, как гордилась новыми лаковыми туфельками, надетыми в тот день в первый раз.

Карен было тяжело нести. Она весело крутилась у меня на руках, стараясь все разглядеть. Мы вошли в широкие двери, поднялись по лестнице и повернули направо по коридору. Рядом со мной Мари несла два портфеля — свой и Карен. Мне казалось разумным привести Карен пораньше, чтобы избежать чрезмерного всеобщего внимания.

Сестра Розалия показала Карен ее стол и стульчик, поцеловала ее и сказала:

— Я очень рада, что ты у меня в классе.

— Я тоже, — ответила Карен, внимательно посмотрев на нее.

Новым, очень красивым шарфом я привязала Карен за талию к спинке стула, чтобы она не свалилась.

В комнату входили дети, подходили к нам, и сестра Розалия знакомила их с Карен. Я отдала игрушечный комод хозяйке кукольного домика и показала, как выдвигаются ящики. Кое-кто из детей с любопытством смотрел на корсет Карен, но интерес к новой игрушке перевешивал, и они отправлялись рассматривать комод, с жаром обсуждая, кто поставит его в комнату. Я вернулась к Карен, но она, уже забыв обо мне, беседовала с каким-то мальчиком, устроившимся рядом с ней на столе.

— Веди себя хорошо, — сказала я и, не оборачиваясь, вышла из комнаты.

В то утро, когда мы с Рори ехали домой, самым сильным моим чувством была глубокая благодарность, что у меня есть еще один, совсем маленький ребенок.

Когда мы вернулись домой, зазвонил телефон. После разговора я занялась уборкой, все время думая о том, что происходит там, в последней комнате по коридору.

Без четверти одиннадцать мое терпение лопнуло. Я отнесла Рори к соседке и ринулась в школу. Устроилась около дверей класса так, чтобы все видеть, но самой остаться незамеченной. Правда, ничего не было слышно, но детские жесты очень красноречивы.

Стульчик Карен стоял возле песочницы, и она копалась там вместе со всеми остальными мальчиками и девочками. Я увидела, как она, приподняв юбочку и показывая коленку, стала им что-то серьезно объяснять.

Простояв так до конца занятий, я отошла в сторонку, чтобы меня не заподозрили в подглядывании, и с волнением ожидала, что скажет сестра Розалия. Она такая маленькая и хрупкая, каково ей носить Карен в туалет?

Сестра Розалия увидела меня в холле и подошла — веселая, раскрасневшаяся.

— Все просто замечательно, — сообщила она. Мы улыбнулись друг другу.

— Дети ее сразу же приняли, и она прекрасно провела время.

— А вела она себя хорошо? — Возможно, первый материнский вопрос воспитателю с тех пор, как существуют школы.

— Карен очень умная и послушная девочка, — заверила меня сестра Розалия.

Я спросила, знает ли она, о чем говорили у песочницы.

— Люси спросила Карен, почему ее пластинки сломаны на коленках.

— Вполне здоровый интерес, — прокомментировала я. — Ну и что же ответила Карен?

— Она объяснила, что у ее корсета есть соединения вроде суставов, чтобы она могла правильно двигаться, а потом невозмутимо добавила: «Дело в том, что у меня церебральный паралич. Я спастик. Ты хочешь есть? Я так уже очень хочу».

Так кончился первый школьный день Карен.

ГЛАВА 10

В одну из наших поездок к доктору Б. в вагоне-ресторане не оказалось свободного столика, и нас посадили к одинокому джентльмену, казавшемуся точным воплощением наших представлений о преуспевающем банкире. Официант поспешно положил подушечку на стул Карен.

— Привет, малышка, — поздоровался он, — ты выглядишь просто замечательно.

— Спасибо, — улыбнулась Карен. — Как выживаете?

Джентльмен за нашим столиком изумленно взглянул на нее. Карен было пять лет, но по виду не дашь и трех.

Пока мы усаживались, официант стал брать заказ у нашего соседа.

— Что будете есть, сэр?

Джентльмен изучал меню. Карен наклонилась к нему.

— Возьмите крабов, — посоветовала она. Человек залпом проглотил коктейль и заказал еще

один.

— Я всегда заказываю крабов, — продолжала Карен, — здесь очень пикантный соус.

— Ну что же, звучит неплохо, — согласился слегка потрясенный собеседник и повернулся к официанту:

— Крабы.

Некоторое время каждый выбирал себе обед. Когда заказ был сделан, Карен решила оживить атмосферу светской беседы.

— Куда вы едете? — вежливо осведомилась она.

— В Вашингтон.

— Вы там живете?

— Нет, я живу в Калифорнии. А ты куда едешь?

— Я направляюсь к доктору Б. У меня церебральный паралич, и доктор помогает мне учиться ходить. У вас есть знакомые с церебральным параличом?

Мы очень старались научить Карен спокойно, объективно относиться ко всяким медицинским проблемам, и у нее развился к ним такой интерес, что его иногда приходилось сдерживать.

— Н-нет, кажется, нет, — ответил ее собеседник.

Тут вмешался Джимми, и далее за обедом продолжалась оживленная беседа вчетвером. К десерту Карен полностью покорила сердце нашего спутника.

— Я скоро вернусь в Калифорнию, — сказал он Карен, — и хотел бы послать тебе подарок. Я знаю, где продается самая красивая кукла. — Он подробно описал ее от прически до туфельек. — Но если ты хочешь получить что-то другое — скажи.

Он сидел, уверенный, что блеск ее глаз означает осуществление заветной детской мечты.

— Я правда могу попросить все, что хочу? — серьезно произнесла она. Я мысленно пробежалась по всему спектру ее желаний.

Мистер Девон (к этому времени мы уже знали друг друга по именам) ответил:

— Да, дорогая моя, абсолютно все.

Он говорил с таким убеждением, что я на мгновение испугалась. Карен очень любила лошадей.

— Тогда я вот чего хочу, — она говорила очень громко и отчетливо. Уже весь вагон-ресторан прислушивался к их беседе. — Я хочу, чтобы вы прислали мне две клизмы.

Мистер Девон весело рассмеялся.

— Ты знаешь, что мне послышалось? — сказал он. — Мне послышалось, что ты сказала «клизмы», — он понизил голос на последнем слове.

— Ну да, — невозмутимо подтвердила Карен, — я так и сказала — две клизмы. Вы же обещали, что я могу попросить все, что хочу. Вот я и хочу одну для Сью и одну для Джерри. Это мои самые большие куклы.

Мистер Девон был джентльменом старой школы. Он продемонстрировал великолепное самообладание, поклонился и сказал:

— Да будет так.

Через шесть недель после нашего возвращения при- была большая коробка. В ней лежала кукла — точно та- кая, как он ее описал, — и две клизмы. Там же лежала записка: «Моей милой девочке. Надеюсь, тебе понравят- ся все три предмета. С самыми лучшими пожеланиями от Карла Девона».

Мы с Джимми были несколько удивлены, Карен же — ничуть. С великолепной детской самоуверенностью она заявила:

— Я так и знала, что пришлет. Он же обещал.

Путешествие оказалось удачным во всех отношениях. Доктор Б. был доволен и тем, что Карен пошла в школу, и успехами в нашей работе. Он велел нам продолжать занятия физиотерапией и заказать для Карен параллель- ные брусья. Нас обрадовало это распоряжение. Брусья — первый шаг к ходьбе.

Счастливые, мы отправились домой.

У Карен, как у многих одиноких детей, была вообра- жаемая подруга — Мышка. До рождения Рори Мышка была ее постоянной спутницей. Когда мы раздевали Ка- рен, приходилось подождать, пока она переложит Мыш- ку из одной руки в другую. Она сажала «ону» (так назы- вала ее Мари, поэтому что было неясно, «он» это или «она») за стол, брала с собой в ванну. Но теперь Карен играла с Мышкой только когда уезжала от Рори, напри- мер, во время наших поездок к доктору Б.

Карен уставала долго сидеть, поэтому в автобусе от вокзала в Джерси-Сити до Колумбум-Серкл Джимми ставил ее между ног, или она стояла, держась за спинку переднего сиденья. В этот раз она просидела полчаса, играя и разговаривая с Мышкой. Ее звонкий голосок раз- носился во всему автобусу, пассажиры добродушно по- глядывали на нее, полагая, что она играет с маленьким игрушечным зверьком. Когда она устала сидеть, Джим- ми, как обычно, поставил ее. Впереди сидела хорошо одетая, холеная молодая женщина. Она читала книгу и даже сейчас, в состоянии покоя, казалась собранной и энергичной.

Прежде чем мы с Джимми сообразили, что происходит, Карен наклонилась вперед, провела женщине по шее и волосам и громко объявила:

— А вот бежит моя Мышка!

Я не была свидетелем землетрясения в Сан-Франциско или Большого Пожара в Чикаго, но кое-что в жизни повидала. Мне случалось бывать на играх мирового первенства (да еще в Бруклине), однако такого столпотворения мне наблюдать не доводилось. Мужчины и женщины с визгом прыгали на сиденья. Автобус бросало из стороны в сторону, и Карен, донельзя обрадованная всеобщим участием в ее игре, время от времени вскрикивала;

— Вон она, вон — под сиденьем.

Или:

— Она у вас сзади на пальто!

Или:

— Вы что, не чувствуете ее у себя на ноге?

Завизжали тормоза, автобус остановился. Джимми закрыл Карен рот рукой, я поспешно взяла ее на колени. Наши лица пылали.

— У нее нет никакой мышки, — начала я.

— А вот и есть! — выкрикнула Карен.

Я посмотрела на Джимми взглядом, не сулящим ему ничего хорошего, если он позволит ей еще раз открыть рот.

— Это просто такая игра, — пыталась я объяснить, переводя взгляд с одного возмущенного пассажира на другого. Я плохо помню, что еще говорила. Мало-помалу пассажиры оттаяли, смягчились. Водитель автобуса, подбоченьясь, стоял рядом со мной. Он скверно и замысловато выругался. Я показала на Карен.

— Здесь ребенок.

— Хорош ребеночек! Чертовка.

Я никогда не видела, чтобы человек был так взбешен. Пассажиры согласно закивали. Он, видимо, точно выразил общее мнение.

На следующий день после нашего возвращения позволила Глория и попросила разрешения прийти поговорить. Она была очень расстроена. Суть дела заключалась

в том, что ее мать больна и не могла больше оставаться дома. Глория беспокоилась не о себе, а о младшей сестре. Мы проговорили чуть ли не всю ночь, и на следующий день она отправилась к своей тете, которая охотно согласилась взять к себе Джин.

Глория давно получила место в наших сердцах, теперь осталось только дать ей место в нашем доме. Не веря себе, она слушала слова Джимми, что если она любит нас так же, как мы ее, то может сделать нас счастливыми, став членом нашей семьи. Двадцать четвертого февраля, через два дня после дня рождения Рори, мы удочерили ее.

В пятнадцать лет Глория быстро развивалась и была не по летам рассудительной. Ее красота, и физическая, и духовная, с каждым днем расцветала все ярче, и мы благодарили Бога за то, что Он послал нам такую замечательную дочку. Правда, на этот раз мы были лишены радостей ночных кормлений, болей в животике или первого зуба — ну, так что же — мы были все еще молоды.

После ее появления в семье все мы почувствовали себя лучше и счастливее. Девочки были в восторге от своей новой сестры; Рори, видя ее дома каждый вечер, радостно лепетал; нас с Джимми переполняла гордость. Джимми, по-моему, очень хорошо оценил ситуацию, сказав: «Имеющему да будет дано».

Каждый раз возвращаясь от доктора Б., мы испытывали твердую решимость сделать все, что в наших силах, чтобы помочь больным ДЦН.

Пятьдесят восемь случаев в нашей картотеке давали достаточное количество информации. Мы разработали анкету, которую отправляли тем, кто обращался к нам. Нас беспокоило одно обстоятельство: каждым родителям пришлось обойти в среднем четырнадцать врачей. В целом же информация была пугающей — часто повторяющиеся сообщения о неправильных диагнозах; ошибочные прогнозы на будущее; дети, растущие прикованными к постелям; девяносто девять процентов не получают никакого образования, лишены необходимой помощи; значительное число больных ошибочно

помещены в психиатрические клиники, поскольку дома за ними некому было ухаживать; другие спрятаны на чердаках. Одного ребенка держали в ящике в подвале. Дети и родители, отвергнутые обществом, которое не знало, не интересовалось и не желало их принять. Речь шла не об обвинениях, а о том, что необходимо как можно скорее избавить детей и все общество от мрачной бездны невежества. Но как?

Однажды вечером мы с Джимми сидели и читали. Часов в девять раздался звонок. Я взяла трубку.

— Это миссис Киллили, которая интересуется церебральным параличом?

— Да, — ответила я.

В голосе звучало отчаяние.

— Мой брат только что попытался совершить самоубийство. Ему тридцать три года. Он болен церебральным параличом. Он очень сильный, а дома только я с ребенком. Что мне делать?

— Как вас зовут? — Я старалась говорить спокойно, пытаясь сдержать не только ее, но и свою собственную панику. — Дайте ваш адрес.

Она назвала.

— Где сейчас ваш брат?

— Я привязала его к кровати, но он пытается отвя-
заться.

— Идите к нему. Постарайтесь держаться спокойно. Поговорите с ним, а мы что-нибудь придумаем.

Я изо всех сил старалась говорить уверенно. Девять часов вечера. Кому звонить? И тут я надумала — а что если позвонить главному врачу округа? Он-то уж наверняка знает, как поступить. К счастью, номер его домашнего телефона оказался в справочнике, а он сам — дома.

— Не беспокойтесь, я приму меры.

Я повесила трубку и расплакалась, никак не могла остановиться. Мы должны что-то делать, но что? Снова и снова я возвращалась к этой мысли. На следующее утро, за завтраком, мы заговорили об этом же.

— Я позвоню доктору Б., — решила я, — и расскажу все, что мы знаем. Расскажу об этой истории, о тех людях,

которых нам удалось заинтересовать нашими проблемами. Он нам что-нибудь посоветует. Ровно в девять я позвонила ему.

— Что нам делать? — спросила я, закончив рассказ. — Что делать, чтобы такое никогда не случилось?

— Миссис Киллили, — ответил он, — то, что вы мне рассказали, далеко не единичный случай. Единственный способ избежать в будущем подобных трагедий — решить проблему в целом. Для этого нужна широкая программа, требующая больших средств. Узнав, какой интерес к этому вопросу можно пробудить, я предлагаю создать организацию родителей и привлечь к участию в ней всех, кого сможете.

— Но как?

— В нашем штате такая группа уже есть, кажется, в Рочестере. Я пришлю вам имя и адрес ее организатора и попрошу его написать вам. Он сделает все возможное, чтобы помочь вам создать свою организацию.

В марте я получила письмо от Ральфа Амдурски:

Дорогая миссис Киллили,

я тоже уже три года интересуюсь ДЦП. Мой трехлетний сын болен спастической формой.

Действительно, в Рочестере у нас есть хорошо организованная родительская группа. Такие же есть и в Баффало, Итаке, Элмире, Бингэптоне и Олбени.

Наша группа в Рочестере началась с того, что я обратился к нашему местному радиокомментатору... Реклама очень важна, поскольку это единственный способ информировать широкую публику.

Посылаю вам фотокопию одной из статей, появившихся в наших местных газетах. Было немало и других, но интерес публики вызывают именно такие.

Я бы рекомендовал прочитать мою статью, которая будет напечатана в майском номере журнала «Пэджент». Он должен появиться в продаже в апреле, числа пятнадцатого. В статье рассказывается о церебральном параличе с точки зрения родителей и

говорится о необходимости создания общенациональной организации для больных церебральным параличом.

Несколько упомянутых городов образуют в дальнейшем Ассоциацию штата Нью-Йорк. Имея в перспективе подобную цель, вы можете пробудить интерес общественности, достаточный, чтобы создать местную организацию.

Посылаю вам список родителей и заинтересованных лиц, живущих в Нью-Йорке. С удовольствием сообщу всю необходимую информацию и готов оказать любое содействие.

*Держите меня, пожалуйста, в курсе ваших дел.
Искренне ваш, Ральф Амдурски.*

Это письмо вдохнуло в нас новые силы. Теперь мы не только знали, что делать, но и то, что другие уже успешно сделали это.

Я показала письмо доктору Холла, и мы решили недели через две провести собрание. Хуг Робертсон поместил объявление в газетах, его прочитали по радио, и, кроме того, мы разослали приглашения тем пятидесяти, чьи имена у нас были. Доктор Холла договорился о помещении для собрания и спросил, сколько стульев нам надо. Мы ответили — штук двадцать, и десяток в запас, на всякий случай. Ночь перед собранием мы не спали. Перед нами было дело, другие уже делали его, но одни мы ничего не сможем. А вдруг никто не придет?

Собрание было назначено на двадцать пятнадцать. Мы приехали в семнадцать тридцать, и в зале были уже человек семь-восемь. Я сняла копию с письма Ральфа Амдурски, и моя приятельница отпечатала на ротаторе десять экземпляров. Доктор Холла приехал ровно в восемь часов, все двадцать стульев были уже заняты. Мы расставили запасные. Они тоже скоро уже были заполнены, а народ все продолжал прибывать. Те, кому не хватило места в комнате, стояли в коридоре. Мы попросили присутствующих зарегистрироваться, и общий итог оказался — сто семнадцать человек. Робби прислал ре-

портера, и на следующий день в местных газетах был опубликован материал о двухчасовом собрании, с сообщением о создании организации.

Через несколько дней ко мне приехал некто Харви Колл, репортер Нью-Йоркской «Сан». Не знаю, то ли ему понравилось интервью, то ли он решил, что это необходимо, но он написал замечательную статью на две колонки. Это был первый случай, когда Нью-Йоркская газета писала о церебральном параличе, и отклик читателей был большой, письма приходили не только из Нью-Йорка. Писали родители даже из других штатов.

В апреле Альберт Фелмет, президент Ассоциации больных церебральным параличом из Баффало написал нам и предложил всем имеющимся группам встретиться в июле в Сиракузах и организовать Ассоциацию церебрального паралича штата Нью-Йорк. Джимми не мог поехать, и я решила отправиться туда с Ширли и Артуром Ларчан из Нью-Йорка и Френсис Гайден. С Френсис нас свела сама судьба.

Я узнала об одной матери, живущей на Лонг-Айленде, и договорилась встретиться с ней пообедать в ресторане на 42-й улице. Обед затянулся надолго. За соседним столиком сидела хорошенькая, молодая особа, и скоро стало ясно, что она подслушивает.

— Ну и хорошо, — заметила моя собеседница, — еще один человек узнает о ДЦП.

Наконец девушка встала и подошла к нашему столику.

— Прошу простить мое вторжение и то, что я подслушивала, — сказала она, — но меня очень интересует проблема церебрального паралича. Я пишу диссертацию в Колумбийском университете и темой выбрала, как вы говорите, ДЦП. К сожалению, нет ни материалов, ни специалистов, разбирающихся в этом вопросе.

— Мы очень хорошо вас понимаем, — ответила я и рассказала как типичный случай историю наших собственных поисков.

— С удовольствием пришлю вам имеющиеся у нас материалы. Может, и вы сумеете помочь, сообщить, если знакомы с нужным для нас человеком.

— Есть человек, с которым вы обязательно должны познакомиться. Она сама больна церебральным параличом, работает юристом в Федерации инвалидов. Я расскажу вам ее историю.

Мы охотно согласились и заказали четвертый кофе-ник. Девушка продолжала:

— Мисс Гайден больна атаксической формой церебрального паралича. У нее плохое равновесие и бывают непроизвольные движения. В восемь лет она начала посещать школу — частную, поскольку в государственную не принимали ребенка, не умеющего ходить. Она плохо владела руками, не говорила, но была очень умна. История стараний всей семьи дать Френсис образование, история ее собственных усилий слишком длинна, чтобы излагать ее здесь. Достаточно сказать, что борьба оказалась успешной, и в пятнадцать лет Френсис поступила в Хантер Колледж. У нее была очень напряженная программа, включая высшую математику. Не забудьте, все приходилось делать по памяти, поскольку писать она не могла. Из-за нарушения речи она не могла выговаривать слова, но могла, однако, произносить буквы и таким образом отвечать на вопрос. Она с отличием закончила колледж и поступила в университет изучать право. Два года она была редактором «Фордхэм Ло Ревью». И на этот раз Френсис кончила с отличием, сдала экзамен на право вести дела в суде и еще один, дополнительный, дающий право выступать в федеральных судах. Она оказалась самой молодой женщиной, когда-либо выступавшей там.

Девушка остановилась. Мы обе сидели молча. Выразить словами то, что для нас, матерей, значила история этой отважной девушки, было невозможно. Надежда на будущее стала уверенностью. Если смогла Френсис, смогут и Карен с Вэлом. Моей спутнице надо было спешить; она ушла, и с ней наша новая знакомая. Я пошла к телефону, позвонила домой выяснить у мамы Киллили, целы ли малыши, а потом набрала номер конторы мисс Гайден на 57-й улице. Мне тут же ответили, и по тому,

что понять отвечающего было очень трудно, я догадалась, что это она сама. Меня пригласили зайти.

Я вышла из лифта на третьем этаже и спросила у юной рыжеволосой красавицы, встретившейся мне в холле, где я могу найти мисс Гайден. Ее ответ потряс меня:

— Мисс Гайден — это я.

Она говорила медленно, с усилием. Понять ее было сложно. Она пошла впереди меня по коридору, с трудом шагая в туфлях без каблуков (как пьяная, подумала я). Ее письменный стол был завален книгами и бумагами. На календаре около телефона стояло число — восьмое апреля 1946 года. Мы сели. Я не могла оторвать от нее взгляда. Оказывается, кожа действительно может быть как персик. От природы кудрявые подстриженные волосы были цвета южно-американского красного дерева и на свету вспыхивали искорками. Карие глаза с густыми черными ресницами. Высоко поднятые брови могли бы придавать ее лицу высокомерное выражение, если бы не смешливый рот над решительным подбородком. На вид ей было года двадцать три, по крайней мере на семнадцать лет меньше, чем я предполагала.

Мы долго разговаривали, и я получила огромное удовольствие от беседы, хотя понимала мисс Гайден с большим трудом. Разговор оказался к тому же весьма полезным, поскольку она уже некоторое время занималась инвалидами.

Телефон в тот вечер, к счастью, молчал, и я дала своему семейству полный отчет. Выслушав меня, Мари заметила:

— Если все это смогла Френсис, сможет и Карен.

Когда Мари, Карен и Рори были уложены спать, я перемыла посуду, приготовила на завтра гладить белье, и вместе с Джимми и Глорией мы уселись в гостиной поговорить.

— Ты заметила, — сказал Джимми, — после того как мы занялись этой работой, у нас совсем не остается времени для друзей — вся светская жизнь осталась в прошлом.

— Вчера звонили Морф и Энн Даунсы, просили напомнить, что живут по-прежнему в четырех кварталах отсюда, а вы не появлялись у них уже восемь месяцев. — Это Глория, и, как мне кажется, с легким упреком в голосе.

— Знаю, — с сожалением ответила я, — они уже отчаялись дозвониться нам. Им, наверно, до смерти надоело, что у нас всегда занято. Даже мама начала писать письма. Вот до чего дошло.

Мы еще немного повспоминали, как здорово было устраивать веселые вечеринки и как по выходным, с утра субботы до вечера воскресенья, к нам домой заглядывало множество друзей.

— Как бы я хотел увидеть и Билли с Флос, и Фреда с Элси, и Хили, и...

— Карен зовет, — перебила я и пошла узнать, какая из строчек «Литании Лилипутиков» использована на этот раз. «Мама, хочу пить». «Мама, хочу в туалет». И так далее, всего тридцать строчек. На сей раз была вторая. Когда я снова укладывала ее в кровать, она сказала:

— Знаешь, мама, ты тоже нашла много хороших друзей: судья Бликли, Эд Фелмет, мистер Фэннинг, Роби, Джим, Бен, Джек, — она остановилась перевести дыхание. «Мужчины в Жизни Моей Дочери», — подумала я и строго произнесла:

— Тебе уже давным-давно пора спать.

— Хорошо, мамулька, уже сплю.

Я ослабила на щиколотке застежку корсета и укрыла Карен одеялом.

— Но ты бы их не встретила, если бы я не болела ДЦП, — она улыбнулась мне. — По-моему, ты должна сказать мне спасибо.

ГЛАВА 11

что, учась пользоваться одной группой мышц, она должна учиться одновременно расслаблять другие. Это напоминало мне одну детскую игру, когда мы пытались, по большей части безуспешно, одной рукой похлопывать себя по голове, а другой — гладить по животу.

Еще важнее физиотерапии была трудотерапия, цель которой — научить Карен простейшим навыкам самообслуживания. Простейшим, разумеется, для обычных детей. Это оказалась нелегкая работа для всей семьи: каждому из нас пришлось научиться смотреть на ее усилия, научиться терпению и самодисциплине, чтобы дать ей возможность самой выполнять какую-то работу, несмотря на силы и время, которые для этого требовались. Джимми и Мари такая сдержанность давалась труднее, чем нам с Глорией. Тяжело приходилось и Рори, который еще совсем крошкой был готов сделать для Карен все что угодно.

Когда пришло время есть ей самой, Джимми купил специальную, всасывающую жидкость, салфетку, чтобы класть ее под чашку и тарелку. И все равно, хотела бы я получить хоть по пятаку за каждую разлитую чашку молока, которую мне пришлось вытереть, и каждую упавшую на пол тарелку с едой, которую приходилось выбрасывать и готовить другую. Мы купили оловянную ложку и согнули ручку в большую петлю, чтобы ее легче было держать. Мы могли спокойно, без грязи, покормить ее за двадцать минут. Довольно долго на то, чтобы поесть самостоятельно, у нее уходило час-полтора. Очень скоро все наши домашние животные привыкли отправляться к столу вместе с Карен, отлично зная, что они по-королевски пообедают упавшей на пол едой. Я просто бесилась, глядя, как четвероногие разбойники лопают баранью котлетку, упавшую у Карен с ложки, или яйцо-пашот в масле, каким-то образом соскользнувшее с тарелки на пол. Ее движения были такими резкими, неконтролируемыми, что только через несколько лет ей позволили пользоваться вилок. Мы боялись, что она ткнет себе в глаз.

Долгими часами тренировались мы, зашнуровывая прикрепленный к доске огромный ботинок для верховой езды. У него были толстые яркие шнурки и отверстия размером с десятицентовик. Мы наделали дырочек в сотнях нарядных рождественских открыток, и Карен низала их на веревочку, чтобы украсить свою комнату. Комната была маленькая, и иногда в июле гости с изумлением взирали на свисающие с потолка гостинной гирлянды рождественских открыток. Так она училась шнуровать свои ботинки.

Руки и туловище Карен были настолько напряжены, что одевать ее была целая проблема. Нам вечно приходилось разыскивать платья, расстегивающиеся ниже пояса; пояса, которые можно было бы вшить в швы — иначе они уползали чуть ли не к подбородку. Чтобы, не порвав, надеть на нее пальто или кофточку, приходилось покупать их большего размера, чем надо.

Когда я решила, что ей пора самой одеваться, мы начали с рубашки. Но, прежде чем учить, мне надо было самой понять, как я это делаю. Когда я сгибаю локоть? Как сначала держу рубашку? Какими движениями расправляю и держу подол? Как именно просовываю голову в ворот? Как придерживаю низ, пока просовываю руки в рукав?

Как-нибудь попробуйте сами, и с удовольствием обнаружите, какие вы умные и ловкие.

Потребовались часы для анализа, часы для объяснений и наставлений, часы для освоения движений с моей помощью и, наконец, самое сложное, часы наблюдений за ее усилиями, когда приходилось удерживать себя от того, чтобы помочь.

Как у большинства больных церебральным параличом, это продолжалось день за днем, неделя за неделей, год за годом. Вместо того чтобы за пять минут полностью одеть или раздеть ее, были дни, когда мне казалось — я сойду с ума, заставляя себя просто сидеть рядом и помогать только словами. Меня все время мучило искушение вмешаться: надо было еще стирать, гладить, мыть

посуду, убирать, писать множество писем и вести телефонные разговоры — на счету была каждая минута.

Мне казалось смешным, что когда-то я сердилась, одевая маленькую Мари, снимая с нее зимний комбинезон и сапожки. Это не идет ни в какое сравнение ни по времени, ни по сложности с одеванием ребенка, который не может ни стоять, ни устойчиво сидеть, чье тело не хочет сгибаться в суставах, да еще в придачу заковано в тяжелый, громоздкий корсет.

Первые попытки Карен чистить зубы потребовали бесконечных кипячений нескольких щеток, поскольку ей трудно было удержать эту щетку в руке, и она падала по несколько раз за одну чистку. Джимми решил проблему: он нагрел ручку щетки, согнул ее, привязал на веревочку и повесил на гвоздь; теперь, когда Карен роняла щетку, она падала всего сантиметров на двадцать, и ее можно было снова поднять. Правда, на это тоже уходило минуты три-четыре, но еще в одном деле наша дочь приобрела самостоятельность.

Поскольку ни стоять, ни сидеть она не могла, Карен играла, стоя на коленях. Нас предупредили, что такая поза может вызвать деформацию, и от этого пришлось полностью отказаться. Она плохо удерживала равновесие и не могла стоять на коленях как следует. Из-за огромного напряжения проводящих мышц, сводящих ноги вместе, то положение на коленях, которое она могла удерживать, еще дальше вывернет бедро из тазобедренного сустава. В результате ее и так ограниченная игровая активность была сужена до невозможности. Ей приходилось либо сидеть в специальном стуле за специальным столом, либо стоять возле высокого столика, сделанного Джимом Демпси. В некоторые игры она могла играть, держась за параллельные брусья.

Вся ее игровая площадь свелась к трем квадратным футам, и это в том возрасте, когда она должна была катать во дворе коляску с куклой, играть в пятнашки, лазать на деревья, кататься на коньках и прыгать через веревочку. Джимми устроил для нее песочницу в большом

ящике и сделал специальный стульчик со спинкой, чтобы она могла там играть.

Нашей постоянной и, казалось, недостижимой целью было следить, чтобы у нее были занятия, забавы и развлечения, соответствующие ее умственному развитию; постоянно помогать ей и в то же время не испортить, не избаловать. Я могла бы разработать для родителей курс по уходу и воспитанию детей, больных ДЦП, рассчитанный на шесть лет. Но, поскольку такого курса не существует, Бог, похоже, награждает нас особого рода здравым смыслом, и нам остается лишь воспитывать в себе мужество и терпение, чтобы правильно пользоваться им.

Блестящие, прямые волосы Карен я заплетала в косички. Мытье головы было нелегким занятием и требовало наших совместных усилий. Она не была ни достаточно устойчивой, ни достаточно гибкой, чтобы стоять, наклонившись над раковиной, поэтому мыть голову ей приходилось в ванне. Четырех рук едва хватало, чтобы поддерживать напряженное тельце, не давая ему сползть, держать шампунь, следить, чтобы пена не попала в глаза, мылить и тереть. Даже при достаточном навыке на это уходило минут сорок.

В течение полутора лет Карен принимала одно лекарство, побочный эффект которого запомнился мне на всю жизнь. Какую бы функцию ни было призвано выполнять (хотя и не выполняло) это лекарство, оно заставляло ее круглосуточно, каждые полчаса, проситься в туалет. Пусть и маленькая для своего возраста, Карен все же была достаточно большой и тяжелой, да еще все мышцы напряжены. Кроме того, она вся, с головы до ног, была застегнута в корсет. Это было все равно, что носить двадцатикилограммовую доску. Спустя некоторое время, стоя, я уже не могла поднять ее, приходилось опускаться на колени.

Ночью мы с Джимми дежурили по очереди. Я помню, через несколько месяцев нашим заветным желанием стало лечь вечером в постель и проспать до утра.

Одно время мне казалось, что такое поведение вызвано неосознанным стремлением получить дополнительное внимание. Но как только она перестала принимать это лекарство, прекратились и бесконечные походы в туалет.

Много лет люди, наблюдавшие, как Карен гордо демонстрирует свою независимость, удивлялись:

— И как только у вас хватает терпения? Я бы точно не выдержал и бросился ей помогать.

На этот вопрос есть только один ответ — каждый родитель ребенка, больного церебральным параличом, живет с постоянной мыслью: «А что он будет делать, если с нами что-нибудь случится?» Даже если мы проживем много лет, неужели наш ребенок не сможет жить своей собственной жизнью только потому, что не в состоянии сам себя обслужить? Мы надеемся, что наши дети вырастут любящими нас, но может настать такое время, что Карен не захочется жить с нами. Неужели этому должен помешать родительский эгоизм, сделавший ее полностью зависимой от нас? Не может ли случиться так, что любовь к родителям превратится в неприязнь и даже в ненависть? Мы считаем, что такое не исключено.

Отсюда возникает твердое намерение любой ценой и как можно скорее научить своего ребенка самостоятельно мыться, одеваться, пить, есть, писать — всем навыкам самообслуживания. Если, став взрослой, Карен будет жить с нами, то потому, что сама этого захочет, а не в силу необходимости.

Джон был прав, когда говорил, что нам придется очень и очень трудно. Только со временем мы смогли оценить, до какой степени он был прав. Но он же предсказал и вознаграждение; и тот, кто не испытал счастья, подобного нашему, не в состоянии его понять.

Вспоминая сейчас то время, кажется, что ты сидишь на вершине горы и смотришь на раскинувшуюся внизу долину. По небу проносятся облака, и на земле вы видите узоры из перемежающихся темных и освещенных пятен. И наша семейная жизнь, и наша деятельность на

поприще ДЦП были постоянным чередованием света и тени.

Дома это был мрак постоянной борьбы с усталостью и разочарованием, а кроме того, все более и более изматывающая борьба с неоплаченными счетами. Карен как-то раз заметила:

— Мамулька, нам приходит много писем с окошками.

Мы наблюдались у восьми врачей разных специальностей, не говоря уже о плате за лекарства и необходимое оборудование. Кроме того, мы постоянно были озабочены, чтобы остальные трое детей не были обделены вниманием, получали свою долю нашего времени, забот и труда. Хотя Рори всегда был замечательным товарищем для Карен, в ее жизни нередко бывали моменты одиночества.

Когда нам казалось, что тучи над нами сгустились навеки и тьме не будет конца, неожиданный порыв ветра обязательно разгонял облака, и снова начинало светить солнце. Все в этом мире относительно, и маленький лучик света, пробившийся сквозь темные тучи, кажется особенно ярким.

Как, например, история с судьей, мартини и зубом. Джимми бережно хранил свой вырванный зуб. Карен каким-то неведомым образом завладела им. Возможно, она подбила Рори совершить это преступное деяние.

Однажды к нам пришел известный юрист, бывший член Верховного Суда. Он прочитал статью в «Сан» и хотел помочь нашей ассоциации. Звали его Чарльз Харвуд. Я украсила гостиную букетами цветов (прекрасный способ отвлечь внимание гостей от пятен на мебели и пыли под стульями) и с шиком выставила бутылку джина.

Два часа мы с интересом обсуждали проблемы и перспективы ДЦП, и, наконец, он закончил беседу, подарив местной ассоциации ДЦП чек на тысячу долларов, самое большое из всех полученных нами до этого пожертвований.

Гость захотел познакомиться с детьми (это я устроила бы в любом случае). Я позвала всех, принесла Карен и

посадила ее на диван рядом с мистером Харвудом. Джимми принес поднос с бокалами, мы сидели в самом отличном расположении духа. Глория и Мари были любезны и благовоспитанны, Рори тих и очарователен, Карен сверкала живостью и остроумием.

Джимми налил мартини, и мы подняли бокалы. Я видела лицо судьи, когда он поднес к губам свой бокал. Работа юристом, должно быть, научила его выдержке, и все же он открыл рот и с изумлением воззрился на прозрачную жидкость. Я наклонилась вперед, чтобы рассмотреть повнимательнее, не зная, чего ждать. Карен залилась смехом.

В бокале, словно жемчужина на океанском дне, лежал зуб Джимми! К счастью, в свои шестьдесят лет судья Харвуд накопил достаточно чувства юмора. Он обнял Карен и принялся хохотать до слез. Чтобы окончательно прийти в себя, нам потребовалось еще по два мартини. Судья был совершенно очарован Карен и спросил, что бы она хотела получить на день рождения. И тут же получил еще одно потрясение, услышав в ответ:

— Я хотела бы скальпель.

Однажды в воскресенье Джимми пришлось вести очень тяжелый телефонный разговор. Позвонивший говорил сбивчиво, бессвязно, и Джимми стоило немалого труда понять, что же случилось. Их двенадцатилетняя дочь страдала тяжелой формой ДЦП. Ее никогда не лечили, и девочка была совершенно беспомощной, лишена речи. Мать болела, но не могла лечь в больницу, поскольку некому было ухаживать за ребенком. Они обращались за помощью в государственные и частные организации, но им везде отказывали. Болезнь причиняла матери постоянную боль, и прошлой ночью отчаявшаяся женщина попыталась убить своего ребенка и себя.

Распавшиеся семьи, самоубийства, алкоголизм, психические расстройства— к таким результатам приводят нерешенные проблемы ДЦП, словно щупальцами опутывающие тщетно пытающиеся бороться семьи и разрушающие их. Мы, наконец, пришли к пониманию, что це-реб-

ральный паралич — проблема социальная и, как все социальные проблемы, касается любого и каждого члена общества. Семьи, живущие на пособие, потому что все средства истрачены на лечение; ревность других детей, или, наоборот, когда они окружены чрезмерной заботой, потому что родители боятся, как бы болезнь или несчастный случай не привели к ДЦП и их; семьи, выселенные из квартир потому, что соседи возражали против общения своих детей с больным ребенком — все эти трагедии происходят от незнания обществом подлинных причин заболевания, неумения найти решение этой проблемы. Многим мужчинам и женщинам, больным церебральным параличом, но способным трудиться, было отказано в приеме на работу только из-за неведения общества.

Были моменты, когда тяжесть взятой на себя задачи лишала нас мужества. Тогда мы останавливались и заново пересматривали то, что мы, родители, большей частью простые «маленькие» люди, собравшиеся вместе, уже успели сделать. Мы думали, что как бы сильно не хотели помочь всем больным детям, есть Тот, кто еще больше нас желает им блага. Мы знали, что наши усилия увенчаются успехом, потому что «никто не превзойдет Господа в щедрости». Мы поняли, что для мира еще не все потеряно, когда бакалейщик Боб Шербурн решил не торопить нас с оплатой своего счета, чтобы у нас были деньги съездить в другой город помочь организовать там филиал нашей ассоциации. Нас очень порадовал рассказ одного мальчика о том, как он был в лагере.

— Там был один парнишка, которого все сторонились. Я видел тот фильм, который вы показывали в школе, и понял, что у него ДЦП. Ну и рассказал про это другим ребятам, а потом все было нормально.

Для нас было большой радостью, когда Френсис Гайден приобрела такую устойчивость, что смогла встать на каблуки. Мы всегда принимали ее успехи близко к сердцу.

Душевное равновесие Карен подтвердили поразившие нас слова, сказанные ею своей подруге Пэтти.

Девочка пришла к нам после визита в ортодонтку с большими пластинками на верхних и нижних зубах. Карен внимательно рассмотрела их и заявила:

— Мы с тобой как близнецы. Только у тебя железки на зубах, а у меня на ногах.

Эти лучи света были нам необходимы, потому что мы все чаще и чаще сталкивались с чужими проблемами и несчастьями. Нередко среди ночи раздавался звонок перепуганного родителя:

— У моего ребенка судороги. Что делать? Кого вызывать?

Нас очень расстроил звонок миссис С. Ее восемнадцатилетний сын был болен ДЦП. У него имелись затруднения с речью и при ходьбе. Он не мог писать, но хорошо научился пользоваться электрической пишущей машинкой. Мальчик с отличием кончил школу и получил стипендию в одном из университетов Запада. И матери, и сыну эта борьба далась нелегко, поскольку его отец умер, когда ребенок был совсем маленьким. Но они победили, она смогла послать его учиться. В день своего приезда в университет сын позвонил и сказал, что в канцелярии ему отказали в приеме. Очень жаль, но они не знали, что он болен церебральным параличом. Он отправился к президенту университета и тот обещал все уладить с канцелярией. Через несколько часов обнадеженный юноша вернулся в канцелярию, но ему снова отказали: да, ваш вопрос обсудили, очень жаль, но вы не можете остаться.

Несмотря на все трудности, нас обнадеживал быстрый рост организации по всей стране. У нас в округе шла трудная подготовительная работа для создания специализированной клиники. Многие сложности были связаны с тем, что эта клиника должна быть частным заведением. Все наши усилия не смогли бы увенчаться успехом, если бы не большое число добрых самаритян. Столетиями люди, идущие по дороге, видели у обочины больных церебральным параличом и проходили мимо. Человеческая натура не изменилась, и сейчас есть люди, считающие самаритянина, говоря современным языком, простофилей.

С этой точки зрения Кей и Джим Джонсы были законченными простофилями. У них было четверо детей, и, как большинство наших соседей, они не могли позволить себе иметь прислугу. Когда мне нужно было уйти из дома, Кей приходила к нам со своими детьми и хозяйничала до моего возвращения. Она кормила, стирала, готовила на семерых ребятишек, да еще отвечала на телефонные звонки. Свои домашние дела ей часто приходилось делать ночью. Джим не раз помогал ей стирать в воскресенье, чтобы она могла пойти к нам в понедельник.

Дора и Эл Маккан сделали серию передач о церебральном параличе в своей радиопрограмме. Они попросили выступить и меня. В результате мы получили около тысячи двухсот ответов. Одно из писем мы получили уже год спустя. Нам писали: «Уже после того, как я услышала вашу передачу, у меня родился сын. Он болен ДЦП. Вы можете помочь мне?»

Другие родители позвонили из Пенсильвании. Они рассказывали Джимми, что их восьмилетняя дочь может ходить сама, без посторонней помощи, но плохо удерживает равновесие. Они просто отчаялись научить ее самостоятельно ходить по лестнице.

— А что при этом делаете вы с женой? — спросил Джимми.

— Мы всегда стоим рядом. Мы не разрешаем ей ходить одной, потому что боимся — вдруг она упадет и ушибется?

— А вам не кажется, — сказал Джимми, — имейте в виду, я не специалист в этом вопросе, что неустойчивость Эйлин вызвана отчасти и вашим страхом, который передается ей? Может, лучше надеть на нее футбольный шлем для страховки и пусть идет сама?

Отец сказал, что попробует — они были готовы попробовать что угодно. Через три месяца мы получили заказное письмо, в котором сообщалось, что накануне Эйлин совершенно самостоятельно спустилась и поднялась по лестнице и вообще стала ходить гораздо увереннее.

Казалось бы, мелочь, но ее значение для всей семьи — физическое, психологическое и эмоциональное — огромно. Каждый такой случай укреплял решение нашей группы как можно скорее создать клинику. Многие дети и их родители должны получить там помощь, в которой так нуждаются.

Занимаясь этой проблемой, я встречалась со многими государственными чиновниками. Большинство из них сочувствовали и старались помочь. С некоторыми возникли сложности. Я до сих пор бледнею, вспоминая одного врача, заявившего:

— Это все пустая трата денег. В лучшем случае, вы можете научить этих детей нескольким простым действиям.

— Но, доктор, — запротестовала я и начала подробно рассказывать о нашей работе, проводящейся по всей стране. Привела в качестве примера успехи Карен.

— Вы врач? — спросил он.

— Нет, — ответила я.

— Ну, так вы в этом ничего не понимаете. А я врач, и понимаю.

Я была возмущена до глубины души.

— Пусть я не врач, но мои взгляды сформированы врачами, имеющими достаточно скромности, чтобы познакомиться с опытом специалистов в этой области и принять его. Вам следует развивать в себе эту добродетель, как для собственного блага, так и для блага окружающих.

Я повернулась и вышла из комнаты, с трудом удержавшись от желания хлопнуть дверью.

На одном из многочисленных собраний другой чиновник поинтересовался:

— Почему бы вам, родителям, не успокоиться и не заняться своими делами, например, вязанием? А этими вопросами пусть занимается государство.

— Мы считаем, — терпеливо принялась объяснять я, — что ответственность за детей несет прежде всего не государство, а родители, что мы хотим сотрудничества государственных и общественных организаций, потому

что по отдельности задача слишком сложна и для тех, и для других.

На этом собрании присутствовало много людей, по большей части мне незнакомых. Во время выступления я обратила внимание на внимательно слушающего мужчину. Я обратилась к нему с каким-то замечанием, и вдруг он мне подмигнул. У меня быстрая реакция, и я подмигнула в ответ, хотя и была несколько удивлена. Он подмигнул мне еще несколько раз, и хотя это собрание было для меня очень важным, мне захотелось сбежать оттуда как можно быстрее и незаметнее. Потребовалось немалое усилие воли, чтобы не смотреть больше в ту сторону. При первой же возможности я улизнула домой. На следующий день я позвонила другу, который устраивал для меня это собрание. Он просто зашелся от смеха и объяснил мне, к моему стыду, что у этого человека — тик!

ГЛАВА 12

жественная делегация вручила нам чек на тридцать шесть долларов, и мы с благодарностью приняли его.

Подростки-самаритяне ценятся на вес золота. Школьники-старшеклассники стали приходить в наш дом по вечерам и в выходные дни. Они писали адреса, клеили марки, заклеивали конверты, бегали с поручениями. Такой интерес особенно важен, если подумать о том, что эти дети со временем станут родителями, врачами, учителями, общественными деятелями, юристами и бизнесменами.

Благодаря подробному освещению нашей деятельности в прессе, мы часто получали приглашения от различных организаций выступить с лекцией о ДЦП. Когда я отправлялась на лекцию, с детьми оставалась мама. Однажды я вернулась домой расстроенная. Выступать в этой организации нужно было в час, сразу после их ежегодного отчетного собрания, но оно оказалось слишком длинным. Я была усталой и невыспавшейся. Цифры меня всегда утомляли (вероятно, срабатывает защитный механизм), а финансовый отчет тянулся до бесконечности. Неожиданно я почувствовала, что меня толкнули под столом ногой и далекий голос произнес:

— Миссис Киллили, миссис Киллили...

Я поняла, что это продолжается уже некоторое время, резко выпрямилась и чуть не свалилась со стула: сто десять пар глаз внимательно смотрели на только что проснувшегося лектора.

— Следующий раз пошлем Карен, — предложила мама, когда я обо всем рассказала, — она справится с любой ситуацией. Я сегодня выпустила ее погулять, — продолжала она, наливая мне чай, эту панацею от всех напастей, — она была чистенькая и аккуратная. А когда я пришла через час, это был какой-то поросенок. «Посмотри на себя, — возмутилась я, — ты же самый грязный ребенок в Рей».

— Что же она ответила? — любопытствовала я, зная по опыту, какие бывают ответы Карен.

— Она серьезно посмотрела на меня, — ответила мама, — и заявила: «Бабушка, разве ты не знаешь: Бог

создал грязь специально, чтобы дети с ней играли. Так говорит сестра Розалия».

В нашем доме теперь постоянно звучало:

— А вот сестра Розалия говорит...

Карен расцветала на плодородной школьной почве. Общение со сверстниками и соревновательность помогали лучше развиваться ее личности. Она чувствовала себя очень важной особой, когда по утрам целовала братишку со словами:

— Карен нужно в школу, но она скоро вернется. Будь умницей.

Они обожали друг друга, и Рори всегда плакал, когда она уходила. Но даже это не могло омрачить ее радость. Проходили месяцы. Лето в этом году было позднее, но необычайно жаркое. Как любая семья, живущая возле пляжа, мы считали своим священным долгом ежедневно водить детей купаться. В то лето делать это было совсем не легко. Глория работала, и без помощи Мари в бы просто не справилась. Вся процедура совершалась в шесть этапов.

Этап № 1 — Приготовление.

Того снаряжения, которое я брала с собой, хватило бы даже Амундсену. Что именно: 1 большое одеяло, 4 полотенца, 3 ведерка, 1 бутылка лосьона для загара, 2 надувных круга, 3 шляпы, 3 купальных халата, 1 пляжный зонт, 2 лодки (1 парусная, 1 моторная), 1 пачка туалетной бумаги, солнечные очки, 1 термос фруктового сока, бумажные стаканчики.

Мама купила прогулочную коляску для двойняшек, чтобы я могла одновременно везти Карен и Рори. Все снаряжение приходилось распихивать в коляске под и вокруг детей.

Этап № 2 — Поход Туда (в двух частях).

а) От дома до парка. Четверть мили в гору, все время приходится с усилием толкать коляску.

б) Из парка на пляж. Здесь нужно было все выгружать и складывать. От парка до ворот пляжа было мет-

ров двадцать. После этого преодолеть три лестничных пролета и еще метров тридцать до того места, которое устраивало бы всю мою компанию. При умелой и аккуратной разгрузке приходилось делать не более трех рейсов от парка до места на песке.

После завершения этого этапа мне очень хотелось рухнуть на одеяло и минут десять полежать на солнышке. Но мои дорогие детки этого не понимали и немедленно принимались за свое:

- Мамочка, ну скорей!
- Сними мне туфли.
- Надень мне круг.
- Давай построим замок.
- Поправь мне парус на кораблике.
- Я пить хочу. Теперь наступает —

Этап № 3 — Участие.

Наконец, я выполнила все их просьбы, и тут же начинается:

- Мам, смотри — а ты так не можешь.
- Погляди на меня!
- Смотри, я подводная лодка.

Каждый уверен, что он или она изобрели какую-то совершенно новую водную забаву. Я постоянно при деле. Мари любит, чтобы с ней побегали наперегонки. Карен приходится почти все время поддерживать. С Рори нельзя просто глаз спускать — он идет в воду все дальше и дальше, словно ожидает, что вода расступится перед ним или, на худой конец, отхлынет настолько, чтобы он мог идти. Только годам к четырем он, наконец, понял, что если большинство окружающих его вещей как-то приспособляются к желаниям и потребностям маленького мальчика, то океан этого не делает.

Часа через полтора нужно собираться домой.

- Дети, пора уходить.
- Мамочка, нет!
- Ну пожалуйста!
- Еще разок купнемся!

— Ты еще не достроила замок.

Сначала я говорю спокойно и ласково, потом не так спокойно, а под конец, бывает, что уже и не ласково. Шлепок по мокрой попке не слишком болезненен, но производимый при этом громкий шум с материнской точки зрения очень полезен и приводит к желаемому результату.

Теперь этап № 4 — Сборы.

Нужно не только собрать все, что мы принесли с собой, но и вернуть чужие игрушки. И найти потерянный ботинок. У меня никогда не терялось два или три ботинка, но ни разу не было случая, чтобы я, как терьер, не копала песок в поисках пропавшей обуви.

Этап № 5 — Дорога Домой (3 части).

- а) С пляжа в парк. К этому времени песок раскален, поэтому если из парка на пляж мы перебираемся за три рейса, то обратно — за четыре. Теперь опять надо все грузить. Мари принимается за Рори, а я — за Карен, стараясь стряхнуть с них песок, чтобы они могли спокойно сидеть в коляске. Все это занимает около получаса.
- б) По дороге домой меня поджидает препятствие, которого не было, когда мы ехали на пляж. Работает киоск, где продают пирожки и мороженое. Купание, помимо всего прочего, вызывает волчий аппетит. Мои дети не исключение. Поравнявшись с лотком, они начинают:
- Мамочка, я ТА-А-АК хочу есть.
 - Можно, мы съедем по пирожку?
 - Ну хоть разочек?
 - А мороженое?
 - Я буду хорошо обедать.
 - Ну мамочка, ну пожалуйста!
 - Как вкусно пахнет!

Каждый раз мы проходим здесь, каждый раз они неизменно получали мой суровый отказ, и все же до конца, до двенадцатого сентября, продолжали просить, надеясь, что я когда-нибудь дрогну и смягчусь.

в) Последний Рывок.

На этой стадии даже воспитанные в монастыре ле-ди если и не чертыхаются, то уж во всяком случае потеют. Солнце в зените. Четверть мили превращаются в полмили, мухи и москиты поджидают лично тебя и, жужжа словно бомбардировщики со шприцами, сосредоточивают свои атаки на тех частях тела, до которых ты не можешь дотянуться; твои взмокшие, уставшие отпрыски чешутся и капризничают. Наконец, вы дома. Думаете, это конец? Как бы не так. Остается еще —

Этап № 6 - Возвращение.

Это лучше всего описывать телеграфным стилем. Оставить Мари стеречь коляску, чтобы не перевернулась; скорей на кухню поставить обед; в ванную пустить воду; разгрузить коляску; бегом на задний двор — повесить мокрые полотенца, одеяло и халаты, чтобы успели высохнуть до завтра; назад к коляске, отнести детей в ванную; раздеть, посадить в ванну, вытрясти перок из всех складочек; оставить Мари караулить малышей и бегом на кухню посмотреть, как там обед. Обрато в ванную, вынуть детей; вытереть, одеть и отнести на кухню.

Где-то после обеда, когда я принималась за стирку или уборку, звонил Джимми и озабоченно спрашивал:

— Ты сегодня ходила с малышами на пляж?

Я никогда не срывалась на него, но где-то внутри жило убеждение, что в один прекрасный день это может случиться.

Этим летом я попробовала заниматься с Карен физиотерапией на пляже, но ничего из этого не вышло. Я обнаружила, что холодная вода усиливает спастичность и временно делает мышцы еще более напряженными. Выяснилось, кстати, что пребывание на солнце более двадцати минут имеет точно такой же эффект. Тогда я попыталась заниматься сразу после дневного сна и узнала любопытную вещь, которую и по сей день не могу объяснить. Казалось бы, проснувшись, ребенок должен быть расслабленным и «мягким», в действительности наша дочь оказывалась еще

более напряженной, и заниматься с ней можно было не раньше, чем через час после сна.

Джон предупредил, что по временам эта ноша будет казаться нам непосильной. Он был прав. Бывали дни, когда лишь колоссальным усилием я могла заставить себя подойти к массажному столу; когда готова была рвать на себе волосы от очевидной безнадежности моих попыток научить Карен застегивать пуговицы; когда в голову приходила мысль: «Еще раз поднимусь по лестнице и — все, больше не встану».

И кроме всего прочего — постоянные денежные трудности. Корсеты стоили дорого, обувь стоила дорого, да еще приходилось отдельно платить, чтобы туфли подошли к корсету. Все это приходилось часто менять.

Двадцать третье августа 1946 года был одним из таких тяжелых дней.

Я была измучена и физически, и морально. У Карен три недели не был никаких сдвигов. В тот день мы ходили на пляж, и только в пятом часу я смогла начать занятия. Я просила помощи у Господа, зная, что иначе у меня просто не хватит сил. Спустя час мы закончили упражнения и сели к доске с пуговицами. Я уже видеть не могла эту штуку и с удовольствием пустила бы ее на растопку. Эта деревянная рамка с прикрепленными к ней двумя кусками материи, которые в центре застегиваются на три огромные пуговицы. Каждый день я приклеивала на доску под ткань новую картинку, чтобы вызвать интерес у ребенка.

— Сегодня на картинке очень красивый зверек, — сказала я Карен. — У него короткие рожки. Угадаешь, кто такой?

— Давай посмотрим, я не хочу отгадывать, — ответила она и взялась за пуговицы. Я всегда держалась в стороне до тех пор, пока она не начнет выбиваться из сил. Сегодня я сидела рядом, но мысли мои были далеко от надоевшей доски.

К действительности меня вернул радостный вопль Карен:

— Мамочка, я сделала, сама сделала!

Я обняла ее, прижала к себе и расплакалась.

— Я думала, ты обрадуешься.

При виде моих слез ее оживление пропало.

— Ну конечно, обрадовалась, девочка моя. Еще как обрадовалась! Я и плачу-то от счастья.

— Вот глупая, — засмеялась она. — Подожди, вот еще узнают папа, бабушка, доктор Джон и Бернси. Давай, позвоним им прямо сейчас.

Я схватила ее на руки и бросилась к телефону.

— А может быть, он тоже заплачет? — с надеждой в голосе спросила Карен, когда я набирала номер Джимми.

— Он, конечно, захочет, но мужчины ведь не плачут.

Вся моя усталость чудесным образом куда-то исчезла.

Через несколько дней Карен впервые пришлось пережить горе. Смерть нашего любимого спаниеля была ударом для всех. Вся семья оплакивала ее, особенно мы с Джимми. Потси была частью нашей жизни, она даже ездила с нами в свадебное путешествие — у нас не было денег, чтобы оставить ее в собачьем пансионе.

Пытаясь успокоить детей, Джимми пообещал купить им другую собаку.

— Не хочу другую собаку! — зарыдала Мари, и все громче: — Никогда, никогда!

Рори не понял, что к чему, но проникся духом момента и тоже завопил:

— Никада, никада, никада!

Наш друг Франк Брюкнер, разводивший ирландских сеттеров, услышал о случившемся и однажды появился у нас с темно-рыжим пятимесячным щенком. Такова уж человеческая природа — дети тут же полюбили его. Параллельные брусья Карен стояли в гостиной, юное создание прыгало и носилось по комнате так, что Джимми только успевал подхватывать столы и лампы. Я стояла рядом с Карен, чтобы собака не свалила и ее. Мои предосторожности оказались излишними — подбежав к ней, щенок резко затормозил, облизал ей ухо, лицо, коленку и рванулся дальше. Он носился по всему дому, временами

врываясь в гостиную. Каждый раз он останавливался возле брусьев, нежно приветствовал Карен, потом поворачивался и кидался на Мари. Коврики летели во все стороны, одна лампа все-таки свалилась, дети визжали от восторга. Все были счастливы, хотя у взрослых и были сомнения, стоит ли добавлять животное такого размера к уже существующему зверинцу. У нас снова появилась собака, но тогда мы еще не знали, что Карен получила к тому же надежного помощника и защитника.

Вскоре после этого события мы снова отправились с визитом к доктору Б. Стоял сентябрь, и по дороге на юг мы любовались красками ранней осени. Эта поездка оказалась особенной, потому что доктор Б. включил в программу занятий Карен два замечательных дополнения, которые должны были внести большие изменения в нашу жизнь.

Он осмотрел Карен, порадовался ее успехам и объявил, что она готова для трехколесного велосипеда и лыж. И то и другое — важный шаг в подготовке к костылям.

Лыжами назывались два плоских куска дерева примерно двенадцать на семьдесят пять сантиметров (длина определялась ростом ребенка). В десяти сантиметрах от переднего края в отверстие вставлялась палка, доходящая до головы ребенка. В центре было специальное крепление, надежно удерживающее ногу.

Впервые наша дочь сможет самостоятельно передвигаться за пределами параллельных брусьев. Это ее первая свобода.

Но еще важнее был трехколесный велосипед. Не потому, что на нем можно было, играя, учиться реципрокным движениям но потому, что это было средство передвижения и оно могло помочь ей познать окружающий мир, и потому, что, как выразилась Карен:

— Как все дети, папочка.

Очень взволнованные, мы стали расспрашивать доктора Б., когда Карен сможет, наконец, встать на костыли. Его ответ нас удивил.

— Не знаю, — сказал он. — За свою жизнь я наблюдал больше пятидесяти тысяч больных церебральным параличом и не помню двух одинаковых случаев.

Мы купили трехколесный велосипед с широким сиденьем и большими шинами. Джимми прикрепил к сиденью спинку, к которой Карен можно было привязать, чтобы не сваливалась. Ее равновесие было еще далеко от совершенства. К педалям тоже приделали крепления, как на лыжах, чтобы держать ноги в нужном положении.

Мы купили и оборудовали велосипед за неделю до того, как прибыли лыжи (сделанные на заказ — шестьдесят долларов). К этому времени наше жилище очень напоминало нечто среднее между зоопарком и спортзалом. Детская была маленькая, в ней помещалось только самое необходимое. Самой большой комнатой в доме была гостиная. Туда и поставили все оборудование, включая двухметровые параллельные брусья.

Было смешно и грустно смотреть, как наши гости, огибая препятствия, прокладывали по комнате извилистый, запутанный маршрут. Наблюдающий эту картину с улицы мог бы решить, что они не вполне трезвые. Второй по величине была кухня. Ей доставалось то, что не помещалось в гостиной.

Одно время я вполне серьезно намеревалась, находясь в кухне, носить обмундирование вратаря, чтобы не покалечиться и не сойти с ума. И не только потому, что мешки с песком падали каждый раз, когда мимо них пронесли горячий чайник, а передвижное зеркало вело себя так, словно из него надо было изгонять беса. Любое кухонное действие совершалось не солистом, а большой шумной группой: по крайней мере, двое моих детей и столько же соседских.

Поэтому хотя мы и обрадовались, когда у Карен появились новые приспособления, но внимательно следили, чтобы страховые полисы были в полном порядке.

Одни брусья были в доме, другие Джимми соорудил во дворе. Когда Карен привыкла к корсету, она смогла довольно быстро ходить вдоль них.

Научившись передвигаться у брусьев и на лыжах, но еще плохо держа равновесие, Карен, конечно же, начала падать. Мы решили научить ее падать не ушибаясь. Раздобыли старый матрас и начали уроки падения. Мы по очереди демонстрировали, как это делается, сопровождая показ объяснениями, но только через неделю разрешили попробовать Карен.

Мы с Джимми весело пихали друг друга, а чтобы было еще веселей, позвали Глорию, Мари, Рори и тех ребятшек, которые были у нас в гостях. Какой ребенок не любит потолкаться? К тому времени, когда Карен была готова принять участие в игре, она настолько прониклась ее духом, что падения ее беспокоили не больше, чем громкие вопли игроков. Нам удалось научить ее падать не разбиваясь и беречь от ударов голову.

Подобные занятия помогли нам приобрести несколько сомнительную репутацию.

— Если жизнь кажется вам скучной, — говорили соседи, — зайдите к Киллили.

Наши усилия не пропали даром — не боясь упасть, Карен делала большие успехи в ходьбе.

— Как Тряпичная Энн, — смеялась она, плюхнувшись в очередной раз.

Она была счастлива, получив новую, пусть и ограниченную, свободу, и мы заметили, что с того момента как Карен пошла в школу, начался быстрый прогресс в ее физическом развитии.

ГЛАВА 13

От услуг приходящей прачки давно пришлось отказаться. На мне оказались все домашние дела, занятия с Карен и общественная работа, поэтому Мари и Глории пришлось часть моих обязанностей взять на себя. Впрочем, это пошло им только на пользу. Ежедневно видя, каких невероятных усилий стоит Карен сделать самые простые вещи, те, которые мы делаем не замечая, они с детства учились сочувствию и состраданию. И это тоже было им на пользу.

Карен очень любила музыку, и мы всячески старались поддерживать этот интерес, развивать у нее слух и чувство ритма. У нас был радиоприемник с проигрывателем. В шесть лет она просила поставить ей «Щелкунчика», а в семь — «Травиату».

Каждый день после ужина мы на пятнадцать минут собирались послушать музыку. Карен вставала к брусью, мы танцевали. Однажды мы с Мари изображали «Марш деревянных солдатиков», и Карен тоже «танцевала» — раскачивалась и дрыгала ногами. Вдруг Мари остановилась и бросилась вон из комнаты. Я подождала, но она не возвращалась. Тогда я пошла искать и нашла ее у себя в спальне. Она лежала на кровати и горько рыдала.

— Что случилось? У тебя что-то болит? — испуганно спросила я.

За все свои девять лет она никогда так не плакала. Я в растерянности склонилась над ней.

Мари обхватила меня руками и притянула рядом с собой на кровать. Успокоившись, что она цела и невредима, я дала ей выплакаться. Рыдания душили ее и только спустя некоторое время стали понемногу стихать. Она повернула ко мне заплаканное лицо и произнесла пронзительную мне сердце фразу:

— Как больно смотреть на нее. Если бы я только могла отдать ей свои ноги, — и Мари снова расплакалась.

Хотя по-прежнему маленькая для своего возраста, Карен подросла за лето и поправилась на восемь фунтов. Носить ее становилось все труднее, к тому же еще мешал корсет.

Это случилось в пятницу, шестого сентября 1946 года. Я понесла Карен наверх, споткнулась и с большим трудом удержалась, чтобы не упасть. Испуганная, я села на ступеньки, посадив ее на колени.

«Ох, какая же она тяжелая, — подумала я. — Почему я раньше не замечала?»

Тут я сообразила, что Джимми был в отпуске почти месяц, и мне не приходилось носить Карен. И здесь, на полутемной лестнице, мне в голову пришла ужасная мысль, словно клещами сдавившая мне сердце.

Я крепко прижала к себе Карен.

— Мамочка, пусти, мне больно.

Я разжала руки и прислонилась к стене. Эта мысль перечеркнула всю радость, все прошлогодние успехи — самый главный фактор воспитания дочери стал нам недоступен. Мои слезы падали ей на лицо, а тельце сотрясалось от моих рыданий. Карен никогда не видела меня плачущей, тем более так горько и безысходно.

— Мамочка, у тебя что-то болит? Ну пожалуйста, не плачь. Ну мамочка, что случилось? Где больно?

Она обхватила меня и крепко прижалась ко мне лицом.

— Ногу подвернула, — наконец смогла произнести я. Меня снова стали душить рыдания, и я изо всех сил старалась с ними справиться.

— Сейчас пройдет, уже не так больно.

И про себя: «Боже, как мне сказать ей о том, что она не может вернуться в школу? Это разобьет ей сердце, и Джимми тоже».

Я вытерла глаза и встала.

— Идем, киска. Тебе пора спать.

Я наклонилась, взяла ее на руки, отнесла наверх, вымыла и уложила спать. Вернувшись к себе в комнату, я села

в кресло. В прошлом году сестре Розалии было все труднее и труднее носить ее, а нынче это будет просто невозможно. Если мне, которая делает это ежедневно уже шесть лет, становится трудно поднимать и носить Карен, монахиня, у которой целый класс детей, постоянно требующих ее сил и внимания, с этим никак не сможет справиться. Я встала на колени и попросила Бога помочь мне сделать так, чтобы для Карен это оказалось как можно меньшим потрясением.

Она проснулась одновременно с Рори и, после того как они оделись, я предложила всем вместе построить из кубиков большой дом. Потом пришла соседская девочка, мы послушали музыку, поплясали, и все время меня не покидала мысль: «Когда лучше всего ей сказать?»

Я начала купать их около шести, и, намыливая Карен, как бы между прочим сказала:

— А знаешь, Воробышек, ты очень выросла за лето. Ты гораздо выше и толще, чем в прошлом году, и сестра Розалия не сможет теперь тебя носить, поэтому ты нынче останешься дома и будешь помогать мне с Рори. Будешь учить его всему, что умеешь сама, он уже достаточно большой. А к тебе будет приходиться домой учительница. — Я говорила и говорила, не закрывая рта и продолжая мыть Карен.

— Мы с тобой хорошенько позанимаемся, ты научишься все делать сама и сможешь вернуться в школу. Сестра Розалия не такая сильная, как мама, и если она будет следить за всеми детьми, да еще помогать тебе, то может даже заболеть. Мы же этого не хотим, правда?

У нее задрожали губы, и слезы ручьем полились по веснушкам. Я домыла Карен, вытерла ее и, завернув в полотенце, посадила к себе на колени.

— Я понимаю, как тебе тяжело, — сказала я, — и мне очень жаль, что так случилось, но только подумай, как здорово будет вместе вести домашнее хозяйство.

Я накинула на нее ночную рубашку.

— Конечно, это нелегко, но постарайся быть умницей.

— Хорошо, я постараюсь, — только и сказала она.

Самым трудным был первый день школьных занятий. Я с вечера приготовила одежду Мари. Утром она волновалась и не хотела завтракать. Потом ее надо было уговаривать чистить зубы; она так вертелась и дергалась, что причесывать ее пришлось вдвое дольше обычного. Наконец, она была готова — чистенькая и накрахмаленная. Как только был завязан последний бант, она бросилась к дверям, остановилась, бросилась обратно, расцеловала всех — Рори, Карен, меня, кошек, кроликов и собаку.

— До свидания, до свидания, — пела она, сбегая с холма.

Я стояла у дверей с Карен на руках, и мы смотрели вслед Мари, пока та не скрылась из глаз.

Мимо нас веселыми шумными стайками, размахивая портфелями и коробками для завтрака, пробежали ребята, одетые в яркие, нарядные платьица и курточки.

— Мамочка, — Карен повернулась и взглянула на меня полными слез глазами, — я когда-нибудь пойду снова в школу?

— Думаю, да, — ласково и уверенно ответила я. — Это и есть одна из целей, ради которых мы так много работаем.

— И я бы тоже сегодня пошла с Сэнди и Рут Энн, — вздохнула она.

Нам обеим нужно было срочно отвлечься, заняться чем-то другим.

— Идем, Воробышек.

Мы вернулись в кухню и сели к столу. Я достала носовой платок:

— Вытри слезы, а то затопишь всю кухню.

Вдвоем мы досуха вытерли ей щеки.

— Давай приготовим что-нибудь особенное папе на обед.

Я посадила ее на специальный стул, сантиметров на двадцать выше обычного и с широкой подножкой. (Лучше всего был бы, конечно, высокий детский стульчик, но шестилетний ребенок в него не влезает.) Я по-

двинула ее поближе к столу, надела передник — точно такой, как у меня, — и привязала шарфом к спинке стула. Потом из кладовой принесла миску и банку томатов, открыла и поставила на стол.

— Помоги мне, пожалуйста, готовить обед.

С трудом, двумя руками, она взяла банку и опрокинула ее в миску. И пролила совсем немного. Я нарезала лук, смешала с томатами, добавила приправы и дала ей коробку панировочных сухарей.

Рори горел желанием помочь. Ему пришлось тоже дать коробку (конечно, пустую), он подержал ее над миской, а потом принялся гонять по кухне вместо мяча. Наигравшись, потребовал:

— Каен, дать Лоли пить мака, — что означало: «Карен, дай Рори попить молока».

От Карен требовались немалые усилия, чтобы удержать коробку с сухарями, перевернуть ее, трясти, да еще следить, куда они сыпятся. Она справилась с работой и просыпала на колени, на стол и на пол не больше половины.

Я засмеялась и сказала:

— Теперь ходить по кухне будет рискованно.

— Мамочка, что такое «рискованно»?

— Опасно.

— Рискованно... — она словно пробовала слово на вкус. — Лазать по деревьям может быть рискованно.

Я кивнула. Карен улыбнулась, довольная, что в ее словаре появилось новое слово.

Я не преувеличивала, когда сказала, что ходить по нашей кухне было рискованно. Благодаря изобилию кошек, собак и кроликов, игрушек и мячей, да еще черепахе в придачу у членов семьи выработалась довольно специфическая походка. Нормальный шаг, когда поднимаешь ногу и опускаешь ее на пол нередко заканчивался членовредительством, поскольку нога вставала не на твердый пол, а на какое-нибудь, пытающееся увернуться от вас животное или выскальзывающую из-под ноги игрушку. Вот так, скользя по рассыпанным по полу крошкам,

я почувствовала себя, как Мэри Пикфорд в фильме «Вход с черного».

— Послушай, Карен, — начала я, — мне вспомнилась замечательная история. Однажды... — Так, рассказывая эту очаровательную историю, я достала швабру и начала убирать оставшийся после нашей стряпни беспорядок. Пол был такой скользкий, что временами мне приходилось прерывать свое повествование и удерживать равновесие, используя швабру, как лыжную палку. Наконец, я подмела пол, налила себе чашку кофе, села и закончила рассказ. Карен хохотала до упаду.

— Она, наверное, выглядела в точности как ты. Какая хорошая история!

— Апать, исе, — потребовал мой сын, обожавший слушать, когда рассказывают, даже если он и не понимал смысл слов.

— В другой раз, — ответила я, хватая его в тот самый момент, когда он запустил обе руки в миску.

— Мамочка, включи радио, — попросила Карен, — и пока ты пьешь кофе, мы поиграем в нашу игру.

Я включила приемник и поймала ту станцию, которая каждый день по несколько часов передает классическую музыку. Мы слушали, а потом рассказывали друг другу, какие картины вызывает в нас эта музыка. Это было очень интересно и к тому же познавательно, и я люблю такую игру не меньше Карен — она помогала развивать вкус к музыке. А самое главное — Карен училась слушать. Она начала узнавать композиторов, различать инструменты в оркестре. У нее оказалось врожденное чувство ритма и рано проявился абсолютный слух.

Я видела радость Карен, когда в комнату ворвались сверкающие звуки «Щелкунчика» и целиком захватили ее. У нее такое подвижное личико — никогда не угадаешь, что с ним произойдет в следующую секунду. Музыка на время отвлекла ее от утренней обиды, а я, сидя за кофе, думала о своей дочери.

Затрудненные движения, физический дискомфорт, боль, чувство безысходности и одиночества — и, с другой сто-

роны, ясная речь, бесспорно жизнерадостная личность и острый ум. Но как мы сумеем развить этот ум? Я наблюдала за Карен.

Давным-давно мы прозвали ее Воробышком. Такое прозвище подходило ей как нельзя больше. Она очень напоминала этих славных созданий — крошечных, бойких, дружелюбных и отнюдь не робких. У нее был звонкий, нежный голосок, и она была такая же общительная, как они. В силу обстоятельств она много времени проводила в обществе взрослых и научилась не смущаться в любой компании. Она легко заводила дружбу с людьми любого возраста, и это в какой-то степени помогало сгладить одиночество, на которое обречен любой необычный ребенок.

Проделав ежедневные упражнения и массаж, я решила не заниматься в тот день домашними делами, а отправиться куда-нибудь с Карен и постараться развлечь ее.

— Если ты сможешь мне надеть на Рори свитер, мы все отправимся в Виллидж.

— Вот хорошо-то! — весело воскликнула она, а потом брату: — Иди сюда, сынок.

Он радостно затопал ножками.

— Скаей, Каен, скаей памаги маме.

Я проехала по главной улице и поставила машину около ювелирного магазина мистера Бэлфа. Не раз я сама искала в этом магазине утешения от бед, а на Карен поход сюда действовал как тонизирующее средство. Мистер Бэлф всегда был рад видеть ее и обязательно рассказывал ей какую-нибудь интересную историю о своем товаре. Рори вел здесь себя просто замечательно. Он обожал мистера Бэлфа, ходил за ним, как ягненок, и, широко раскрыв глаза, слушал его истории.

Теодор Бэлф замечательный человек и талантливый автор. Невысокий, коренастый, смуглолицый, с темными волосами и глазами, полными мировой скорби и все же светящимися надеждой и сочувствием. У него особая страсть к часам. Он обращается с ними, как врач, нежно и аккуратно. Его умелые прикосновения возвращают го-

часам и восстанавливают очень старые, изношенные механизмы, которые он получает со всех концов света. Он возвращает молодость престарелым кукушкам, и в тот день тоже пригласил нас полюбоваться деревянными птичками и послушать их веселые голоса. Глаза детей сияли восторгом.

Слегка сутулясь, он ходил по мастерской, находившейся позади магазина, а мы — следом за ним. Остановившись около своего рабочего стола, мистер Бэлф позвал нас. Он осторожно взял в руки старинные карманные часы и вынул их из футляра. Я прислонила Карен к столу, мистер Бэлф на секунду положил часы, поднял Рори и посадил его рядом с Карен. Все трое с интересом склонились над часами.

— Они очень старые, — сказал мистер Бэлф, — их нужно заводить ключиком.

Карен повернулась ко мне и прошептала:

— Сейчас будет история.

— Так вот, — продолжал старый мастер, — у этих часов интересная история. Жил-был много лет назад, точнее — в 1791 году, в Англии часовой мастер по имени Хюмель. Однажды к нему в мастерскую пришла богатая леди. Он знал, что она богатая, потому что когда зазвонил дверной колокольчик, он поднял голову и увидел прекрасную карету, запряженную четверкой белых лошадей. Да и сама дама была одета в синий бархат и дорогие меха, в ушах и на шее у нее сверкали бриллианты. Она улыбнулась и ласково заговорила с ним: «Я бы хотела, чтобы вы сделали часы для моего сына, который отправляется в очень далекое путешествие...»

ГЛАВА 14

По нашей программе мы должны были заниматься лыжами дважды в день. Я — утром, после физиотерапии, Джимми — вечером. Общая продолжительность ее занятий доходила теперь до четырех часов в день, и лыжи были самой трудной частью. Мы вставляли ноги Карен в крепления, давали в руки палки, приделанные впереди к лыжам, потом вставали на лыжи сзади и учили ее ходить, толкая их поочередно вперед. Карен была маленькая, но не такая уж легкая, а вместе с корсетом ноша оказывалась вполне ошутимой.

Наш ковер три на четыре метра терялся в центре гостиной и по краям оставалось много места. Мы щедро посыпали пол кукурузной мукой, чтобы уменьшить трение дерева по дереву.

Прошло немало месяцев, пока у Карен хватило сил и умения самостоятельно передвигать ноги.

Раздевшись перед занятиями на лыжах, Джимми был очарователен в майке и шортах. Летом и зимой ему приходилось изрядно попотеть, поэтому он завязывал вокруг головы шарф, чтобы пот не капал на его нежную доченьку.

Корсет Карен охватывал все тело, и к нему был прикреплен ремень, удерживающий ноги в раздвинутом положении. Ночью она тоже носила корсет с восьмидюймовой распоркой, еще шире раздвигающей ноги. Нам объяснили, что это совершенно необходимо, поскольку у нее развивается частичный вывих бедер в результате огромного напряжения мышц на внутренней стороне ног, вызывающего походку «ножниц» и вытаскивающего головку бедра из тазобедренного сустава. Корсет должен был удерживать головку бедра в нужном положении. И сейчас нет хирургических методов исправления этого недостатка, поэтому мы старались предотвратить полный вывих.

Корсет, кроме того, удерживал ступню в правильном положении по отношению к ноге. Это делалось для того, чтобы растянуть напряженное подколенное сухожилие и пяточную связку. Надо было во что бы то ни стало избежать деформации.

Натяжение мускулов было болезненным, и только через много месяцев Карен смогла носить корсет по пять-шесть часов каждую ночь. Этот период был мучением для всех нас.

Можно только предполагать, что пришлось перенести Карен за эти месяцы. Кровать, обычно благословенное место отдыха для уставшего детского тельца, имела для нее совсем другие ассоциации.

Боялась ли она часа, когда пора было ложиться спать? Сравнивала ли наше время сна со своим? Для нас это было время физического комфорта, расслабления, возможность с удовольствием поворочаться с боку на бок, устраиваясь поудобнее. Для нее — дискомфорт, дополнительное напряжение вместо расслабления, неподвижность, частые боли и сон только от полного изнеможения. О чем она думала в эти долгие ночные часы?

Первым шагом в этом (как и в любом другом) деле было объяснить ребенку, что за свое развитие, за улучшение своего состояния отвечает прежде всего он сам. В течение пяти долгих месяцев мы никогда не уходили из дома по вечерам. По мере того как усиливалось напряжение мышц, Карен просила, чтобы убрали распорку и застежки на коленях и оставили ноги в прямом положении. К дискомфорту от напряжения мышц прибавлялся дискомфорт от необходимости лежать неподвижно на спине. Каждый раз, когда она звала нас, ее просили (но никогда не заставляли) потерпеть еще немножко.

Часто нам приходилось по десять-пятнадцать раз подходить к ней, прежде чем мы снимали корсет. Нам сказали, что важна каждая минута. Мы занимались своими делами, иногда играли в карты и все время напряженно вслушивались, ожидая следующего зова.

Наконец мы решили обратиться со своими вопросами к нашему другу и наставнику, доктору Катерине Аматруда из Йеля. Хотя мы и понимали, что это может принести немалую пользу с физической точки зрения, нас беспокоили эмоциональные издержки этого метода. Катерина несколько раз встретилась с Карен, проконсультировалась с доктором Б., и, учитывая интересы ребенка «в целом», ночной корсет решено было отменить.

В этот период случались дни, когда я так уставала, что, казалось, голову сжало стальным обручем, и именно тогда я впервые поняла, что такое «нервы». Я была раздражительной, несправедливой, вздрагивала от малейшего шума. Одним словом, тяжкий крест для всей семьи.

Однажды Карен за своим высоким столом кормила куклу, Рори ползал по полу, гоняясь за своим новым серо-белым ангорским котенком, я сидела в кресле-качалке, чинила занавески из спальни и прикидывала, выдержат ли они еще одну стирку. Последние две недели главной темой разговоров в нашем доме был выбор имени новому котенку. Каждый из трех старших детей имел на этот счет свои соображения, и дебаты с каждым днем разгорались все жарче. Мы с Карен продолжали обсуждать проблему, когда из школы вернулась Мари и немедленно включилась в дискуссию, и та очень скоро превратилась в жуткий ирландский скандал — победителем должен был оказаться тот, у кого голос громче. Я сдерживалась, сколько могла, и, наконец, заорала, как базарная торговка:

— Да заткнитесь вы все! Из-за ваших ссор уже и котенка не хочется. Это может тянуться до бесконечности, а я уже сыта по горло. Сейчас решу этот вопрос раз и навсегда.

Я изо всех сил старалась сдержать свой беспричинный гнев. Отложив в сторону занавески, я подошла и взяла котенка на руки, вытянув хвост изо рта Рори.

Торжественным голосом, подчеркивающим важность происходящего, я произнесла:

— Нарекаю тебя Анонимом, и да зовут тебя Нонни отныне и навек!

Дети сидели притихшие и озадаченные.

— А здорово получилось, мамочка, — сказала Карен, мой маленький дипломат. Мари кивнула. Я объяснила, что значит это слово, и битва была окончена. Мари подошла и села на пол рядом с Рори. Все трое смотрели на меня с обидой и недоумением.

Я вышла из комнаты и пошла к себе в кабинет. Когда я только начала заниматься проблемами ДЦП, к нам на выходные приехала моя мама. Уезжая, она дала мне небольшой кусочек картона, помятый и обтрепанный по краям от того, что его часто держали в руках. Отпечатанный на обеих сторонах текст был смазан.

— Сохрани, — сказала она, — это тебе поможет.

Я подошла к письменному столу и встала перед карточкой, приклеенной липкой лентой на уровне глаз. Медленно прочитав написанное на ней, я поняла, что переворачивать не нужно. Я так часто читала это, что запомнила наизусть:

«Господи, сделай меня орудием Твоего милосердия: где есть ненависть — дай мне посеять любовь; где есть обида — прощение; где есть сомнение — веру; где отчаяние — надежду; где тьма — свет; где печаль — радость.

О Владыка-Вседержитель, пошли мне, чтобы я искал не быть утешенным, но утешать; не быть понятым, но понимать других; не быть любимым, но самому любить; ибо, давая, мы получаем; прощая — обретаем прощение и в смерти обретаем жизнь вечную».

Несмотря на наши личные трудности, мы активно занимались объединением локальных групп и созданием ассоциации больных церебральным параличом всего штата Нью-Йорк. Кроме того, Ширли Ланшан устанавливала контакты с родителями по всей стране. Она призывала их к действию, советовала, направляла первые шаги по созданию организаций и выработке программы.

У нас имелась полная библиография опубликованных материалов по нашей теме и прекрасный фильм, который мы показывали на самых разных собраниях по всему штату. Ценность этого фильма невозможно преувеличить. Это было точное, мастерское изображение про-

блемы и существующих способов ее решения. Он показывал различные формы заболевания и очень ярко, живо рассказывал о счастье и радости детей, получавших необходимое лечение и образование. В то время эту возможность имел лишь один из ста больных ДЦП. Как бы мы ни устали, мысль об остальных девяноста девяти гнала нас вперед.

Нас мучило, что Карен не получает должного образования, и как раз в это время созданная нами организация принесла нам прямую и непосредственную пользу. Френсис Гайден проделала колоссальную работу и собрала вместе, для ассоциации штата Нью-Йорк, все законы страны, касающиеся больных и инвалидов. Этот свод был затем размножен и распространен. И тут мы, как, впрочем, и многие другие, обнаружили, что инспектор школы может послать к больному ребенку учителя для занятий дома, а оплату поровну берет на себя государство и городские власти.

Мы немедленно отправились к инспектору и договорились, что к нам домой три раза в неделю по часу будет приходить учитель. Немного, но мы и этому были рады, поскольку из прошлого опыта знали, что физический прогресс Карен движется быстрее в сочетании с образовательным, и наоборот.

Мы не говорили об образовательной программе Карен с другими нашими родителями, потому что многие из них не могли получить даже такой малости. Немало детей были произвольно признаны непригодными к обучению, умственно отсталыми лишь потому, что оказались не в состоянии набрать средний КИ (коэффициент интеллекта) по стандартным тестам. Закон не требует подобной проверки, но обычно ее требуют так, словно это полагается по закону. Вопиющая несправедливость такой процедуры просто возмутительна. Как можно применять стандартные тесты к ребенку, который:

1) не имеет жизненного опыта, который является для людей одним из основных факторов развития;

2) имеет плохую координацию движений; 3) имеет различные дефекты органов чувств.

Мы постоянно искали выход из этой ужасной ситуации, лишаящей многих детей надежды на образование, и, наконец, сумели отыскать врачей и педагогов, взявшихся выработать новые, научно обоснованные методы тестирования детей-инвалидов.

Как-то раз, когда я убеждала в необходимости образования детей-инвалидов, один крупный чиновник заявил:

— Это просто выброшенные государственные деньги. Им все равно не найти работу.

Хотя этот человек гордился, что имеет несколько ученых степеней, он, судя по всему, никогда не читал Декрета, заявившего: «Я мыслю, следовательно, существую».

Мы часто бывали обескуражены и даже испуганы, обнаружив, что многие из наших «просвещенных» деятелей придерживались мнения этого человека.

Хотя проведенное исследование об использовании инвалидов в промышленности могло бы произвести впечатление даже на самых предубежденных, оно, похоже, не поколебало философию абсолютного материализма этих людей, облеченных государственной властью. Было особенно обидно, когда государственный чиновник спросил:

— Какой смысл тратить деньги на их обучение, если они не смогут воспользоваться своими знаниями? Это обходится слишком дорого и не имеет смысла ни для них, ни для нас.

Когда я рассказала Джимми об этом разговоре, он взорвался:

— Боже мой! Неужели они не понимают, что гораздо дороже обходится содержание этих людей, которые мой ли бы содержать себя сами, да еще принимать участие в уплате налогов. С такими людьми у кормила государства нас вряд ли ожидает светлое будущее.

— Джимми, ты понимаешь, что подобное отношение требует от таких групп, как наша, решительных и энергичных действий?

— А то! Еще как! — ответил он, вкладывая в свои слова больше чувства, чем грамматики. — Слава Богу, наш инспектор разумный человек, иначе пришлось бы мне прорываться со всем этим к самому губернатору.

Через неделю пришла учительница Карен. В таком маленьком городке, как Рей, выбор учителей невелик. Эта первая проходила два месяца и, к счастью, отказалась сама, прежде чем мне пришлось выставить ее вон. Это оказалась унылая, мрачная особа, полная скуки и неприязни. Мы были рады избавиться от нее. К тому времени наш оптимизм несколько поувыл, и ее преемницу мы ожидали без особого энтузиазма. Но наше беспокойство (как, впрочем, нередко бывает) оказалось напрасным, поскольку новая учительница была, словно по заказу, именно такой, какой бы мне хотелось ее видеть. Мэри Робардс была школьным психологом и имела большой опыт коррективного лечебного чтения. У нее было призвание к такой работе. Мэри приходилось нелегко, поскольку приходиться к нам она могла только после рабочего дня, за который нужно было успеть в три разные школы. Для Карен это тоже было далеко не лучшее время — к пяти-шести часам вечера она уже уставала больше, чем обычный ребенок, — чтобы пройти по комнате, ей требовалось столько же усилий и концентрации внимания, как от нас, чтобы пройти еще большее расстояние по натянутой проволоке.

В эти часы Карен нераздельно располагала вниманием своей учительницы, но у нее не было общения со сверстниками и момента соревновательности, так необходимых для ребенка. Еще больше осложняли положение ее спастические руки и к тому же леворукость. В довершение всего она «перевертывала» некоторые слова, читая, например, «ток» вместо «кот». У менее решительного и целеустремленного человека, чем Мэри, все эти трудности быстро отбили бы охоту к занятиям. Сидела Карен тоже далеко не идеально, а я уже убедилась, как важна правильная посадка для обучения и концентрации внимания.

Карен не могла держать книгу, переворачивать страницы, писать ручкой или карандашом.

Рисование пальцем, уже некоторое время входившее в программу наших занятий, несколько улучшило ее умение действовать руками. По совету Мэри мы купили большие книжки-раскраски, огромные карандаши и мелки (вы можете купить мелки ничуть не тоньше сигар «Корона»). У Мэри была редкая возможность работать вместе с Бернзи, одной из лучших физиотерапевтов, когда-либо живших на свете.

Она внимательно следила за развитием Карен, мы уже считали ее членом семьи. У нее был талант по части всяких изобретений. Чтобы решить проблему с книгами, она купила деревянную подставку для поваренной книги и предложила зажимать страницы прищепками для белья. Хотя и у Бернзи, и у Мэри было очень мало времени, результаты их совместных усилий мы начали ощущать очень скоро.

Мы вели свои собственные таблицы и графики, помимо тех, которые составляли врачи. С началом занятий у Карен выявился быстрый физический прогресс. Мы заметили, что при всем старании через некоторое время начиналось «плато» — пустой период, длившийся иногда дни, а иногда недели, даже месяцы, когда ребенок остается на том же уровне. Иногда бывали и периоды ухудшения. Нас очень заинтересовало, что графики физического и умственного развития совпадали. Они вместе поднимались, останавливались и шли вниз. Я не знаю, проводились ли серьезные исследования на эту тему, и надеюсь, что, если проводились, их результаты станут широко известны, а если нет, то будут проводиться в ближайшем будущем.

То, что у Карен была домашняя учительница, придавало ей некоторый вес в глазах сверстников. У нее появилось дело, заполнившее многие, прежде пустые, часы. В те дни, когда Мэри не приходила, Карен пребывала в унылом настроении. Прогресс ее был медленным, таким медленным, что на мой непрофессиональный взгляд не

просматривался совсем. Главным препятствием было то, что Карен лишь ненадолго могла сосредоточиться. И все же со временем были достигнуты большие успехи. Однажды, к концу семестра, мы с Мэри сидели за чашкой кофе.

— Честно говоря, — призналась она, размешивая сахар, — у меня поначалу были большие сомнения в успехе наших занятий. Дело не в ребенке, а в родителях. Я не знала, каким будет ваше отношение, а оно имеет очень большое значение. Вы понравились мне при первой же встрече, иначе я не взялась бы за это дело.

— А вы мне — не очень, — призналась я. — Вы были не слишком-то приветливы и открыли рот только для того, чтобы задать какой-то глупый вопрос.

— Ну, не такой уж и глупый, — улыбнулась Мэри. — Именно ваш ответ на него и решил все.

— Я даже не помню его.

— Я спросила — каких успехов, по-вашему, должна добиться ваша Карен и за какое время.

— Вот именно, и я считаю, что это глупо.

— И вы ответили, — Мэри невозмутимо помешала кофе, начисто игнорируя мое замечание, — ну откуда я знаю. На этот вопрос может ответить разве что учительница Карен. И тут я поняла, — засмеялась Мэри, — что с этой мамой трудностей не будет.

— Ах вот оно что! Ну, раз уж пришло время исповедаться, — сказала я. — Карен в течение трех лет наблюдалась в известном детском центре. Они проверили ее на стандартных тестах и категорически заявили, что ее КИ где-то между семьюдесятью пятью и восемьюдесятью пятью.

— Стандартные тесты для ребенка с крайне ограниченным жизненным опытом и сильнейшими двигательными нарушениями! — возмутилась Мэри. — Я лично считаю где-то от ста двадцати до ста сорока.

Прежде чем я успела ответить, в комнату ворвалась Мари.

— Привет, мама, привет, Мэри, — пропела она, чмокнув нас в макушки.

Потом протанцевала к холодильнику и, после долгих раздумий, выбрала себе апельсин.

— Мамочка, я хочу тебя кое о чем попросить.

Она принялась чистить апельсин.

— Что ты хочешь, детка? У тебя такой серьезный вид.

— Дай мне, пожалуйста, фильм о церебральном параличе.

— Зачем он тебе?

Если бы она попросила разрешения взять на вечер машину, я и то не удивилась бы больше.

— Хочу взять его в школу, показать ребятам. Нам же часто показывают учебные фильмы.

— Замечательная мысль. Конечно, возьми, но думаю, мне лучше сначала самой поговорить с учительницей, А с чего бы это вдруг? — полюбопытствовала я.

— В конце концов, — ответила она, вытирая сок с подбородка и серьезно глядя на меня, — ты уже не такая молодая, и, когда ты умрешь, кто-то должен будет продолжать работу.

Мэри фыркнула и закашлялась. Я медленно сползла в кресло. Мне было тридцать два, и, хотя временами я чувствовала себя уставшей, продавцы все еще обращались ко мне «мисс». Я провела рукой по щеке — может, стоит отправиться к косметичке? Дотронулась до волос. Если поэкономить недельку-другую, глядишь, и наскребу денег на завивку?

— Похвальный интерес, — пробормотала я наконец, — только вот не знаю, как ты сумела прийти к правильным выводам, исходя из ложных посылок.

— Что?

— Ничего. Твой интерес меня радует. Ваши ребята наверняка захотят помочь.

На Джимми идея произвела должное впечатление, так же как приведшая к ней причина.

— Ты выглядишь моложе, чем в день нашей свадьбы и несомненно красивее, хотя и тогда ты была достаточно красива.

В конце концов, я осталась довольна, что все так получилось и что возник разговор на эту тему.

Учительнице наша идея понравилась.

— Вы знаете, миссис Киллили, — заметила она, — если бы мы смогли сегодня дать всем детям необходимое образование, завтра нам не пришлось бы заниматься образованием общества.

Я подумала об учениках, которые станут учителями, о подготовке, необходимой для тех, кто учит больных ДЦП. Здесь нужны не только опыт и умение, но, поскольку у многих из них трудности со слухом, зрением, речью, совершенно необходима специальная подготовка. Именно ее так не хватает сегодня и врачам, и физиотерапевтам.

ГЛАВА 15

Карен росла медленно, Глория же, Мари, Рори (а заодно и ирландский сеттер) с каждым днем, казалось, становились все больше и больше. К этому времени пес стал полноправным членом семьи. Период привыкания у него оказался очень трудным, и, если бы не Карен, я, наверное, отправила бы его обратно.

Он появился у нас плохо дисциплинированным щенком, достаточно крупным, чтобы каждое его резкое движение представляло опасность. Пепельницы, лампы, книги, вазы, даже каминный экран — все летело в сторону под напором этого рыжего дьявола. В Американском клубе собаководства он был зарегистрирован как Тэм О'Шентер из Найтскрофта. Через две недели мы подали заявление о перерегистрации его под именем Шенти Айриш². Американский клуб собаководства был шокирован — пес принадлежал к роду чемпионов. Но мы были непоколебимы, и он-таки стал Шенти Айриш.

Приходилось прилагать такие усилия, чтобы как-то воспитать это непослушное создание, что временами я просто приходила в отчаяние. И наконец объявила Джимми:

— Я вырастила немало собак, но никогда не встречала ничего подобного.

— Мне кажется, это не потому, что он глупый, — сказал Джимми.

— Вот уж нет! — с жаром ответила я. — Он, пожалуй, даже слишком умен.

— Ну, тогда понятно, — ехидно заметил мой любящий супруг.

— Вот что, если ты не займешься его психоанализом, это скоро придется делать со мной.

² Шенти Айриш — букв. ирландская пивная.

— Тогда давай избавимся от него. У тебя и так слишком много забот. (Этот прием называется «от противного».)

А потом, как бы между прочим:

— Кстати, как он с Карен?

— Не притворяйся. Ты прекрасно знаешь, как он с Карен. Ну хорошо, я еще потерплю. (Какая женщина откажется от роли мученицы?)

Пес был действительно умен. Он делал все, что мог придумать его изобретательный собачий ум, чтобы внести разнообразие в жизнь Карен, помочь ей. Если она роняла мяч, он приносил. Шенти постоянно находился рядом с ней. Сеттеры любят побегать, но он никогда не убежал от нее дальше, чем на несколько метров. Он охранял ее, не воинственно, но весьма эффективно.

Однажды утром я поставила ее к брускам во дворе на солнышке. Убирая в доме, я время от времени поглядывала на эту парочку и вдруг увидела, что Шенти куда-то побежал. Это было так необычно, что я пошла к двери, посмотреть, в чем дело. У ограды, вдоль верхушки откоса бежал жесткошерстный терьер (он напоминал моего учителя французского языка из пансиона Сен-Винсент). Шенти подбежал к нему и представился по всем правилам собачьего этикета. Пес повернулся и с любопытствующим видом направился к Карен и ее брускам. Метрах в четырех от нее пришелец тьякнул, и тут Шенти сорвался с места. Он ринулся вниз по откосу, как раскаленная карающая стрела. Терьер был уже рядом с Карен, когда эта стрела настигла его. Его даже не укусили, он просто отлетел метров на пять, когда голова Шенти врезалась ему в бок.

Через несколько дней после этого за мной заехал один человек — я должна была выступать в Ротари-клубе. Когда он приехал, Карен и Шенти были во дворе.

— Это моя дочь, Карен, — представила я.

— Здравствуйте, — вежливо произнесла Карен и добавила, повернувшись к собаке:

— Шенти, мой ангел-хранитель.

На этой встрече в Ротари-клубе городка Порт-Честер я должна была выступить с отчетом, рассказать о том, как идет наша работа по всему штату. Я рассказала о своей недавней поездке в Итаку, на юбилейное собрание местной группы: год назад в ней насчитывалось всего тридцать человек, нынче — уже более четырехсот. Теперь это были не только родители — почетным гостем на встрече был мэр городка. Рядом с ним сидели члены муниципалитета, адвокаты, врачи, несколько банкиров, местный пекарь, учителя, полицейские, торговцы, водопроводчик, архитектор, родители больных детей — типичные представители небольшого американского городка.

Я рассказала о том, что случилось со мной, когда я возвращалась домой. Поезд мчался на юг, я вспоминала события предыдущего вечера, размышляя, что эта встреча еще раз неопровержимо доказала — для церебрального паралича безразличны раса и цвет, ум и убеждения, богатство и общественное положение. Воспоминания об этой встрече подбодрили меня, и я, должно быть, улыбалась, потому что вошедший кондуктор заметил:

— Приятно для разнообразия увидеть счастливого человека.

— Да, я счастлива, — ответила я и, не удержавшись, стала рассказывать ему о ДЦП и о том, почему я счастлива. В купе был еще всего один пассажир, и кондуктор сел рядом со мной. Это был аккуратный седой человечек, в очках с толстыми стеклами, с быстрыми движениями и речью. Он задал множество вопросов.

— Я сейчас покажу вам что-то замечательное. Вам повезло — если бы здесь было полно народу, ничего бы не вышло.

Он встал и выключил свет в вагоне.

— Смотрите в окно.

Мы ехали в горах, вдоль реки. Недавно был сильный снегопад, и сквозь окна я видела ели, согнувшиеся под тяжестью снега. Лунный свет искрился на ледяных глыбах, лежащих вдоль берега.

— Следите за полянами, — прошептал мой собеседник, — следите внимательно.

Через несколько минут я увидела фигуру, скользнувшую на фоне снежной белизны. Потом были другие поляны и другие фигуры. Я с изумлением поняла, что это олени.

— Это полоса миль двадцать пять, они приходят сюда кормиться, когда выпадает снег. Я работаю на этой линии вот уже восемнадцать лет, но никак не могу привыкнуть.

Я смотрела на красоту за окном. Сзади снова тихо заговорил мой знакомый.

— Я все думаю о том, что вы мне рассказали. У меня есть старший брат. Он может передвигаться только на деревянной тележке, которую мы для него сделали. Мы всегда считали его просто калекой. Его тело все время непроизвольно дергается. Мама сказала, что еще малышом он упал и ударился затылком. **Говорит он тоже с трудом.** Теперь я знаю, у него **церебральный** паралич, как у тех людей, о которых вы рассказывали.

ГЛАВА 16

Рори был очарователен. Это признавали все. Толстенький, крепенький, но, несмотря на это, очень подвижный. Он был славный, ласковый и в то же время обладал явной склонностью ко всякого рода проделкам. Мари выросла так быстро, что почти догоняла Глорию.

Как внимательно я наблюдала за Рори, не знал даже Джимми. Как внимательно наблюдал за ним Джимми, я могу только предположить. Мы не слишком восхищались чудом, когда Мари впервые схватила погремушку, стала плескаться в ванночке, выбила у меня из рук ложку, поползла, или — удивительный миг — сама встала в манеже. С Рори каждое из этих чудес было оценено должным образом.

Снова наступило Рождество — самое счастливое в нашем доме за многие годы. Рождественский обед у нас был, как обычно, в предыдущее воскресенье, чтобы освободиться от таких прозаических, отвлекающих нас от детей дел, как готовка и уборка. Мы бродили среди груд оберточной бумаги, перешагивали через разбросанные по полу вещи, одевали и раздевали кукол, опробовали игрушечные ксилофон, барабан и саксофон; и самое замечательное, играли с паровозиками и футболом Рори. Сам Рори, которому не исполнилось еще и двух лет, преуморительно выглядел, ковыляя по комнате с бейсбольной битой в руках, подаренной бабушкой.

— Ни чуточки не рано, — объявила она в ответ на фырканье Джимми.

Еще она подарила Рори фотографию сборной Цинциннати по бейсболу. Правда, уже через пять минут он протопал по ней ножками.

В общем и целом это Рождество прошло несколько более бурно, чем обычно. Неприятности начались накануне вечером, когда Тэм О'Шентер из Найтскрофта

поиграл, не ведая того, со смертью. Много лет я берегла пять коробок елочных украшений, которые папа купил на мое первое Рождество. Теперь таких уже давно не делают. Игрушкам этим нет цены. Крошечные серебряные трубы, хрупкие, вручную расписанные шары. Очаровательные колокольчики — каждый издавал свой звук. Смеющиеся румяные малыши на санках, размером со спичечный коробок. Все это вешалось на рождественскую елку в последнюю очередь и с соблюдением соответствующих церемоний.

В три утра, развесив, наконец, все игрушки, мы отправились в кухню пить кофе. Перед тем как лечь спать, мы еще раз зашли в гостиную убедиться, что все в порядке и еще раз полюбоваться своим шедевром декоративного искусства. Мы с мамой в изнеможении опустились на диван, Джимми включил свет. Я смотрела и не верила своим глазам. Это дьявольское отродье устроилось под елкой, а вокруг него лежали осколки моих драгоценных игрушек. Кипя гневом, я подошла и в ужасе остановилась. Он ел игрушку и, похоже, съел уже несколько. Он положил голову между лапами, прижал уши и виновато закатил глаза. К морде прилипли пушинки и серебряные нити. Я так разозлилась на него, что готова была убить.

На следующее утро дети поднялись в половине шестого. Еще не было восьми, когда начали приходить их друзья — смотреть подарки. Мари весь день казалась какой-то вялой, но я решила, что она просто перевозбудилась и не выспалась. Вечером я обратила внимание, что Мари избегает ходить по лестнице. На мой вопрос она ответила, что у нее болят ноги.

На следующий день после Рождества она немного ожила, но продолжала жаловаться на боль в ногах. Я на несколько дней уложила ее в кровать и стала регулярно мерить температуру, она оказалась немного повышенной. В пятницу я отвезла Мари к Джону, он осмотрел ее и послал сдавать кровь на анализы. Меня это не очень обеспокоило. Мари была высокая, крепкая, румяная девочка, с хорошим аппетитом. На следующее утро Джон позвонил.

— Ну что, нашли что-нибудь? — спросила я.

— Если можете, приезжайте ко мне часа в четыре.

Я приехала за несколько минут до назначенного срока и, пока Джон был занят с другими детьми, пыталась читать газету. Но с каждой минутой мрачные предчувствия все сильнее вызывали у меня знакомое чувство удушья.

— Входите, Мари, — позвал Джон.

Я с трудом встала, пересекла холл и вошла в его кабинет. Он закрыл за мной дверь, сел за свой письменный стол.

В это время зазвонил телефон, и, пока он рассказывал кому-то о симптомах и лечении, я заметила, что на нем очень красивый галстук — бордовый с серым, в полоску, что на столе новая фотография его сыновей, что в последнем номере «Американского педиатрического журнала» четыре закладки и что у меня опять пересохло во рту.

— Ну что, Джон?

Он посмотрел на влажное пятно, оставленное моей ладонью на стеклянной крышке стола.

— Ничего, чтобы так волноваться. Но Мари придется некоторое время полежать в постели. У нее ревматизм.

Когда тебе девять лет, трудно улежать в постели. Для Мари это оказалось особенно тяжело, она всегда была непоседой и сорванцом, совсем как ее мама. Но она держалась молодцом, и мы все как могли старались ей помочь. Глория выяснила, что у Мари ловкие руки. Она принесла ей несколько приспособлений для чистки трубок, цветную бумагу, проволокошвейную машинку и клей. Все делалось в глубокой тайне. Дней через десять после этих загадочных покупок Мари попросила Глорию позвать к ней всю семью. Когда мы собрались, они торжественно, под звуки вальса Штрауса «Венский лес» сняли покрывало с большого подноса.

— Это же настоящее произведение искусства! — с восхищением произнес изумленный Джимми.

Я от удивления не могла сказать ни слова. На подносе лежали два круглых зеркала, дюймов по двадцать в ди-

аметре. На каждом, в изящных, грациозных позах стояла группа из шести балерин и танцовщиков. Так вот что она делала с проволочками для чистки трубок! Из креповой бумаги Мари смастерила яркие, нарядные костюмы. Мужчины были в балетных трико, женщины в коротких пышных юбочках всех цветов. На них были даже крошечные балетные туфли.

Ободренная аплодисментами, вызванными ее первой работой, она принялась за корзиночки для дня рождения Рори, двадцать первого февраля. Она делала их красно-бело-голубыми, с плетеными ручками, и к каждой прикрепляла топорик и две вишенки. Поглощенная работой, она меньше страдала от своего вынужденного заключения. Иногда Мари просила меня поставить около ее кровати столик Карен, чтобы та могла «помогать» ей. Они были очень заботливы и внимательны друг к другу.

Карен очень мало пользовалась правой рукой, и мы пускались на разные хитрости, чтобы заставить почаще действовать ею. Обе девочки любили рисовать пальцами, и Бернзи посоветовала нам проводить на листе бумаги линию, за которую левая рука Карен не должна заходить. Сначала мы проводили ее близко к правому краю, потом в течение многих месяцев потихоньку передвигали влево. Для того чтобы получилась вся картинка, ей приходилось действовать обеими руками.

Мы привлекли к этому занятию соседских ребятишек — приглашали человек пять и устраивали соревнования. Мари была судьей, а я едва успевала таскать мокрые листы бумаги из ванны в спальню. В конце раздавались призы: «За лучший рисунок», «За самый яркий», «За самый драматичный» и так далее. Призы вручались анонимно, я не знала, какой рисунок — чей. Можно было за установленное время нарисовать сколько хочешь рисунков, и иногда к концу дня их собиралось штук по двадцать. Конечно, чтобы по достоинству оценить картины, их приходилось развешивать по всей кухне. Был еще специальный приз «За доброе дело», для того, кто чаще всех замечал, когда Карен заходила за

разделительную линию. Таким образом, контроль исходил не от меня и имел характер игры. Любимым цветом всех был красный. Краска смывалась, но каждый раз, когда наступало время судить и я входила в комнату, меня охватывал ужас — сцена обычно напоминала избиение младенцев.

Мы с Джимми продолжали с успехом заниматься с Карен физиотерапией. Нам повезло больше, чем многим родителям. При отсутствии медицинских центров и специализированных клиник, при том что для больных церебральным параличом недоступна помощь частных специалистов, единственный выход для родителей — самим заниматься с детьми. Самым трудным при этом оказывался переход от отношений родитель-ребенок к отношениям учитель-ученик, и обратно. Мы с Джимми смогли преодолеть это препятствие, но многие родители, не по своей вине, так и не сумели этого сделать. Впрочем, и здесь можно найти какой-то выход. Например, у миссис А. и миссис В. дети больны церебральным параличом, но ни та, ни другая не могут заниматься физиотерапией со своим собственным ребенком, тогда миссис А. обучается приемам терапии, необходимым для ребенка миссис В., а миссис В. — для ребенка миссис А. В этом случае смены отношений уже не требуется.

Обнадеженные успехом в терапии, мы было решили, что так же легко сможем помочь Карен и с учебой. Но у нас ничего не получилось. В этом случае мы так и не смогли перейти к отношениям учитель-ученик. Мэри Робардс обнаружила у Карен странную особенность: она могла читать слова «наоборот» — «кот» вместо «ток» или «сел» вместо «лес». Она объясняла, что *если* и *когда* Карен будет учиться писать, это значительно усложнит процесс. Я билась над этим много недель, Мэри тоже делала все возможное, но безрезультатно.

Тогда за дело взялся Джимми. Для его ясного мужского ума казалось странным, нелогичным, что Карен ведет себя совершенно не так, как мы с Мэри.

Он старался, Боже, как он старался. Сначала он тщательно готовил сцену. Лет тридцать назад для Джимми сделали специальный детский стульчик. Точную копию того, который когда-то был у его дедушки. Он поудобнее устраивал Карен в этом стульчике, поднимал спинку под нужным углом, клал ей на ноги мешочки с песком, чтобы препятствовать избыточным движениям и придвигал поближе специальный столик (двадцать семь долларов, да еще уступили по дешевке). Потом садился около нее на диван и принимался за работу.

Его успехи мало отличались от моих. Способности, которые Карен проявляла с Мэри, при нас просто не существовали. Куда девались внимание, интерес, сотрудничество, желание заниматься. **Она** вертелась, болтала и свистела. Она смотрела на Джимми и не слышала, что он говорит. Устав, он снимал пиджак и развязывал галстук. Джимми обладает удивительной способностью — он может научить кого угодно чему угодно, ко когда он пытался учить Карен, этот талант исчезал бесследно, как обещания политического деятеля. В его голосе — низким, звучном, глубококом — не начинало звучать нетерпение или гнев, только широкие плечи сутулились все больше, да пальцы все быстрее ерошили волосы, обычно так аккуратно причесанные. Я знала, что Джимми дошел до точки, когда он принимался дергать себя за мочку уха, привычка, проявлявшаяся только в минуты сильного волнения. В конце концов он тоже бросил эти попытки.

Однажды вечером он принес Мари на диван перед камином. На улице стоял густой, вязкий туман, просачивающийся, казалось, даже в комнату и пытающийся остудить теплый свет лампы. Яркий огонь в камине пытался выгнать незваного пришельца и радовал душу. Шенти растянулся на коврик перед камином, на густой рыжей шерсти играли отблески огня. Рядом с ним уютно устроились кошки. В углу неярко горела настольная лампа, в пляшущем свете огня ярче проступал рисунок на задернутых оконных шторах. Над камином висела мягко освещенная «Мадонна в кресле» Рафаэля, и, казалось,

Мать и Дитя ласково улыбаются нам. Тени осторожно карабкались вверх по стенам и затевали бешеный танец на высоком потолке.

Тихая, умиротворенная, я повернулась к Мари, и не могла сдержать восхищения — так величественно она выглядела в красном *платье на фоне золотистой* обивки дивана. В глазах ее отражались язычки пламени, лицо покраснелось, а короткие прядки волос, выбившиеся из косы, легли завитками вокруг лица. Джимми улегся на полу, положив голову на спину Шентн, и рассеянно перебирал его длинную шерсть. Приглушенный серый цвет брюк и голубая рубашка подчеркивали синеву его глаз. С выражением гордости и радости, он тоже наблюдал за Мари. Глория в элегантной взрослой позе сидела на диване, и ее волосы блестели, когда она наклонялась над вязанием, ярким пятном выделявшимся на фоне темной юбки.

Не отрывая взгляда от огня, Мари произнесла:

— Папа, мне скучно все время лежать в кровати. Может быть, я попробую помочь Карен с уроками?

Джимми взглянул на меня:

— *А как мама?*

— Прекрасная мысль, — быстро ответила я. — Может быть, Мари сумеет сделать то, с чем не справились мы.

— Я буду очень терпеливой, — пообещала Мари.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Джимми.

— И она занимается по таким же учебникам, какие были у нас.

Как хорошо бы это было для Мари, подумала я. Она получит огромное удовлетворение, сделав то, чего не сумели мы, и, кроме того, у нее будет чувство собственной необходимости — то, что ей так нужно именно сейчас.

— Можешь начинать хоть завтра.

— Как ты считаешь, Глория? — спросила Мари.

— Я уверена, что ты сможешь ей очень помочь.

Она отложила вязание, подошла и села рядом.

— Ты можешь сделать это игрой. Играйте в школу. А потом, я думаю, было бы хорошо пригласить поиграть с вами Кэти и других детей.

— А потом мама устроит угощение.

— Все интереснее и интереснее, — заявила я, очень довольная вырисовывающейся картиной.

Джимми лениво перевернулся на живот, взял кочергу и поправил полено в камине. Полено громко щелкнуло, и взметнулся сноп искр, похожих на стайку светлячков.

— Хорошо, когда дети стараются сами решать свои проблемы, — с довольным видом произнес он.

— Гло, дай мне, пожалуйста, блокнот и карандаш, — попросила Мари. — Мне кажется, будет неплохо сделать что-то вроде дневничка.

Глория принесла то, что просила Мари, и предложила:

— Хочешь, я куплю тебе коробку разноцветных звездочек, таких, с клеем на обратной стороне, и делай, как в школе.

— Вот здорово!

Мари все больше и больше увлекалась своей идеей. Я взглянула на часы Джимми и пришла в ужас.

— Немедленно отправляйтесь в постель, юная леди, и не вздумайте сказать доктору Джону, что я разрешила вам лечь спать так поздно.

Я пошла стелить Мари постель, а Джимми отнес ее наверх в спальню. Когда она умылась, причесалась и прочитала вечерние молитвы, я поцеловала ее и сказала:

— Спасибо, что ты пришла в наш дом.

Когда вернулась в гостиную, Джимми поставил пластинку на проигрыватель, а Глория ушла к себе.

— Позвольте пригласить вас на танец? — торжественно произнес он.

Я ответила глубоким реверансом (воспоминание о пансионе Сен-Винсент и миссис Серафине Фоулер).

— Да, сэр.

Впервые за долгое время мы танцевали вальс из «Веселой вдовы», танцевали, пока не догорел огонь в камине. Мы оба немного подзабыли движения, но какое это имело значение! Мы еще станцевали польку, это-то нас и доконало.

— Знаешь что, любовь моя, — заявил мой нежный супруг, плюхнувшись на пол и с трудом переводя дыхание, — мне очень неприятно говорить это, но мы стареем.

— Ты стареешь, дорогой мой, — я старалась говорить не задыхаясь. — Лично я свежа, как роза.

— Да, конечно. Прошлогодняя роза.

ГЛАВА 17

Занятия Мари с Карев оказались успешными. Правда, это были далеко не «настоящие» уроки, но Карен училась охотно, а Мари была довольна, что дважды в день занимается Важным Делом. Она не испытывала тех трудностей, что мы с Джимми, и была весьма довольна результатами своей деятельности. Мне кажется, что Мари эти занятия принесли не меньше пользы, чем Карев.

Я организовала нашу семейную жизнь так, что за последний год смогла побывать в нескольких городах, помочь там организовать группы и выработать программу действий, показать фильм, поговорить с людьми. Я стала крупным специалистом по церебральным параличам по двум причинам: во-первых, мало у кого в то время был такой большой опыт в этом вопросе; во-вторых, те, у кого этот опыт был, не могли оставить дом или работу. Поэтому, за неимением лучшего, приглашали чаще всего меня.

Самолеты помогали мне экономить время и добираться в такие места, на которые у меня иначе не хватило бы времени. В апреле я собиралась лететь на собрание в Сиракузы, потом в Итаку, на торжественный обед в честь вновь созданной группы, а оттуда в Утику, где Морим Шихан творил просто чудеса, помогая встать на ноги местной организации.

К самолетам, поездам и автобусам меня по большей части возили Мэт и Мэрион Тейлор, оба писатели. Мне не приходило в голову, что они тоже работающие люди. Казалось, у них просто есть занятие, доставляющее им удовольствие. Когда появляется желание, они просто садятся за умную машинку с клавишами-буквами и принимают творить. В удобном кресле, посреди залитого солнцем кабинета, из кухни доносится аромат свежесваренного кофе. Никаких поездок на работу и обратно. Никаких сидений с девяти до пяти. Никаких погонь сквозь

дождь и ветер за уходящим автобусом, который должен доставить вас к поезду. Вот это жизнь!

Мэт отвез меня в Ньюарк, посадил в самолет и помахал на прощанье. Я устроилась поудобней, достала бумаги, карандаш и приготовилась поработать. Среди пассажиров были, как обычно, самые разные представители американского общества: старые и молодые, явно преуспевающие и стремящиеся к успеху, искушенные путешественники и те, кто выглядит испуганным новичком. Через проход от меня сидела хорошо одетая дама лет пятидесяти и молодая девушка, явно ее дочь. Они держались так беспечно, что создавалось впечатление — это их первое путешествие на самолете. Они набрали с собой столько чтива, что хватило бы до Йоханнесбурга.

Вскоре самолет взлетел. И уже через несколько секунд мне стало плохо. Мы были еще над летным полем и только начинали подъем. Я почувствовала себя опустошенной и бесконечно уставшей. Голова каталась по спинке кресла в такт движению самолета. Карандаш упал — держать его не было сил. Я не могла шевельнуть рукой. Стюардесса остановилась рядом, заметив, что я не расстегнула ремень после взлета.

— С вами все в порядке? — она внимательно посмотрела на меня. Слава Богу, меня хоть не тошнило. Я решила, что ее беспокоит именно это, и постаралась успокоить. Потребовалось долгое время и нечеловеческое усилие, чтобы набраться сил и выдавить из себя «да». Это была славная девушка, хорошенькая брюнетка, и форма была ей очень к лицу. Она переходила от пассажира к пассажиру, предлагая прохладительные напитки, и несколько раз останавливалась возле меня. Две дамы по другую сторону прохода начали проявлять явный интерес к моей особе и даже не пытались его скрыть.

Я чувствовала себя настолько плохо, что, собрав остатки сознания, попыталась подготовиться к смерти. Вынести такое и остаться в живых невозможно, в этом я была уверена. Стюардесса принесла мне нашатырного спирта, он немного помог, и я хоть как-то смогла почувствовать голову на плечах.

Весь полет длился пятьдесят пять минут. Мы карабкались через облака, и, когда нора голова откатывалась в сторону окна, мне казалось, что мы летим над заснеженными горами и долинами. Через полчаса я уже не сомневалась, что ошиблась. Это были не снежные горы, но Жемчужные Врата³. Совсем такие, как я видела на рисунке.

Наконец рейс был закончен. Мы развернулись над аэропортом Сиракуз и мягко приземлились. У меня не хватало сил даже расстегнуть привязные ремни — руки совсем не слушались. Пришлось дожидаться помощи стюардессы, а это еще больше заинтриговало моих соседок. Стюардесса помогла мне встать, сама идти я не могла — ноги отказывались повиноваться. Дамы перешептывались, наблюдая за мной. Цепляясь за стюардессу, я с трудом поплелась к двери и поняла, что на меня с интересом смотрят другие пассажиры.

Меня встречал Бен Ди Янг, и когда он увидел, что меня по трапу почти тащит на себе крошечная стюардесса, бросился навстречу. Мы едва передвигались, задерживая тех, кто шел сзади. Они стояли небольшой группой и наблюдали, как стюардесса передает меня Бену. Он что-то спросил, она ответила, но ответ заглушил громкий голос элегантной дамы, с видом возмущенной добродетели обращавшейся к присутствующим:

— Нет ничего отвратительней пьяной женщины. Да еще с утра...

Часа через два я достаточно пришла в себя, чтобы оценить юмор ситуации. К началу встречи я чувствовала себя прекрасно, если, конечно, не считать обычного волнения.

Встав перед зрителями, я рассказала о том, что со мной случилось. О презрении и возмущении окружающих. Мой рассказ встретили весельем, но когда смех утих, я объяснила, что у меня был приступ атаксии (одного из видов церебрального паралича) и что непонимание, возмущение и презрение, проявленные по отношению

Врата Рая — *примеч. пер.*

ко мне — это то, с чем ежедневно сталкиваются больные церебральным параличом.

В комнате стало очень тихо. Смолк звон посуды и звук отодвигаемых стульев.

— Я расскажу вам о своей подруге, — продолжала я, окидывая взглядом сидящих передо мною. Да, конечно, они хотели услышать историю Френсис Гайден. Я рассказала о ее болезни, о непрерывной, двадцатитрехлетней борьбе я о том, как она сумела победить свои недостатки, которые для другого, не столь мужественного человека, казались бы непреодолимыми.

— Года два назад мы с Френсис решили вместе пообедать. — Я помолчала, глядя на сидящих передо мною людей. — В это время ее походка была еще заметно неустойчивой, как у меня в самолете. Мы зашли в один из ресторанов на Бродвее, в котором в тот момент пустовало больше половины столиков. Я заметила, что метрдотель очень внимательно посмотрел на нас. Выставив перед собой меню вместо щита, он подошел, пылая благородным негодованием по поводу нашего (как ему казалось) опьянения. «Все столы заказаны», — категорически объявил он. Я выразительно посмотрела на десятки пустых столов и приготовилась высказать ему все, что думаю. Но тут Френсис взяла меня за руку и умоляюще прошептала: «Ну, пожалуйста, не надо». С сожалением, я сдержалась. Мы повернулись и вышли.

Присутствующие потрясений смотрели на меня.

— Я была в таком состоянии гнева и возмущения, — продолжала я, — что мне стало нехорошо. Мы медленно пошли по улице. Пройдя полквартала, я остановилась прямо посреди тротуара. Кругом толкались и ворчали на нас прохожие, но я не могла сдвинуться с места. Ко мне внезапно, словно удар молнии, пришло осознание: вот что ждет мою Карен. Френсис молча шла рядом. Наверное, мое лицо пылало, когда я повернулась к ней, потому что она тихо сказала: «Ты не должна сердиться. Он же не знает о церебральном параличе. Ты не имеешь права обвинять его за это». Френсис замолчала, давая мне осо-

знать сказанное, взяла меня под руку, и мы пошли дальше. «Шесть лет назад ты ведь тоже ничего не знала о ДЦП», — продолжала она. Я не нашлась, что ответить. «Этот случай — лучшее доказательство необходимости нашей работы. Кроме обид и непонимания, с которыми так часто приходится сталкиваться, есть и еще одно, гораздо более важное обстоятельство. Ты говоришь, что самое главное — подготовка и образование больных церебральным параличом. Но ты ошибаешься. Главная цель — чтобы эти подготовленные и образованные люди могли занять свое законное место в обществе и на производстве». Я потрясенно молчала, пораженная ее правотой. Лицо Френсис было безмятежно. «У тебя впереди огромная работа, — продолжала она, — и просветительская деятельность — самая главная ее часть, чтобы Карен, и все другие Карен, и те Карен, которые еще не родились, завтра стали бы полноправными членами общества».

Мы с Джимми убеждены, что все аспекты развития ребенка должны рассматриваться одновременно: духовное, интеллектуальное, социальное, психическое и физическое.

Еще совсем маленькой, мы начали брать Карен с собой в церковь. Высокая спинка скамьи помогала ей удерживать сидячее положение. В воскресенье она была там, где все дети, после службы общалась с людьми, так что польза была не только духовная, но и физическая, психологическая и социальная. Поскольку Карен не могла посещать воскресную школу, к ней регулярно приходил отец О'Брайен.

Я хорошо помню его первый визит. Я усадила Карен в высоком стульчике поближе к дивану, вышла из комнаты и осторожно уселась на ступеньках лестницы послушать. Около получаса они оживленно беседовали, и тут я услышала вопрос Карен:

— Святой отец, почему ваша трубка все время гаснет?

— Наверно потому, что я о ней забываю.

— Даже и не знаю, — серьезно заявил мой ребенок, — стоит ли мне брать вас своим учителем. Что-то вы уж очень забывчивы.

Я чуть не свалилась с лестницы. И сказать ничего нельзя — не признаешься ведь, что подслушивала.

С облегчением я услышала веселый смех отца О'Брайена.

— Ты совершенно права, — сказал он, — но, может быть, дашь мне хоть испытательный срок?

Урок продолжался, и через час отец О'Брайен объявил:

— На сегодня достаточно. Я приду послезавтра. Я скажу твоей маме, что ты очень умная юная леди.

В этот момент я вошла в комнату и наградила Карен гордой материнской улыбкой.

— А можно мне задать вам один вопрос? — спросила она.

— Ну конечно.

— Скажите мне, святой отец, где находится моя душа? Священник на мгновение опешил, но быстро пришел

в себя и ответил:

— Об этом мы поговорим в среду, на следующем уроке.

За ужином я рассказала Джимми, Глории и Мари о теологических размышлениях Карен. Джимми проявил к этой истории меньше интереса, чем я ожидала. По правде говоря, я заметила, что и сама рассказываю без обычной живости.

— Что случилось, дорогой? — спросила я. — Ты плохо себя чувствуешь?

— Просто ужасно.

— Знаешь, я тоже. Мне то жарко, то холодно.

— Вы оба выглядите ужасно, — заметила Гло. — Идите наверх, мы с Мари здесь все уберем.

Джимми обошел вокруг стола и взял меня за руку.

— Ого! — Я внимательно посмотрела на него. — Да у тебя температура, рука просто горит.

Поддерживая друг друга, мы поплелись вверх по лестнице, двое сравнительно молодых людей, тридцати с не-

большим лет, выглядевшие так, словно к ним неожиданно пришла старость и застала их врасплох,

Прежде чем мы могли лечь в постель и приняться спокойно болеть, надо было приготовить к отправке в шесть утра двести восемьдесят писем. Я села за машинку, клавиши качались и расплывались перед глазами, меня то прошибал пот, то пробирал озноб. Джимми подписывал, сворачивал и запечатывал написанное мною. Мы кончили где-то в половине второго. Он жевал сульфаниламид, как мятные конфеты, и, когда работа была сделана, свалился, как оказалось, с тяжелым гриппом.

Для меня было бы самоубийством выходить на улицу, но все эти письма надо было как-то доставить на почту. Что же делать? У меня не хватало духу вытащить из постели кого-то из наших многострадальных друзей. Возможно, из-за высокой температуры мне неожиданно пришла в голову простая, но блестящая мысль. Я же налогоплательщик? Несомненно. Разве фигуры в синих плащах, патрулирующие улицы, не должны помогать нам, а не только защищать? Должны. Их же так много. Всегда вежливые, любезные. Именно так. Неужели их не обрадует возможность оказать услугу больным церебральным параличом? Еще как обрадует. Ободренная собственными размышлениями, я осторожно добралась до телефона. Пол раскачивался и уходил из-под ног. С трудом набрала номер. Голова раскалывалась от боли.

— Сержант Берк слушает.

— Сержант, у меня трудности, нужна ваша помощь, — и я объяснила свою печальную ситуацию.

Голос у меня, видимо, был хорош.

— Не волнуйтесь, — ответил он. — У всех ребят в машинах есть радио. Я сейчас им сообщу, и ближайшая машина заедет отвезет ваши письма на почту.

— Это было бы замечательно, — слабеющим голосом пробормотала я. — Не знаю, как вас и благодарить.

— Да что вы! Как же не помочь детишкам? Оставьте письма у дверей, примите пару таблеток аспирина и спокойно ложитесь спать. Я все сделаю.

— Господь вас наградит, — неуверенно пообещала я и повесила трубку.

После первых же занятий со священником Карен принялась обучать Рори. Уроки эти обычно проводились вечером, а постели. Мы с Джимми, Глория и Мари садились в коридоре у дверей детской и слушали, держа наготове носовые платки, чтобы заглушить неизбежные приступы смеха.

Она начала с рассказа о Рае.

— В Раю так красиво, ты даже не представляешь, — начала она громким шепотом. — Туда попадают только очень-очень хорошие люди. В Раю никто не устает, не болеет, не скучает. Когда ты попадешь в Рай, Бог даст тебе все, что ты хочешь. Там никто не плачет и нет инвалидов.

Рори не обратил внимания на два последние утверждения, но предыдущее его крайне заинтересовало.

— И моложеное даст?

— Если захочешь.

— Лоли очень-очень холосый.

— А плохие люди попадают в Ад. В Аду все скучные, унылые, и там жарко...

— Гольчо?

— Горячее мамино утюга. Конечно, в Рай нельзя попасть, пока не умрешь.

И тут мы с изумлением услышали ее размышления.

— Вот интересно, кто умрет раньше: папа или мама?

Мари едва не задушила себя платком.

Во время этих вечерних семинаров Карен объяснила Рори, что он — дитя Божье. Бог просто на время дает ребенка родителям, до тех пор пока ему не пришло время возвращаться домой, в Рай. Это утверждение, часто повторявшееся в течение целого года, видимо, произвело на него заметное впечатление, потому что вскоре он стал рассказывать, что его принес ангел. Поскольку Рай был Идеальным Домом и он пришел к нам оттуда, когда его заставляли делать то, чего он не хотел, Рори заявлял:

— В Раю меня это делать не заставляли.

Или, если что-то запрещали:

— Вот когда я жил в Раю, Бог мне это разрешал.

Карен изучала десять заповедей, и слово «прелюбодеяние» было истолковано ею как «неприличие», «нескромность». Как-то в воскресенье, в конце апреля, я услышала, что они с Рори отчаянно вопят во дворе, и бросилась к дверям узнать, с кем из них случилось несчастье. Когда я выскочила во двор, Карен закричала:

— Рори прелюбодействует! Я сказала, чтобы он перестал, а он не слушается. Он снял штаны.

Много недель, как только на столе появлялось яблоко, мы выслушивали историю об Адаме и Еве.

— А ты помнишь, — в отчаянии сказала я, — что Ева была создана из ребра Адама?

Единственное, чего я добилась — после этого мне пришлось долгое время слушать историю Адама и Евы и каждый раз во время купания.

— Карен, ты хорошо понимаешь, что такое смертный грех? — спросила я Карен накануне первого причастия.

— Конечно. И самоубийство тоже смертный грех, если только у тебя не все в порядке с головой.

После первой исповеди священник принес ее из исповедальни и поставил у ограды алтаря. Когда он ушел, я спросила:

— Ну, какое же у тебя покаяние? Давай помогу.

— Это, — объявил мой ребенок, — останется между Богом и мной.

Теперь, когда рядом была Бернзи, нам не нужно было так часто ездить на юг. У нее был удивительный талант помогать, ободрять и мать, и ребенка, заставляя обоих выкладываться полностью, до конца. Ни один священник не имел большего призвания к исцелению души, чем эта девушка — к исцелению тел. Человек огромной доброты и веры, она не сомневалась в ценности и достоинстве всех людей, созданных по образу и подобию Божьему. Она любила этих больных детей и посвятила свою жизнь тому, чтобы излечить их телесные болезни, а следовательно, болезни духа и ума тоже.

Я видела, как Бернзи обращается с сотнями больных ребят; видела, как она добивается успеха там, где отказались другие; видела, как она зажигала огонь там, где, казалось, остался лишь пепел; я видела обращенные к ней детские мордашки, полные любви и понимания.

Бернзи всегда интересовал ребенок «целиком», она беседовала с Карен о ее друзьях, играх, занятиях со священником. Однажды Карен гордо объявила ей:

— Отец О'Брайен говорит, что я готова к первому причастию.

Бернзи наклонилась, поцеловала ее и сказала:

— Я горжусь тобой и надеюсь, ты пригласишь меня на это торжественное событие.

— Конечно, вы будете там, — ответила Карен, — потому что я хочу, чтобы именно вы помогли мне дойти до алтаря.

У Бернзи на глаза навернулись слезы.

— Это для меня большая честь, — шепотом сказала она. Утро одиннадцатого мая 1947 года было теплым и солнечным. Служба должна была начаться в восемь утра. Вся семья встала рано, и, собираясь в церковь, мы с Джимми обратили внимание на необычную тишину и отсутствие суматохи. Даже Рори словно понял, что сегодня особый день, и вел себя сообразно этому. Джон, понимая важность события для всех членов семьи, разрешил Мари встать на несколько часов, чтобы она тоже могла присутствовать на мессе.

Когда была расправлена последняя морщинка на поясе Карен, наведен блеск на ее туфельки и корсет, Гло и Мари поддержали ее, а я отступила посмотреть, что же у нас в итоге получилось. Она была сама невинность и очарование, в белом платье из тончайшего органди, отделанном кружевами. Ее чудесные волосы, заплетенные в косы, блестели сквозь прозрачную белую вуаль, мягкими складками опадавшую до пояса. В глазах светилась радость, какой я никогда раньше не видела.

— Она похожа на ангела, — тихо сказал Джимми. Он поднял ее и отнес в машину.

Бернзи ждала нас в церкви, и мы пятеро пошли следом за Джимми, который понес Карен к первой скамье слева, перед алтарем Божьей Матери. Тридцать пять одетых в белое малышей заняли свои места на соседних скамьях и ждали начала службы.

Зазвонил колокольчик. Мы встали. Священник подошел и алтарь, посмотрел на собравшихся и начал:

— Приступая к алтарю Господню...

— Господа, дающего радость моей юности, — подхватил хор.

— Помощь наша от Господа, сотворившего небо и землю.

Высокая фигура священника в развевающихся одеждах склонилась в поклоне.

— Признаюсь Всемогущему Господу и вам, братья, что грешен, — он выпрямился и медленно поднялся по ступеням к алтарю.

Торжественная месса продолжалась.

— Господи, помилуй!

В центре алтаря священник произносил слова молитвы, хор подхватывал, и к самому куполу взмывали радостные голоса.

— Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение. Тебе поем, Тебя благославим, Тебя благодарим, Господи, и молимся...

Священник открыл Евангелие, и мы, стоя, слушали слово Божье:

— Истинно говорю вам, если попросите Отца Моего именем Моим, Он даст вам, что попросите.

Еще раз поклонившись, священник вместе с хором и всеми собравшимися провозгласил:

— Верую во единого Бога Отца, Вседержителя...

Началась вторая часть службы: благоговейное приготовление к непостижимому Таинству — сошествию Творца земли и неба на алтарь и пресуществлению хлеба и вина в истинное тело и кровь Христову. И снова воздух огласился сверкающим звоном колокольчиков, провозглашая, что Он готов коснуться наших уст.

— Недостоин есмь, Господи...

Джимми вынес Карен в проход, Бернзи встала у нее за спиной, поддерживая под локти. Медленно, с трудом Карен двигалась вперед. Ей потребовалось несколько минут, чтобы добраться до алтаря. Бернзи подняла ее на ступеньки.

Карен сложила руки и медленно подняла лицо. Мы смотрели, как подошел священник, как раскрылись ее губы, принимая Святое Причастие. Бернзи подождала несколько мгновений, снова поставила Карен в проход, и они все так же медленно пустились в обратный путь к скамье. Джимми держал меня за руку. Карен подошла к нам побледневшая, с закрытыми глазами. На лице ее было выражение восторга, недоступного смертным.

Она была наедине с Богом.

ГЛАВА 18

В июне наступил еще один день, наполнивший нас счастьем и гордостью. Глория окончила школу. Подготовка к этому знаменательному событию действовала на Мари лучше всякого лекарства. Она была в том возрасте, когда одежда начинает играть важную роль в жизни девочки, и все примерки проводились у ее кровати. Карен радовалась не меньше Мари.

В день выпускного бала Глория выглядела обворожительно. Ее платье из белого тюля было шедевром изящества и женственности. Блестящие локоны собраны на затылке. Глаза сверкали, на щеках играл румянец. К поясу приколоты алые розы, на руках кружевные перчатки, которые я надевала в день своей свадьбы.

Я взяла ее за руку и подвела к Джимми. Он восхищенно посмотрел на нее, склонился в низком поклоне и торжественно произнес:

— Ваш покорный слуга, сударыня, вы неотразимо прекрасны.

Глория покраснела от удовольствия, сделала реверанс, повернулась и величественно выплыла из комнаты.

— Ну что, гордишься нашей дочерью? — улыбнулся он.

— Ты ничуть не меньше, — ответила я.

— Знаешь, даже если бы Глория была некрасивой, ее все равно считали бы очаровательной — она держится как королева.

— Я теперь деловая женщина, — объявила Глория всего через два дня после выпускного вечера.

— Боже милосердный, — простонал Джимми.

— Тихо, — шикнула я на него и повернулась к Глории. — Что ты хочешь сказать?

— Я поступила секретарем в адвокатскую контору Барбера и МакКулафа. Начинаю работать в понедельник. Здорово, правда?

— Лучше хозяев и не придумаешь, — согласился Джимми, все еще слегка ошеломленно.

Френк МакКулаф был нашим старым другом. Именно он занимался всеми юридическими сложностями, помогал создавать нашу организацию и клинику. И делал это тоже, как он говорил, просто «ради детишек».

— Детка, — сказал Джимми, — мне кажется, тебе бы надо сначала отдохнуть недельку-другую. Ты последний год очень много работала и в школе, и с Мари, да еще занималась ДЦП.

— Я и так слишком долго была обузой, — заявила Глория с необычной для нее категоричностью. — К тому же я могу разлентиться. Во всяком случае, все уже решено. Я сказала мистеру МакКулафу, что с понедельника выхожу на работу.

У Джимми странно заблестели глаза.

— Что ты будешь делать? — спросила я.

— Вот это-то самое замечательное, — ответила Глория, — я смогу заниматься всем. Ну, конечно, не сразу. В конторе есть очень симпатичная женщина, и я буду ей помогать. Она сказала, что я быстро всему научусь. Ее зовут миссис Фостер, она очень красивая и милая. Она вам понравится.

— А что ты будешь делать сначала? — Джимми слегка подчеркнул последнее слово.

— Сначала буду учиться подшивать бумаги, — продолжала Глория, не обращая внимание на его интонацию, — и сразу начну стенографировать. Как хорошо, что мне пришлось заниматься этим в ассоциации ДЦП. Мне кажется, мой опыт произвел на них впечатление, — засмеялась она.

— Вот и прекрасно, — сказала я, радуясь, что время, проведенное в нашей конторе, принесло ей хоть какую-то пользу.

— И еще я буду работать с разными юридическими документами — долговые обязательства, договоры, акты, закладные... — Она умолкла.

Перед ее мысленным взором вставало видение: «Настоящий договор от... года заключен между...»

Как только мы слишком глубоко погружались в собственное счастье, провидение немедленно возвращало нас на грешную землю. Несколькими днями позже я получила письмо от отца двадцатилетнего молодого человека, больного церебральным параличом:

«Я молюсь и надеюсь, что все ваши планы и проекты о больных ДЦП осуществляются. Когда-то я тоже строил планы. Рядом со мной мальчик, гордый, веселый, жизнерадостный, постепенно превратился в двадцатилетнего мужчину, чья гордость стала горечью и ненавистью, чье достоинство превратилось в рабскую покорность любому, кто принесет ему стакан воды, накормит, отодвинет его кресло от сквозняка.

Не теряйте веру, и пусть ваша мечта станет явью, и мы, те, кто помогает больным церебральным параличом, познаем любовь Господа, которая приходит лишь к тем, кто любит Его творения и служит им».

Обычно я люблю жару и легко ее переношу, но в то лето все было по-другому. Приходилось по несколько раз в день обтирать губкой Мари. По крайней мере два раза в день снимать и снова надевать корсет Карен (каждая процедура — двадцать минут), чтобы выкупать ее. И, конечно, каждый раз, когда я купала ее, Рори приходилось купать тоже.

Это лето было трудным для Мари не только из-за жары, но и потому, что раньше с июня по сентябрь она ежедневно проводила несколько часов на пляже. Карен и Рори тоже приходилось сидеть дома, поскольку я не могла оставить ее одну и отправиться с ними на пляж или куда-нибудь еще, Джимми старался как-то помочь и ходил с маленькими купаться вечером, после работы.

От жары все вокруг как-то странно менялось. Ступеньки становились выше, подносы с едой — тяжелее. Карен и Рори тоже прибавили в весе и довели мой собственный до малопривлекательных ста фунтов. Рори вступил в возраст Исследований, и я почти постоянно чувствовала себя, как самолет-истребитель с двумя искрящимися двигателями. Требовались титанические усилия, чтобы водрузить Карен

на стол для физиотерапии, а когда упражнения и массаж были закончены и корсет надет, приходилось осторожно спускать Карен со стола — снять ее уже не было сил.

Джимми мучился, переживая за меня, Мари и Карен и пытаясь как-то заработать. Наши счета за медицинское обслуживание начали напоминать национальный долг (сумма устрашающая даже в 1947 году). Джимми получил прекрасную должность у себя в фирме, с соответствующей зарплатой и ответственностью, и при нормальных условиях наш доход был бы более чем достаточен. Но в наших условиях мы едва сводили концы с концами. Расходы на лечение Карен доходили до двух тысяч трехсот долларов в год (она полтора года принимала лекарства, обходившиеся нам по доллару в день), а тут еще болезнь Мари...

Однажды июльским вечером Джимми вернулся домой и объявил, что по вечерам и в выходные дни он будет еще работать в фирме, занимающейся медицинским оборудованием. Я категорически возражала, но он не стал даже слушать и на следующей неделе начал свою новую работу. Девочки стали вместо него заниматься вечером с Карен физиотерапией, и мы почти не видели друг друга.

Утром Джимми уезжал в Нью-Йорк в половине восьмого. Возвращаясь в шесть тридцать, быстро ел и уходил в семь пятнадцать. Он редко возвращался раньше одиннадцати или одиннадцати тридцати, но и вернувшись, продолжал заниматься делами. И, конечно, встать после этого утром было не так-то просто.

Час за часом, день за днем, месяц за месяцем — наши руки делают упражнения на столе, направленные на то, чтобы научить мозг Карен посылать приказы мышцам. Когда связь установится, упражнения из пассивных превратятся в активные.

Каждый раз, закончив упражнения, мы говорили:

— Ну хорошо, Воробышек, а теперь давай сама.

Двадцать третье августа было таким знойным, что навело на мысль о чистилище. Если и там так жарко,

надо быть поосторожней, чтобы не попасть туда. К тому времени, когда я сняла с Карен корсет и водрузила ее на стол, пот лился с меня ручьями.

— Ох, мамочка, мне так жарко.

Волосы у нее слиплись от пота, на верхней губе он выступил крупными каплями.

— Нам нельзя хоть разочек пропустить занятие? Сегодня так жарко...

Голосок был жалобный, почти умоляющий.

— Просто кошмар, — подтвердила я. — Даже не помню такого жаркого дня.

Я убрала у нее со лба влажные волосы.

— Знаешь что, давай-ка я сначала оботру тебя губкой, прямо тут, на столе, а потом уже поговорим.

— Хорошо.

Я вымыла ее губкой с ног до головы и обтерла своим драгоценным «Шарбе», ежегодным рождественским подарком нашего любимого Джима Мейгана.

— Это что, туалетная вода, которую подарил Джим? — спросила Карен.

— Да — для моей девочки ничего не жалко.

— Я по нему соскучилась, так давно не видела (всего пять дней). Он мой самый лучший поклонник.

— А как же папа?

— Ну это же совсем другое дело.

— Если нам жарко здесь, за городом, представь, как жарко папе там, на работе. Но когда человек трудится ради чего-то важного, например, ради своей семьи, он готов перенести не только жару. — Я присела рядом с ней на стол и закурила сигарету.

— Конечно, твои занятия тоже очень важная работа. Я думаю, кода папа вернется домой, он скажет: «Мари, мы с Карен самые большие труженики в семье. Думаю, нам с ней надо сходить искупаться. Надеюсь, остальные не будут возражать?» И я отвечу: «Ну конечно, не возражаем. Вы оба давно это заслужили. Можете даже устроить себе пикник». Но я же не смогу так сказать, если ты не будешь работать.

— Пикник — это хорошо, — вздохнула она, — ну ладно, давай начнем.

Мы делали упражнения для спины, шеи, щиколоток, пальцев и по пять разных упражнений для ног. Ее любимое я всегда оставляла на самый конец. Мы по пятьдесят раз повторяли это упражнение на попеременное движение. Я сначала придвигала одну ногу к попке, а потом, выпрямляя ее, другую. Через час и пять минут мы, наконец, закончили эти занятия.

Я рухнула в кресло и произнесла обычное:

— Ну а теперь, зайчик, попробуй сама.

Без особого интереса я смотрела на ее ноги.

И тут произошло чудо.

Медленно-медленно левое колено начало сгибаться, а пятка заскользила назад.

Я сидела, боясь шелохнуться. Так, медленно, нога прошла целых три дюйма и начала движение обратно. Я застыла. Это действительно чудо, а не какой-нибудь пустяк. Пока левая нога шла вниз, правая начала двигаться вверх, настоящее попеременное движение. Закончив весь цикл, Карен радостно закричала:

— Получилось! Мамочка, получилось! Сама сделала!

— Я видела, видела! — закричала я в ответ. — И сама! Не верю, просто не верю!

Я схватила ее и прижала к сердцу. К моему счастью примешивалась толика испуга. Не думаю, чтобы моя мысль была святотатственной: я немного чувствовала себя Богом.

Было слишком жарко, чтобы долго сидеть обнявшись, Я вынесла ее на лужайку за домом, и мы улеглись в тени сосны. Растянувшись на траве, я жевала хвоинку.

— Мне кажется, что если хорошенько постараюсь, я смогу сделать что угодно, — с радостью и удивлением произнесла Карен.

— С Божьей помощью, — поправила я. — Давай поблагодарим Его.

Лежа рядышком и глядя в голубое небо, просвечивающее сквозь ветви, мы вместе сказали:

— Благодарим тебя, Господи, за все.

Вечером того же дня, все еще пребывая в некотором трансе, я столкнулась с одной из сложнейших ситуаций, в которых оказываются родители детей-инвалидов. Зная, что это неизбежно, я какое-то время готовила к ней и себя и Карен. Было все еще невыносимо жарко, она помогала мне на кухне. Я пыталась соорудить к ужину какой-нибудь салат поаппетитней, а Карен ломала веточки сельдерея, чтобы я могла их мелко покрошить, и весело напевала. Вдруг она остановилась посреди такта, внимательно посмотрела на меня и спросила:

— Мапочка, а почему Бог сделал меня инвалидом?

«Ну вот, случилось, — подумала я, — а я так ещё и не готова».

Я быстро прочитала молитву, прося помощи и совета. Мне было ясно, как много зависит от моего ответа. Вытерев руки, я села рядом с Карен.

— Знаешь, Карен, мне кажется, это потому, что Бог любит тебя больше, чем других, — медленно заговорила я. — Он не выбрал Глорию, Мари или Рори, чтобы они заболели ДЦП. Он выбрал тебя. Ты уже немало страдала и будешь страдать еще больше. Не только твое тело, но и ум, и сердце. Только особые люди умеют переносить страдания.

Я подвинулась к ней поближе.

— Как ты думаешь, кого Бог любил больше всего на свете?

Она подумала.

— Наверное, свою маму.

— Ты права, дорогая. Больше всего Он любил свою Мать и все же допустил, чтобы она страдала больше других. Страдания, девочка моя, знак особой любви Господа. Вот поэтому-то ты инвалид, а мы нет. Он просто любит тебя больше, вот и все.

— Это трудно, но ничего, теперь я знаю, что мне повезло.

ГЛАВА 19

Наконец наступил День Труда⁴, возвещая, что кончилось лето и начинается осень. Как-то днем к нам приехал Джон и после тщательного осмотра объявил, что Мари может каждый день ненадолго вставать. Дни стали прохладнее, и вставать по утрам снова было не так тяжело.

В начале ноября Мари чувствовала себя достаточно хорошо и могла остаться с Джонсонами, Рут и Фендлер взяли Рори, и мы снова отправились в паломничество на юг. К этому времени наши путешествия превратились для Карен в светское событие. Носильщики, кондукторы, проводники, рассыльные, официанты — все были рады видеть ее и являлись к ней с визитами.

В августе Карен исполнилось семь лет, и три с половиной года она неустанно, день за днем стремилась к своей цели: научиться самостоятельно ходить. Каждый раз, отправляясь к доктору Б., мы спрашивали себя: «Уже?»

Этот вопрос, как обычно, больше всего занимал нас, когда мы встретились с ним на следующий день. Мы сообщили об успехах в удерживании равновесия сидя, работе на брусках, на лыжах, победе над попеременным движением, о достижениях в самостоятельном кормлении, умывании и одевании.

Закончив осмотр Карен и ее корсета, он посадил ее на колени и сказал:

— Вам придется на денек задержаться. Она так выросла, что корсет надо обязательно переделать.

Мы только вздохнули при мысли о дополнительных расходах.

— Мы на всякий случай договорились насчет Рори и Мари, — сказал Джимми. — А что вы думаете о Карен?

¹ Празднуется в первый понедельник сентября,

— Должен сказать, что она одна из лучших моих пациенток. Этот ребенок творит чудеса. Я думаю, что такой прогресс достигнут благодаря прежде всего ей самой. Ее сообразительность, смелость, решительность — вот что помогло ей так быстро достичь сегодняшнего уровня.

— Знаешь, котенок, ты обгоняешь все графики, — улыбнулся он Карен. — Ты уже готова к костылям.

Прежде чем мы отправились домой, с нее сняли мерки.

Каждое утро, завидев почтовый фургон, я хватала Карен и бежала к дверям. Сколько же нужно времени, чтобы сделать пару костылей? Так прошла неделя, за ней другая. Мы умирали от нетерпения, потому что доктор Б. предупредил: еще месяц или два Карен не должна даже пытаться ходить на них, только учиться сохранять равновесие.

— Только через два месяца она научится делать несколько шагов, — сказал он.

Все это время, ожидая прибытия костылей, мы не могли больше ни о чем говорить.

— Я смогу отойти от брусьев? И пойти куда захочу? — снова и снова спрашивала Карен.

— Ну конечно, — подтверждала я. — Ты будешь свободна, как птичка. Но ты помнишь, что сказал доктор — это случится не сразу, может быть, даже через несколько месяцев.

— Вот увидишь, я научусь гораздо быстрее, — заверила меня Карен.

Это случилось семнадцатого ноября 1947 года. День Выдался мрачный, словно потерянные души всех времен, выл ветер. Я поставила Карен между брусьями в гостиной, поближе к зажженному камину, и включила музыку.

— Пойду приму ванну и переоденусь. Если кто-то Постучит в дверь, крикни.

Я оставила весело раскачивающуюся Карен и свернувшегося у ее ног Шенти.

Намазав лицо кремом, я с наслаждением вытянулась в горячей ванне, которая, как я надеялась, сделает меня красивее и моложе.

«Полежу двадцать минут, не меньше», — поклялась я и глубже погрузилась в воду.

Но не прошло и пяти минут, как раздался голосок Карен.

— Там кто-то пришел.

Мысленно чертыхаясь, я поспешно выкарабкалась из ванны, кое-как вытерлась и натянула халат.

— Иду! — завопила я, надеясь, что мой голос услышит стоящий за дверью. Оставляя мокрые следы, я прошлепала к дверям, приоткрыла их и высунула голову.

— Вам посылка, миссис Киллили.

Я открыла дверь, и рассыльный внес длинную картонную коробку. Шенти рванулся в открытую дверь.

— Карен, это они!

Захлопнув дверь, я принялась срывать обертку с коробки. Они были так тщательно упакованы, что могли бы без всякого ущерба для себя добираться собачьей упряжкой с Юкона. Я бросила посылку на диван и стала искать ножницы. Нашлись они не сразу, но через несколько минут я положила коробку на пол у ног Карен и с замирающим сердцем сняла крышку. Карен смотрела, как замороженная.

Там, ослепительно прекрасные, лежали наши костыли.

— Какое красивое дерево, правда? — тихо спросила она.

Я взяла ее и посадила на диван. Дрожащими руками достала из коробки костыли. Дерево или крылья?

Это не были обычные костыли, упирающиеся в подмышки. Они были короче, как раз до локтя, с широкими кожаными манжетами для рук. Чтобы пользоваться ими, нужно большую часть веса перенести на ноги, и от этого не развиваются чрезмерно мышцы плеч и бицепсы.

Я помогла Карен поудобнее взяться за костыли.

— Теперь посиди, попривыкай к ним.

— Я хочу встать, — объявила она через минуту, — доктор Б. сказал, что мне нужно тренировать равновесие.

— Ну хорошо, давай.

Я поставила ее на ноги. Сначала Карен стояла покачиваясь, но уже через несколько минут приспособилась удерживать равновесие. Мы отдохнули и снова взялись за костыли, и снова, и снова. Нас всегда предупреждали, что нельзя переутомляться, поэтому после пятой попытки я сказала:

— Смотри, устанешь. Ты сегодня замечательно потрудились и, когда папа вернется с работы, захочешь ему показать, чему научилась. А если ты слишком устанешь, может плохо получиться. Как я тобой горжусь!

Я сняла костыли и прислонила их к дивану рядом с Карен. Меня трясло, то ли от холода, то ли от возбуждения. Нужно было немедленно хорошенько растереться и надеть теплый свитер. Карен сидела неподвижно, с пылающими щеками и сияющими глазами.

— Я скоро вернусь, — пообещала я, выходя из комнаты.

Еще полуодетая, я выглянула в гостиную. У меня замерло сердце. Карен на диване не было. Надев костыли, она шла ко мне. Один дрожащий шаг, другой, третий... Я поняла, что считаю вслух.

— Пять, шесть...

Боже мой, она же может упасть и разбиться. Но если я подойду, то могу ее испугать.

— Семь, восемь, девять, десять... Я перестала дышать.

Ее напряженное, сосредоточенное лицо побелело как мел.

— Одиннадцать, двенадцать...

На лбу и верхней губе у нее выступили капельки пота.

— Тринадцать, четырнадцать...

Она покачнулась, но устояла. Костыль снова медленно пошел вперед, за ним нога, потом другая.

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

Не знаю, как далеко она могла бы уйти, но я больше не выдержала. Неторопливо направилась к ней. Спокойно, очень спокойно подошла.

Она стояла и внимательно смотрела на меня, возможно, пытаясь заметить признаки испуга и неуверенности. Я улыбнулась и схватила ее в объятия вместе с костылями. И тут не выдержала. Я плакала и никак не могла остановиться. Откинувшись назад, Карен посмотрела мне в глаза.

— Это как с пуговицами, — сказала она. — Ты так рада, что плачешь от радости.

— Еще лучше, чем с пуговицами, — всхлипнула я, целуя ее глаза, щеки, нос, подбородок и оставляя на них следы своих слез.

— Ты меня видела, видела? — ее голос поднялся и задрожал, когда до нее дошло все значение случившегося.

— Мамочка, я могу ходить, я могу сама ходить.

На следующий день Мари едва дождалась окончания уроков. Она ходила из дома в дом и сообщала всем детям:

— Приходите к нам в половине четвертого, для вас есть большой сюрприз. Только собак сегодня не берите, — предупреждала она, направляясь к следующему дому.

Накануне вечером я позвонила Кей Джонс, и она расплакалась, как ребенок. Прежде чем привести к нам своих детей, она села и серьезно поговорила с ними:

— Для вас костыли, может быть, и знак несчастья, но для Карен это решение многих проблем.

Мы с Карен все тщательно продумали и приготовили. В три тридцать она сидела на диване, сама беззаботность, только глаза блестели от с трудом сдерживаемого возбуждения. Костыли стояли рядом с ней, прикрытые кукольным одеяльцем. Когда собрались все четырнадцать приглашенных ребяташек и Мари навела относительную тишину, она вышла на середину комнаты. С безошибочным чувством времени она дождалась момента, когда шум голосов начал стихать, и тогда произнесла:

— Карен хочет вам что-то показать, ни за что не догадаетесь, что именно!

Кей бросила на свой выводок многозначительный взгляд, чтобы, не дай Бог, не испортили весь эффект.

Мари отошла в сторону и широким жестом показала на одеяло.

К этому времени Карен была уже в таком волнении, что ноги у нее торчали вперед, точно палки, и назад она не падала только потому, что перегнулась пополам от восторга. Взмахнув рукой, она сорвала кукольное одеяльце.

— О-о-о! — дружно выдохнули изумленные малыши. Они подбежали и окружили ее.

— Какие красивые!

— Можно, я попробую?

— И я!

— И я!

Всеобщий гомон наполнил комнату, Карен улыбалась, хихикала и пыталась обхватить себя руками, с трудом сдерживая ликование.

— Успокойтесь, успокойтесь! — хором закричали Кей, Мари и я.

Когда всеобщий хаос был низведен до простого беспорядка, я объявила:

— Вы все сможете по очереди попробовать, но у нас есть еще один сюрприз.

Карен, как часто в минуты сильного волнения, прижала руки ко рту.

— Ты готова?

— Да! — воскликнула она.

Мари подала ей костыли, и дети застыли на месте, пока она просовывала руки в манжеты и устраивала поудобнее. Предчувствуя реакцию окружающих, она переводила взгляд с одного на другого. Она сдвинулась на край дивана, поставила костыли на фут впереди себя, наклонилась вперед и медленно выпрямилась. Когда она сделала шаг вперед, раздалось еще одно долгое, выразительное «о-о-о!». Потом еще шаг, и еще, и еще. Мари шла рядом с гордо поднятой головой. Рори, должно быть, вылез из кровати, потому, что в этот момент он ворвался в гостиную с криком:

— Каен ходит, Каен ходит!

Его появление вывело остальных из транса, и, едва Мари успела подхватить Карен, все налетели на них.

Мари осталась в комнате за старшую, а мы с Кей отправились на кухню готовить угощение. Апельсиновый сок в высоких стаканах для коктейля, канапе с арахисовым маслом и желе. Мы отмечали радостное событие.

В эти дни просыпаться по утрам было просто замечательно. Мы с Карен почти каждый день тренировались с костылями, и успехи были очень быстрые. Все мои мысли были заняты только этим. Разумеется, она с самого начала должна была учиться правильно ходить с костылями, используя попеременное движение, которому так долго училась.

Бернзи привязала розовую ленточку на левый костыль и правую туфельку, и голубую — на правый костыль и левую туфельку, чтобы помочь Карен выработать навык попеременного движения рукой и ногой.

Много дней подряд посуда после завтрака складывалась в раковину, кровати оставались неубранными, и, как только Мари уходила в школу, мы с Рори и Карен доставали костыли и принимались за дело. Я приседала на корточки футак в трех перед Карен. Рори внимательно изучал мою позу, потом с большим трудом опускался, поднимался и вертел попкой до тех пор, пока его поза не начинала напоминать мою. Это оказывалось нелегко: Рори был такой толстенький, что нередко терял равновесие, падал, кричал от обиды и возмущался и снова принимался за свое. Карен, глядя на него, хохотала так, что ее приходилось сажать на стул, чтобы она тоже не упала. Наконец мы все успокаивались, и я начинала:

— Голубой костыль, голубая нога — розовый костыль, розовая нога — голубой костыль, голубая нога.

Ко мне присоединялся Рори:

— Гоубой костый, гоубая нога... Иногда он добавлял:

— Каен холосая. Мама, Каен ходит.

Со временем мы выработали в себе достаточное чувство самодисциплины и уже научились не обращать на него внимания.

— Голубой костыль, голубая нога, розовый костыль, розовая нога.

Десять, двадцать, тридцать, сто раз в день. Думаете, это утомительно? Да ничуть.

Однажды, к концу третьей недели нашего вновь обретенного счастья, Карен остановилась отдохнуть и спросила:

— Мамочка, а ты что, больше не будешь заниматься делами ассоциации церебрального паралича?

— Конечно, буду, — машинально ответила я.

— А когда? — настаивала она.

Этот вопрос вернул меня на землю и заставил задуматься. Я была так захвачена нашей радостью, что все три недели даже не вспоминала о страданиях других. Теперь я почувствовала угрызения совести.

В тот вечер, когда Джимми закончил свои дела, я сказала ему:

— Почему ты позволил мне так долго пробыть в этом полусне?

— Я считал, что тебе это будет полезно, — ответил он.

— Мне не хотелось разрушать чары. Я был уверен, что все и так очень быстро кончится. Но, по правде говоря, мне и в голову не приходило, что это сделает твоя дочь.

В пятницу я возобновила свою общественную деятельность и отправилась в Нью-Йорк. День был обманчиво теплый. Чтобы утром выехать пораньше, я накануне вечером постаралась переделать как можно больше домашних дел. С утра и до вечера у меня было назначено несколько встреч, одна за другой. Мама жила в Нью-Йорке в районе Тридцатых улиц, и я собиралась с ней поужинать.

Становилось все более очевидно, что, если мы хотим помочь всем больным церебральным параличом, необходимо создать общенациональную ассоциацию. Для этого надо было, кроме всего прочего, изучить деятельность

других национальных организаций, занимающихся здравоохранением. Некоторые из них существовали более двадцати лет, и для такого изучения требовалась огромная работа. Приходилось заниматься раскопками. Чтобы раскопать факты, надо было сначала раскопать умеющих раскапывать эти факты. Это, как нередко случается, означало, что мне пришлось встретиться со множеством людей, пока я нашла то, что нам нужно.

Суммы дорожных расходов росли, плата за няню тоже. Пришлось приобрести малоприятное знакомство с подземкой, автобусами и наилучшими пешеходными маршрутами, а также близко познакомиться с секретаршами и обстановкой множества учреждений и наиболее часто встречающейся там литературой. У меня выработалась стойкая неприязнь к «современным*» креслам и диванам. При попытке устроиться поудобнее с них немедленно начинаешь сползать, а если хочешь скоротать время за сигаретой, приходится заниматься акробатическими упражнениями: сначала с усилием выпрямиться, потом согнуться пополам, чтобы дотянуться до «современного» низкого столика с пепельницей. Раньше пепельницу можно было поставить на подлокотник, но эти кресла, подобно Венере Милосской, считаются вдвойне привлекательнее из-за отсутствия такой прозаической детали, как ручки.

К концу дня, проведенного в путешествиях из одного конца города в другой, в спешке с одной встречи на другую, в ожидании нужного человека от пятнадцати минут до трех часов, я нередко просто валялась с ног. У меня развилась способность предчувствовать эти последствия и время от времени, вместо того чтобы сразу спешить домой, я отправлялась к маме за поддержкой, утешением и ужином.

В этот день я появилась у нее в шесть часов, измученная душой и телом. День оказался неудачным, встрече чине дали ощутимого результата. Рассказ вслух о своих трудностях, проблемах, успехах и неудачах — прекрасное средство для восстановления душевного равновесия.

А наличие такого заинтересованного и в то же время сдержанного слушателя, как мама, — уже почти гарантия этого.

После ужина мы поговорили, и около половины девятого мама посадила меня в такси и повезла на Центральный вокзал. Я откинулась на подушки сиденья, наслаждаясь непривычной роскошью. Мы пересекли Девятую и Восьмую авеню — я закрыла глаза. И тут, сначала смутно, я поняла, что шофер обращается ко мне.

— Это вы та дама, у которой дочка больна церебральным параличом?

— Да, — ответила я, еще не до конца понимая значение его вопроса.

— Я вас сразу узнал.

— Но как? — я тщетно пыталась вспомнить лицо на водительской карточке.

— Вы знаете, — горячо начал он, полуобернувшись назад, — года два назад я ехал где-то около двенадцати ночи по Двадцать второй улице, и вы остановили меня. Я спросил, почему вы так поздно, а вы рассказали, что были на встрече с другими родителями, которые хотят как-то помочь ребятишкам, больным церебральным параличом.

Тут мне отчетливо вспомнился тот случай, потому что мой шофер заинтересовался и задал множество вопросов. Он спросил, что такое церебральный паралич, многие ли им болеют, многие ли в нем разбираются и что делается для больных. Он выразил горячее сочувствие и рассказал, что у него четверо сыновей. А потом спросил:

— Чем я могу помочь?

— Вы молитесь перед сном? — спросила я.

— Да, мэм, — серьезно ответил он. — Я два года служил в армии и никогда не ложился спать, не прочитав молитвы. Кое-кто из ребят поначалу смеялся, но скоро перестали, а некоторые тоже стали молиться. Я и малышей своих так же воспитывал.

Он остановился перед вокзалом на Лексингтон-авеню и повернулся ко мне.

— Тогда вы можете нам помочь, — ответила я. — Рассказывайте другим о том, что узнали, попросите своих сыновей и жену молиться вместе с вами за то, чтобы наши усилия увенчались успехом.

— Обязательно, — пообещал он.

Вспомнив об этом разговоре, я улыбнулась в темноте. Мы остановились у светофора, и он повернулся ко мне.

— Знаете, прошло уже больше двух лет, но каждый вечер мы шестером молимся за ваше дело.

За две недели до Рождества мы снова поехали на юг. Стоял ясный холодный день.

Мы выехали в восьмом часу. В нашей машине не было отопления, а вентиляции значительно больше, чем предусматривал изготовитель. Мы изрядно промерзли, пока добрались до площади Колумба, оставили там машину и на автобусе добрались до вокзала в Джерси-Сити, где обычно садились на экспресс «Мерилендерк». К бригаде этого поезда мы испытывали такие же, почти родственные чувства, как и к «Ройал Блу», на котором мы возвращались домой.

Автобус подвез нас к самому поезду. Воздух был наполнен звуками, типичными для железнодорожного вокзала. Вагоны окутаны клубами дыма. Мы увидели знакомые лица проводника и носильщика, притопывающих от холода у дверей вагона. Выйдя из автобуса, я не отрывала взгляда от их лиц. Они четыре года были знакомы с нашей дочерью и искренне интересовались ее успехами. Стоявший позади меня Джимми подал Карен костыли, и я услышала за спиной «тук, тук, тук», когда она, впервые, сама пошла от автобуса к поезду.

Носильщик смотрел в нашу сторону. Прошло несколько секунд, прежде чем он узнал ее, и, пожалуй, минута, прежде чем он понял значение происходящего. Улыбка почти поделила надвое его темное лицо, и я услышала звук — одновременно восклицание и радостный смех. Он толкнул проводника локтем в бок и, не сводя глаз с Карен, бегом пустился к ней. Наклонившись, он ласково положил руки ей на плечи.

— Маленькая леди, маленькая леди, — повторял он снова и снова.

Проводник подошел за ним следом, громко высморкался, вытер глаза и охрипшим голосом произнес:

— Только посмотрите на мою душеньку, она идет сама.

Триумфальный марш Карен начался. Когда мы уселись на свои места, Карен взглянула на проводника и сочувственно заметила:

— У вас ужасный насморк.

Потом настала пора обедать. В вагоне-ресторане она произвела не меньший эффект. Остальным посетителям пришлось дожидаться, пока все официанты сгрудились вокруг Карен — почетный караул — когда она шла к нашему столику. Всю дорогу в наше купе заглядывали проводники из других вагонов — слух разнесся мгновенно, и Карен даже не смогла днем поспать.

Когда мы сошли с поезда, было теплее, чем в Нью-Йорке, но сыро и ветрено. У дверей отеля «Стартфорд» нас приветствовал носильщик. Он взял вещи из багажника машины и пошел вперед через крутящуюся дверь. Джимми поставил Карен на верхнюю ступеньку крыльца и стал медленно поворачивать дверь, чтобы она могла пройти. Никогда не забуду выражения лица носильщика, когда вслед за ним появилась Карен.

До стола управляющего было футов тридцать, и он нас увидел. Он не стеснялся (а может быть, и не замечал) своих слез, когда подошел к Карен и поцеловал ее. Потом позвал администратора и девушку-лифтершу, чтобы те тоже порадовались. Карен и тут проявила склонность к театральным эффектам. На глазах потрясенной публики она подошла к лифту и, опираясь на правый костыль, нажала левым кнопку вызова.

На следующий день Триумфальный марш был продолжен. К нему присоединились официанты и мусорщик, мимо которого мы всегда проходили по дороге к врачу. Мы были первыми пациентами, и доктор Б. уже был в кабинете. Едва мы раздели Карен, она сразу

направилась к нему. В кабинет вела бесшумно скользящая дверь. Мы очень внимательно наблюдали за Карен и не заметили, что двери открыты и в них стоит доктор Б. Он медленно подошел к ней и с непередаваемой радостью в голосе произнес: — Мой котенок ходит.

ГЛАВА 20

Снова наступило счастливое Рождество, тысяча девятьсот сорок седьмое Рождество Господа нашего. Воистину «чаша наша преисполнена».

Глория в свои восемнадцать лет была обворожительна, она просто светилась добротой и очарованием и, став «деловой женщиной», держала себя, как подобает зрелой особе. Мари была красивой десятилетней девочкой, стройной и высокой для своего возраста. Джимми поглядывал на ее широкие плечи и вздыхал:

— Какой бы полузащитник из нее получился!

Волосы у Мари потемнели и стали темно-каштановыми. Густые ресницы обрамляли большие темные глаза. У нее был чуть вздернутый нос и нежный рот; по характеру она очень напоминала свою маму и, следовательно, нуждалась в строгой дисциплине. Она была остроумная, мягкая, иногда даже слишком живая и великодушная. Как и у Глории, у нее было очень развито чувство ответственности, и она была не по годам сдержанна. Семилетняя Карен напоминала эльфа. Крошечная для своего возраста, такая хрупкая и женственная, она была даже зимой усыпана веснушками и в любое мгновение могла расцвести совершенно неотразимой улыбкой. Рори в два года был совершенно круглый, как куклы-неваляшки. Он был так похож на Мари, что мы с трудом различали их младенческие фотографии. У него, как у папы, появились обворожительные ямочки на щеках и подбородке.

У Шенти были длинные ноги, длинная шерсть и длинный хвост.

За неделю до Рождества мы отправились на ежегодные поиски елки. Она непременно должна была отвечать одному условию — быть самой большой на Хилл-стрит. К счастью, наша гостиная площадью больше шестидесяти метров имела высоту потолка шесть метров.

Судя по размерам и форме комнаты, высоте потолка, да еще широкому, отделанному камнем карнизу, она строилась специально для Рождества. Мы ездили от одного елочного базара до другого и вшестером изучали все имеющиеся в продаже елки. Так и не сумев отыскать ничего, отвечающего нашим требованиям, проезжали мимо баптистской церкви в Порт Честере. Рори закричал:

— Вон моя елка! — показывая на величественную ель, растущую слева от входа. Она была метров десять высотой, густая, стройная, нижние ветви почти касались земли.

— Папа, стой! — вопил он. — Хочу елку!

Я попыталась объяснить, что мы не можем взять ее. Купить можно только те елки, которые срублены специально для Рождества.

— Срубите ее, — потребовал Рори.

Я снова принялась объяснять. Уставший, голодный и огорченный неудачей, он горько расплакался. Промочил и большой папин платок, и мой. Больше платков не было.

На улице завывал ветер. Становилось все холоднее и холоднее, и после седьмой неудачной попытки я начала сомневаться, будет ли у нас в этом году елка. И вот, когда мы остановились следующий раз, я увидела ее, нашу елку. Она ждала нас, во всей своей красе, в гордом одиночестве, прислонившись к ограде. Я подбежала и попыталась поставить ее прямо.

— Вот она, — позвала я детей.

От ели исходил густой аромат хвои. Она была такая большая и тяжелая, что я не могла удерживать ее стоймя. Все четверо детей тут же одобрили елку, но Джимми схватился за голову.

— Она слишком большая.

— Нет, папочка, нет! — закричали все четверо.

— Я даже не могу отвезти ее домой на машине, — испуганно сказал он.

Маленький, похожий на гнома человечек с висящей на кончике носа каплей, подошел к нам и вежливо сказал:

— Ничего страшного, ребятки. Я пришлю ее завтра на грузовике.

Они завизжали от восторга.

— Она не влезет в гостиную, — отчаянно запротестовал Джимми.

— Я отрежу пару футов, — пообещал продавец.

— Не стоит, — улыбнулась я человечку, — мы лучше сделаем дырочку в полу.

Попросив Джимми поаккуратнее подержать елку, я подошла к продавцу, смотревшему на меня с нескрываемым любопытством. Он перевел взгляд с меня на Джимми и обратно, переступил с ноги на ногу и неуверенно улыбнулся.

— Вы, конечно же, не запросите с нас слишком много, — в моем голосе звучала непоколебимая уверенность.

— Для большинства она слишком велика, и не думаю, чтобы кто-то еще согласился делать для нее дырку в полу. Вы согласны? — вежливо осведомилась я.

— Да, мэм; нет, мэм.

Он назвал вполне приемлемую цену и отступил на несколько шагов.

— Мы поможем обвязать ее, чтобы ветки при доставке не поломались, и все будут довольны.

— Да, мэм.

Джимми, отчего-то потерявший дар речи, осторожно положил елку на землю. Глория отвела бурно радующихся малышей в машину, а мы наблюдали за тем, как елка была тщательно увязана и упакована для предстоящего путешествия. Мы сообщили ошеломленному продавцу свое имя и адрес. Уже отъезжая, мы увидели, что он показывает на нас каким-то подошедшим людям и выразительно крутит у виска пальцем.

Через два дня Джимми принес новую подставку, и мы принялись за работу. Вдвоем мы с трудом внесли елку в дом. Поставить ее нужно было так, чтобы хорошо смотрелась со всех сторон. С легкой дрожью в голосе я заметила, что лучше всего ее было бы поставить туда, где стоит пианино. Отодвинув кресло, я посмотрела на Джимми.

Выражение его лица напомнило мне изображение ранне-христианского мученика, которое висело у нас в классе. Это была гравюра с видом Колизея. По арене бродили шесть *диких хищников*, с голодным видом поглядывающих на ворота, за которыми стояли обреченные на смерть христиане. Хотя и без особой охоты, он все же отодвинул пианино, предварительно передвинув два кресла, стол и диван. Прежде чем укрепить елку в подставке, мы решили найти для нее наилучшее положение. С развязанными ветками, до ствола можно было дотянуться только с трудом. Минут десять мы старались поставить елку прямо. И тут — о ужас! Она не вставала. Слишком широкая, слишком высокая, одним словом, слишком большая. Мы осторожно опустили ее на пол. Осторожно перенесли в другой конец комнаты. И уже безо всякой осторожности Джимми начал двигать обратно на свои места пианино, диван, кресла и стол.

— Единственное возможное место — стена напротив камина. Нам придется выдвинуть половину мебели в кабинет и подвернуть ковер, — тусклым голосом произнес мой любимый.

В этот момент меня позвала Карен, и пришлось нести ее в туалет.

Когда я вернулась, Джимми уже закрепил подставку, прибив ее к полу дюймовыми гвоздями.

— Взялись, еще раз, — распорядился он.

Неравная борьба продолжалась. Теперь, чтобы поставить дерево в подставку, его нужно было поднять. Десять, пятнадцать, двадцать минут. Наконец, мой супруг не выдержал.

— Одни мы не справимся.

Еле отдышавшись от своих усилий, я только кивнула.

— Сама звони Джорджу — это все твоя затея. Джордж и Кейви переехали в дом напротив, и мы могли рассчитывать на их помощь во всех экстремальных ситуациях — от фунта масла до больного ребенка. Джордж появился немедленно и, когда я открыла дверь, изумленно застыл на пороге. Я решила, что, если он

начнёт смеяться, просто пристрелю его. Может быть, он понял мои намерения, а может быть, его смех угас при виде взмокшего Джимми, руки, лицо и брюки которого были черны от смолы.

— Потрясающая елка, — ахнул он, снимая пиджак и засучивая рукава.

Наконец нам удалось вставить конец ствола в подставку, и Джимми осторожно пополз под ветками, чтобы подтянуть зажимы. И тут подставка не выдержала. Она развалилась, рассыпалась, превратилась в ничто.

Я едва сдерживала слезы. Спина болела, руки ныли. В это время нас опять позвала Карен. Я сказала, что поднимусь к ней сама и, уложив ее снова в постель, прилегла рядом.

— И что мы так ждем Рождества?

Это был интересный вопрос, и я над ним некоторое время поразмышляла.

Когда я, наконец, вернулась в гостиную, ребята искали сил и утешения в высоких стаканах с пивом, а елка стояла на своем месте. Я опустилась на колени, чтобы выяснить, какое же инженерное чудо было совершено. Оказывается, из подвала извлекли старую подставку, массивную, крепкую, сделанную в 1916 году, а от ствола к плинтусу тянулись пять проволочных растяжек. Ель была так хороша, я даже пожалела, что несколько веток пришлось подрезать.

— Самая красивая из всех елок, — Джимми подошел и поцеловал меня.

— Вы сумасшедшие, — заявил Джордж.

Дети получили самую большую елку на всей Хиллстрит.

Каждый год мы ставим Вифлеемские ясли, которые мой папа купил мне на мое первое в жизни Рождество. Фигурки уже старые и выцветшие, но каждая — настоящее произведение искусства. Юная, гордая Мария. Иосиф, тоже гордый и, как мне кажется, чем-то обеспокоенный. Фигурки пастухов и крошечные животные. И, в яслях, фигурка младенца.

Раньше чем начнется материальная часть Рождества и дети отправятся к елке за подарками, они подходят поклониться новорожденному Спасителю.

Как обычно, наши крошки поднялись задолго до рассвета. Мы с Джимми уже ждали их в гостиной. Мы так любим смотреть на детские лица, когда они приходят к нам рождественским утром.

Первым пришел Рори с сияющими глазами и торчащими во все стороны волосами, в съехавшей с попки пижамке. (Есть ли что-нибудь милее южной оконечности малыша, топающего на север?) За ним девочки в разлетающихся халатиках. Младшие с растрепавшимися косичками, Глория еще румяная со сна.

Боюсь, в то утро все наше внимание было поглощено Карен. Держась прямо, как королева, решительно, хотя и медленно, постукивая костылями, она подошла со всеми к колыбели. Бросив правый костыль и удерживая равновесие с помощью левого, она протянула руку и осторожно коснулась ножки Младенца. Потом нежно и звонко запела вместе со всеми:

*С днем рожденья, с днем рожденья, С
днем рожденья. Младенец Иисус.*

Их высокие и чистые голоса звучали в полутемной комнате. Мы с Джимми тоже пытались петь, но наши голоса дрожали, а на глаза наворачивались слезы. Я могла лишь шепнуть Младенцу:

— Благодарю, благодарю Тебя.

Награда, действительно, бывает велика. В то же утро произошло другое большое событие. Пять лет мы вносили Карен в церковь. Сегодня она должна была впервые войти туда сама. Джимми высадил нас у дверей. Мари несла костыли, мы с Глорией помогли Карен подняться по ступенькам в притвор и подождали там Джимми. Он помог ей взять костыли, и мы двинулись по проходу. Моя мама старалась держаться поближе к Карен.

В то утро мы испытывали не только радость, но и огромную гордость. Каждый ее шаг был сам по себе

наградой. И с каждым шагом уходили в прошлое уныние, боль и разочарование.

После мессы мы с радостью обнаружили, что у нашей дочери множество почитателей. Соседи, друзья и даже совершенно незнакомые люди окружили нас, обнимали, пожимали руки, хвалили, поздравляли. К нам подходили те, кого мы знали только в лицо. Некоторые, благословляя, молча клали руку на голову Карен и отходили в слезах. Все до одного радовались вместе с нами.

Словно королева, принимающая поздравления подданных, Карен держалась просто, но с достоинством. А из широко распахнутых дверей церкви так и поднимался ввысь чистый, светлый голос органа.

Слава в вышних Богу!

ГЛАВА 21

Около середины января я повезла всех четверых детей на обычный осмотр к Джону Грэнди. Это был дежурный визит, поскольку в то время они были самыми здоровыми за последние несколько лет. Дождаясь своей очереди, я перебирала в уме наши прошлые проблемы.

С трехлетнего возраста у Мари были неполадки с лобными пазухами. Мы не раз обращались к специалисту по болезням уха, горла, носа, но получали только кратковременное облегчение. Он считал, что все ее болезни проистекают от плохого состояния пазух, и посоветовал, даже, скорее, настойчиво порекомендовал нам перебраться в Аризону. Наше решение остаться было трудным и способствовали ему два момента: первое — необходимость оставаться поблизости от доктора Б., второе — многолетняя успешная работа Джимми в Нью-Йоркской телефонной компании. У него было несколько более выгодных предложений, но, думая об интересах Карен и не без основания сомневаясь, что где-то нас ожидают райские кущи, Джимми решил ничего не менять. Переезд в Аризону как раз и был такой большой переменной, и мы решили подождать, пока Джон вернется после войны. Он был не только педиатр, но и специалист-аллерголог. Джон обнаружил у Мари аллергию и соответственно стал ее лечить. Она быстро поправилась, и мы смогли забыть про Аризону.

«Здесь нам повезло», — с признательностью подумала я.

Осмотр моего выводка занял у Джона некоторое время. Он проделал все необходимое, включая прививки и кое-какие анализы. Он нашел, что у детей все в порядке, и сказал, что мы молодцы. Меня всегда мучило опасение, что на очередном осмотре обнаружится нечто скверное и непонятное, поэтому уходила я в этот раз в самом

радужном настроении. Я решила, что мы с Джимми обязательно должны это отпраздновать. Поужинаем в ресторане и ходим в кино.

Я попросила Мари и Гло присмотреть за малышами и целых полчаса пролежала в ванне. Еще полчаса на прическу и косметику, и двадцать минут, чтобы решить — надеть платье из черного крепа или мягкой зеленой шерсти. Наконец, решила в пользу последней (я люблю любовью цвет, если он зеленый), порылась в ящике с бельем, откопала носовой платок тончайшего полотна, хранившийся для особо торжественных случаев, и щедро смочила его «Шарбе».

Джимми встретил меня у дверей и приветствовал восхитительно вульгарным свистом. Он поцеловал на прощание детей, и мы уехали, чувствуя себя совсем юными и беззаботными. Решив кутнуть, мы заказали коктейли, потом спагетти и красное вино. После ужина отправились в кино на две серии и явились домой в отличном настроении, как это бывает после веселой пирушки, украдкой.

Два дня спустя, когда Мари вернулась из школы, я гладила белье на кухне. Она разделась и подошла ко мне, протягивая руку.

— Мамочка, посмотри, это так и должно быть?

Я взглянула на протянутую руку. Сантиметрах в десяти выше запястья краснела большая припухлость. Джон сделал им пробы на туберкулез, и я рассеянно проверяла их руки по вечерам, не ожидая обнаружить что-либо. Должно быть, я изменилась в лице, потому что Мари спросила со страхом в голосе:

— Мамочка, что-то случилось? Ты так странно смотришь... Ой, ты сожжешь платье Карен.

Я сняла утюг, поставила его на подставку, медленно обошла вокруг стола и села.

— Ничего не случилось. Просто... просто я удивилась, вот и все.

Я старалась говорить с родительской невозмутимостью.

— Поставь, пожалуйста, Карен к ее рабочему столу и дай ей раскраски. Я сяду выпью чашечку кофе и немного отдохну.

— Хорошо, ма.

Она взяла большую сковородку для воды, два полотенца и ушла.

Я сидела и оцепенело смотрела в окно, где по снегу прыгали воробьи. Мыслей никаких не было.

«Нужно позвонить Джону... нужно позвонить Джону...»

Эта фраза все время проходила перед моими глазами, как световая реклама на здании издательства «Таймс». Слова медленно скользили прочь. Ни я к ним, ни они ко мне не имели никакого отношения. Я почувствовала резкую боль и, очнувшись, увидела, что держу в руках догоревшую до самых пальцев сигарету. Когда же я ее зажгла?

«Хорошо бы здесь была мама и заварила крепкого чаю», — подумала я.

На ватных ногах я дошла до телефона и назвала номер.

— Порт Честер, 8991.

Мой голос звучал странно и глухо, и лишь со второй попытки телефонистка расслышала мои слова. Джон взял трубку, и я описала руку Мари.

— Привези ее через час, я посмотрю, — сказал он. — А пока не впадай в панику, не вижу повода.

Я повесила трубку и вернулась на кухню. Убрала гладильную доску, свернула белье, начистила картошки к обеду. Пока накрывала на стол, я немного пришла в себя, и Страх, мой давний спутник, снова лизал мне руки своим ледяным языком.

Я поднялась наверх, позвонила Кейви, попросила прийти посидеть с Карен и Рори. Он проснулся, потихоньку встал и теперь пытался в раковине пустить в плавание коробку из-под сигарет. Пятнадцать минут ушло на то, чтобы вытряхнуть его из насквозь мокрой пижамы, вытереть и одеть, еще десять на то, чтобы, по выражению Рори, «нарисовать лицо». Я дважды размазала губную помаду, и пришлось переделывать все заново. Мои глаза казались в зеркале совсем темными и напряженно всматривались в свое отражение. Нет, так дело

не пойдет. Нужно собраться. Ты — мать. Один твой вид может до смерти напугать ребенка, а может быть, и бояться-то нечего.

Скоро появилась Кейви со своими двумя детьми и до самого отъезда отвлекла меня разговорами о каких-то пустяках. Наши шины были слишком лысые, чтобы ездить по обледеневшей дороге, поэтому я взяла ее машину. На Пост Роуд Хилл застряли какие-то грузовики, пришлось ехать в обход. И до больницы мы добрались почти через полчаса.

Джон внимательно осмотрел руку Мари и, как бы между прочим, объявил:

— На всякий случай сделаем рентген.

Он позвонил и договорился, что снимок нам сделают немедленно. Джон сказал, что посмотрит его на следующий день, часов в одиннадцать, а мне предложил заглянуть около часа.

В обычном случае я ничего не сказала бы Джону до получения точного ответа, но здесь я была уверена, каким он будет, и считала, что лучше подготовиться. Я сказала ему, но мы не стали ничего обсуждать — обсуждать было нечего.

В половине второго ночи я лежала тихо, чтобы не потревожить Джимми, и перебирала четки.

— Ты спишь? — тихо спросил он.

— Еще нет, — ответила я.

— Давай разложим двойной пасьянс?

— Сначала надо бы поесть.

Мы спустились на кухню и целый час убили на то, чтобы сначала приготовить ужин, к которому почти не притронулись, а потом все за собой убрать и вымыть.

— Можно заодно уж накрыть стол к завтраку, — предложил Джимми.

Это заняло еще десять минут. Потом мы вернулись к себе в комнату и до утра играли в карты.

На следующий день, ровно в тринадцать тридцать, я заняла свое обычное место возле стола Джона, неторопливым движением вытащила сигарету и зажгла,

стараясь показать, как хорошо я владею собой. Спектакль этот, однако, никого не обманул.

— Джон, ты же меня знаешь. Если что-то плохое, говори сразу.

Я уже видела у него этот взгляд, когда нужно было сообщить что-то плохое.

«Не хотела бы я быть на его месте, — пришла в голову мысль. — Все-таки незавидное это дело — быть врачом*.

— Я видел снимки, — сказал он. — И доктор Уэст их тоже видел. Сомнений быть не может. У Мэри затронута левое легкое. Полный и немедленный покой!

Джон позвонил ведущему специалисту по туберкулезу. Тот сказал, что Мари может остаться дома, поскольку дети не бывают распространителями болезни. Нет, он не может сказать, сколько все это продлится. Необходимо пройти рентген всей семье, дедушкам, бабушкам, близким друзьям, чтобы найти возможный источник заражения.

Все результаты оказались отрицательными.

Это заключение Мари оказалось много тяжелее предыдущего, поскольку некоторое время ей не разрешали даже сидеть. Но то, первое, хоть как-то подготовило ее ко второму. Нас тоже. С другой стороны, второе, так скоро после первого, переносить оказалось еще труднее.

Мне нужно было уделять больше внимания Мари, уделять больше внимания Карен, уделять больше внимания Рори. Бремя, время, время. Господи, неужели в этом мире есть люди, которым некуда его девать?

Я раньше как-то даже не осознавала, сколько обязанностей взяла на себя Мари, как много вместо меня бегали ее крепкие ножки. Как добросовестно опекала она Рори. Пожалуй, впервые я по-настоящему оценила нашу замечательную дочь.

Большинство занятий, найденных или изобретенных в прошлый раз, оказались полезными и теперь. К тому же все больше и больше времени занимали книги. Она так кротко переносила случившееся, что мы переживали за нее еще больше.

Казалось, сама судьба решила помочь нам формировать характер наших детей еще в очень раннем возрасте. Теперь множество маленьких дел появилось у Рори, которому не исполнилось и трех лет. Он всегда был славным ребенком и стал еще лучше, когда ему все время надо было что-то дать Карен, принести Мари, помочь мне. Мы были щедры на похвалы и одобрение, и он начал чувствовать себя очень Важной Особой.

Когда я позволяла себе нечестивое развлечение — побрязжать, пожаловаться на «незезение», когда сочувствующие друзья жалели меня, это происходило только потому, что никому из нас не дано знать, что будет завтра. У нашего «незезения» оказались далеко идущие последствия, и не последним из них было то, что наши дети, в самом раннем возрасте учились испытывать радость, помогая другим. Что это принесло пользу им самим, не вызывает сомнения. Что мир от этого стал только лучше — тоже, думаю, бесспорно. Так много ссор, вражды, несчастья и волнений в сегодняшнем мире — результат того, что слишком мало людей думают о помощи ближнему. Есть авторитетное подтверждение этой мысли. Доктор Уильям Меннингер в своей книге «Вы и психиатрия» пишет так: «Хорошо приспособленный человек — это тот, кто понял, то приятней отдавать, чем получать».

Благодаря нашим «неприятностям» вся наша семья получила возможность стать «хорошо приспособленной».

В наш просвещенный век, когда даже у собак есть свои психиатры, Шенти, по моему убеждению, тоже может считаться «хорошо приспособленным», поскольку вся его жизнь — это служение другим. Бывали времена, когда в силу его преданности Карен он возмущался нами. До того как она встала на костыли, Карен ходила только у опоры. Такое положение дел он одобрял, хотя и не отходил от нее ни на шаг. Его постоянное место было слева от нее, и если она чувствовала, что падает, то поворачивалась к нему, и падение обычно смягчалось его телом.

Шенти не любил костыли. Они были подвижны, ненадежны, одним словом, доверять им было нельзя. Когда Карен начала ходить на костылях, Шенти ложился перед ней и хватал зубами конец одного из них, так что его нельзя было поднять. Понадобилось время, чтобы отучить его от этого, но, не желая отказываться от роли защитника, он сменил зубы на лапы и таким образом удерживал костыль. Когда мы запретили ему делать и это, он стал ложиться ей поперек дороги. Карен просила его «пожалуйста, подвинуться», тыкала его в бок костылем и, наконец, кричала на него в бессильном гневе. Шенти прижимал уши, клал голову на пол, закатывал глаза, вилял хвостом, скулил, но сдвинуться — ни за что. В конце концов он покорился, но так и не примирился.

При лежащей в постели Мари я не могла много гулять с Карен, и, если бы не наша четвероногая преданность, ей редко бы пришлось выходить на улицу. Он выработал три различных сигнала.

— Она упала, но я не беспокоюсь.

— Что-то непонятное.

— Опасность!

И чем бы я ни занималась, как бы ни была одета, услышав этот сигнал, я бросалась сломя голову. Как-то в феврале я мыла Мари прямо в кровати, а Карен гуляла во дворе. Услышав сигнал номер три, я уронила мочалку, скатилась с лестницы и через кухню вылетела во двор. Одна девочка, тоже Карен, и Элен Густавсон качались на качелях. Я увидела, что моя Карен подошла слишком близко, и ее вот-вот ударят набирающие размах качели. Шенти стоял перед ней, лаял и старался осторожно оттеснить ее подальше. Карен приходилось отступать, но она была очень сердита. Я погладила пса, похвалила его и объяснила Карен, что он делает. Через некоторое время она остыла и сказала:

— Он ужасно умный, правда, мамочка? Я теперь буду его слушаться.

Примерно через месяц Джонни Гриффрен, решив сделать Карен приятное, посадил ее в свою тележку, чтобы

прокатить по улице. Пес возражал так бурно, что раньше, чем я успела выйти, Карен сказала Джонни:

— Шенти беспокоится. Надо бы спросить разрешения у мамы.

ГЛАВА 22

Месяца за два до нашего дежурного визита к доктору Б. нам пришлось съездить туда дополнительно — корсет Карен требовал переделки. По мере того как она росла, эти поездки для подгонки приходилось делать все чаще и чаще. Это было неудобно, потому что Джимми каждый раз приходилось на день-два отпрашиваться с работы, да к тому же еще и дорого.

На этот раз переделок оказалось больше, чем обычно (и обошлись они много дороже). Только через две недели Карен получила обратно свой корсет. Однажды, еще до того как его прислали, Джимми укладывал ее спать.

— Знаешь, папочка, — сказала она, — я не жалею, но так хорошо ложиться спать без корсета. Гораздо удобнее.

Наконец в четверг утром корсет прибыл, в пятницу я занималась с Карен (и Рори) в гостиной и оставила их, чтобы пойти убрать кровати. Я слышала, как Карен прошла через гостиную к библиотеке, превращенной в кабинет. Комнаты разделялись двухстворчатой дверью с порогом. Рори прибежал помочь мне перевернуть матрас, значительно усложнив своей помощью мою работу, и сказал:

— Каен гавалит, гавалит.

Взбивая подушки и расправляя одеяла, я внимательно прислушивалась. Она разговаривала сама с собой. Осторожно, на цыпочках, я вышла в холл. Карен стояла перед порогом, изо всех сил стараясь поднять ногу на несколько сантиметров, чтобы преодолеть его. Я была рада, что она самостоятельно пытается преодолеть эту преграду, но боялась ее разочарования, когда это не получится. Голос звучал громче, настойчивее. Лицо побелело от напряжения, на лбу и верхней губе выступили капельки пота. Голосом, в котором одновременно звучали и требование, и мольба, она произнесла:

— Ангел Хранитель, помоги мне, пожалуйста. Ну пожалуйста.

Покрепче ухватившись за костыли, Карен наклонилась вперед. Нога медленно поднялась и, к моему изумлению, прошла над самым порогом. Я стояла, не шелохнувшись. Вторую ногу она ни за что не сможет перенести. Для этого не хватит ни сил, ни равновесия. Лучше бы и не пробовала, подумала я.

— Ну пожалуйста, — снова повторила она. Вторая нога медленно поднялась и так же медленно скользнула через порог. Карен не упала. Все еще не замечая коего присутствия, она широко улыбнулась и вполне по-деловому произнесла:

— Спасибо. Большое тебе спасибо.

В такие мгновения я с болью сравнивала детство Карен и свое собственное. Мой папа был замечательным спортсменом, и его дочери в том возрасте, когда настоящие маленькие леди еще катают кукол в колясках, уже играли в *теннис* и бейсбол. Карен, *чтобы перейти* через порог, требовалось столько же сил и внимания, сколько мне в ее возрасте, чтобы выиграть у отца подачу.

Одна из самых сложных задач, стоящих перед родителями детей, больных церебральным параличом, — придумать, как помочь ребенку приобрести такие трудные для него навыки по самообслуживанию. Побуждать, но никогда не заставлять. Уметь вовремя остановиться, чтобы ребенок не отчаялся. Во всем соблюдать меру. Мы, родители, нередко придаем слишком большое значение ходьбе, недооценивая такую важную область, как развитие рук. Когда Карен научилась уверенно пользоваться костылями, нам пришлось напомнить себе, что рукам следует уделять не меньше времени. У Мари в комнате мы поставили радиолу на такой высоте, чтобы Карен могла достать ее со своего стула. Мы начали с небьющихся пластинок, не столько из экономии, сколько для того чтобы не было страха разбить. Я заметила, что чаще всего у детей бьются вещи именно тогда, когда кто-то имеет неосторожность предупредить:

— Не урони. Это бьется.

Всего за несколько месяцев Карен научилась ставить и снимать пластинки, не роняя их, и приобрела такую уверенность, что смогла брать в руки любые. Конечно, иногда они у нее бились, но не чаще, чем у нас с вами. (К тому же у нее была тяжелая наследственность — мы всегда считались исключительно «бьющим» семейством, за первые десять лет супружества мы целиком расколотили четыре обеденных сервиза.) Движение соединенных кончиков большого и указательного пальцев называется «мелкой» моторикой, в отличие от движений других пальцев, которые называются «крупной». Человек

— единственное существо, владеющее «мелкой» моторикой. Чтобы поставить иглу проигрывателя на край пластинки, требовалось именно такое движение и точность, вырабатывавшаяся в процессе тренировки. (Это же необходимо и для того, чтобы вдеть пуговицу в петлю.) Такая же точность нужна, чтобы нажимать различные кнопки радиоприемника, и еще очень полезные круговые движения кисти, чтобы крутить у него ручки. Сначала, из-за того что Карен не могла действовать одним пальцем, она нажимала сразу несколько кнопок. И чуть не плакала от обиды и нетерпения. Уметь занять себя

— почти так же важно, как уметь обслужить себя, поэтому мы настойчиво продолжали начатое.

Во время этой истории с проигрывателем у нас впервые возникла проблема с Мари. Она не хотела ждать четыре-пять минут, пока поменяют пластинку, и открыто высказывала свое недовольство. Она была такой умной и терпеливой девочкой, что мы иногда забывали о ее возрасте и подчас требовали от нее слишком много. Только со временем, после многих наших ошибок, все пришло в норму.

В этот трудный период мы с Джимми до конца поняли, что невозможно всегда знать заранее, правильны ли наши решения. Все делалось впервые. Только время покажет. И мы были — да и сейчас уверены, что если оно покажет нашу неправоту, исправить уже будет ничего нельзя.

Мы надеемся, что правильно вели себя с Карен.

Несколько раз она заслуживала сурового наказания. Болезнь ограничивала ее возможность пошалить, поэтому Карен придумывала какую-нибудь особенно скверную проказу, а потом делала ее руками Рори. Она была очень умная девочка и прекрасно понимала, что толкает его на плохое дело, а это усугубляло вину.

Однажды мартовским вечером Джимми был на собрании в клубе отцов, а я печатала в кабинете. Из детской послышался какой-то подозрительный звук, из тех, что заставляют вас быстро действовать. Открыв дверь, я обнаружила Рори стоящим на подоконнике открытого окна. Не по фасаду дома, где высота всего около метра, а бокового, выходящего на крутой склон около дома. От окна до земли здесь больше четырех метров. Медленно пересекая комнату, я с удивительной ясностью видела лежащие там внизу прекрасные камни с острыми, неровными краями, создававшие здесь такой живописный сад камней. Не доходя нескольких футов до окна, я остановилась. Мне хотелось взглянуть на Карен, но я не решалась отвести глаза от Рори.

— Ну-ка посмотрим, хороший ли ты альпинист, — сказала я, — и сумеешь ли ты осторожно спуститься на батарею под окном.

«Вот тут-то уж я тебя сцапаю», — прибавила я про себя.

Через несколько секунд он преодолел это расстояние. Я бросилась вперед, схватила его и, не говоря ни слова, посадила на кровать рядом с Карен. Потом отступила на два шага и молча посмотрела на эту парочку. Больше минуты он не выдержал.

— Мамочка, ты не волнуйся, я пожарный, — просто-душно улыбнулся он.

Даже в полутьме было видно, как покраснела Карен. «Виновна», — сказали ее глаза, легкое движение рта и молчание.

— Я просто влез и открыл окно, — невозмутимо продолжал Рори.

Задвижки окон первого этажа у нас были довольно сложные, и без посторонней помощи он никак не мог бы с ними справиться.

— А ты что скажешь? — повернулась я к Карен.

— Это я его подговорила, — чуть слышно ответила она.

— Разве ты не знаешь, что это опасно?

— Знаю, — еще тише произнесла она.

— Ты не только сама сделала плохо, но и заставила сделать плохо другого человека. Ты уже в том возрасте, когда отличают плохое от хорошего.

— Да, мамочка,

— Двойное зло — двойное наказание. И то, что с ним, по счастью, ничего не случилось, ничего не меняет.

— Мне очень жаль, что так вышло.

— Ей жаль, — поддакнул Рори.

— Мне тоже, — сказала я. — Для нас с папой нет ничего хуже, чем наказывать вас.

— Я больше никогда не буду так делать, — Карен была уверена, что говорит правду.

— Я надеялась, что ты присмотришь за Рори. Разве я не просила позвать меня, если он подойдет к окну или полезет на мебель?

— Просила.

— Пласила, — эхом отозвался Рори.

— Не наказывай меня, пожалуйста, — попросила Карен.

— У меня нет выбора, — ответила я, чувствуя подкапывающуюся к горлу тошноту и мечтая, чтобы я была в клубе отцов, а Джимми дома.

— Когда Бог дает нам детей, Он возлагает на нас обязанности научить их добру. Он ожидает, что мы выполним свой долг, несмотря ни на что. Поверь, мне было бы гораздо приятнее уйти сейчас из комнаты и забыть о том, что случилось. Но я не могу. Я должна наказать тебя, Карен.

— И зачем я это сделала? — заплакала она.

— Не наказывай Карен, — заревел следом Рори.

Я посадила его в кроватку, вопли стали громче. Закрыла окно и подошла к Карен. Положив на бок, я

отвесила ей четыре звучных шлепка. Она почти не плакала. Она никогда не плакала. Зато Рори рыдал за двоих.

— Спокойной ночи, — я поцеловала их, вышла из комнаты и закрыла дверь.

Состояние было ужасное. Я прилегла в гостиной на диван. Рори перестал реветь и, должно быть, тут же уснул. Карен еще тихонько поплакала, и все затихло. Я взяла журнал, полистала его и бросила на пол. Встала, походила по комнате, снова легла. Минут через пятнадцать меня тихонько позвала Карен.

— Знаешь, мне не хочется быть мамой, — сказала она, когда я подошла. — Наверное, это очень тяжело — наказывать свою дочку. Мне тебя так жалко.

Я легла рядом с ней, она обняла меня, и мы лежали так, пока она не уснула.

Едва я пришла в себя после этого эпизода, как случился другой, когда Карен получила шлепок, едва успев договорить фразу, за которую была наказана.

Пятеро ребятишек играли в детской в «доктора». Куклы и звери лежали в ряд на кровати или, точнее, «на столе». Пустые бутылочки из-под лекарств всех форм и размеров (наш дом всегда располагал большим запасом) были аккуратно расставлены на кукольном сундучке, застеленном, как я обнаружила, одним из моих лучших полотенеч. Была тут еще байка с ватой, две клизмы Карен, карандаш в баночке, изображающий градусник, и стетоскоп, сделанный из старого кожаного поводка. Я мыла пол в ванной, когда меня позвали положить в лубок лапку панды. Пока я, под критическим взглядом десяти глаз, занималась этим сложным делом, зазвонил телефон.

Это был новый родитель со старой проблемой и обычным отсутствием ее решения, поэтому прошло некоторое время, пока я смогла снова приняться за панду. Еще в холле я услышала, что Карен у кого-то что-то требует, и тон ее мне совсем не понравился. Когда я входила в комнату, она с отвратительным самодовольством заявила:

— Ты должен мне это сделать — я же калека.

Мама ударила.

Может быть, это хорошо. Может быть, было плохо. До сих пор не знаю. Но жест был чисто рефлекторным. Восемь лет, и уже пытается извлечь выгоду из своего положения! Прекрасно зная, сколько горя может принести такое поведение, я поступила так, словно к ней подбирался ядовитый паук — немедленно раздавила его.

Позже вечером мы с Джимми поговорили с Карен, и она поняла, что это было бесчестно и так же плохо, как лгать. Все-таки, наверное, хорошо, что так случилось, мы как бы получили предупреждение и с тех пор были начеку. Не стали ждать, пока она заболит, но сделали прививку и время от времени проводили вакцинации.

ГЛАВА 23

Последние две зимы у Карен часто болели горло и уши. На третьей неделе марта, когда она свалилась и с тем и с другим, Джимми объявил, что при первой же возможности ей удалят гланды. Дело было не только в самой болезни, но и в том, что из-за этого приходилось останавливать занятия физиотерапией, а эта программа обязательно должна быть непрерывной.

Джимми решил, что в общей палате ей будет лучше, чем в отдельной, и я с ним согласилась. Больницы обычно не рвутся лечить детей с церебральным параличом, и эта не была исключением. Поэтому мы без особого труда договорились, что те три-четыре дня, пока Карен пролежит в больнице, я буду рядом с ней.

Джимми отвез нас туда в шесть сорок пять утра. Мы прошли с Карен в палату, раздели ее, положили вещи в тумбочку и включили маленькое радио — подарок бабушки. В семь сорок пять, после осмотров и анализов, мы переодели ее в стерильный халатик, чулки, доходящие почти до подмышек, и белую шапочку. Карен покраснела от волнения.

Несмотря на все свое беспокойство, она была тихая, послушная и выполняла все, что ей говорили. Мы с Джимми пережили тяжелые минуты, когда ее положили на каталку и повезли по коридору. В этот момент она была очень похожа на Мари. Она повернула голову и не сводила с нас глаз, пока каталка не свернула за угол к лифту.

У Карен был лучший хирург и лучший анестезиолог, поэтому бояться было особенно нечего. Нас, однако, очень беспокоило, как избежать нервного потрясения, которым такое событие является для большинства детей и которое большинство врачей и клиник полностью игнорируют.

Мы заранее рассказали и объяснили Карен всю процедуру. Сказали, что, когда она проснется, у нее будет болеть горло, но зато оно, как мы надеемся, уже не будет болеть в дальнейшем.

Пока она была в операционной, мы решили пойти позавтракать. Мы говорили о шансах «Питсбургских пиратов» прорваться в первую лигу, о чудесном кусте сирени, посаженном у нас мамой Киллили, о работе Джимми, о чем угодно, кроме Карен. Джимми курил сигарету за сигаретой, даже во время еды, и мы выпили по три чашки кофе. Каждые две минуты он бросал взгляд на часы. Когда руки не были заняты ложкой, вилкой или ножом, он нервно барабанил пальцами по столу. Наконец, я не выдержала:

— Да перестань, — и смущенно добавила: — пожалуйста.

— Что перестать? — спросил он, продолжая барабанивать.

— Вот это, — показала я.

— А! Да, конечно, — согласился он и засмеялся. — И ты перестань — пожалуйста.

— Кто, я? Что? — растерянно спросила я.

— Вот это, — показал он. — Твоя нога раскачивается, как взбесившийся маятник.

— Я не заметила, — смутилась я.

— Пойдем, — сказал Джимми.

Вернувшись в госпиталь, мы поднялись в палату и через несколько минут туда вкатили Карен. Джимми переложил ее на кровать. Дышала она ровно, пульс был нормальный. Веснушки на побледневшем лице напоминали опилки на снегу. Закрытые глаза обведены темными кругами. Джимми повернулся ко мне.

— Ты заметила? — спросил он.

Не дожидаясь ответа, он сунул руку под одеяло и слегка согнул ей ноги в коленях. Все тело было расслаблено. Наркоз еще действовал, и все мышцы и связки были мягкими, эластичными. Впервые мы видела Карен полностью расслабленной. Пришли хирург с анестезиологом и сообщили, что операция прошла прекрасно.

— Я надеюсь, она не станет пьяницей, — засмеялся хирург. — Доктор Г. дал ей целый баллон эфира, а она все еще продолжала разговаривать.

— Смотрите, что у меня есть, — сказал доктор Г. — Прежде чем начать, я всегда смотрю, нет ли шатающихся молочных зубов — вдруг вывалится и ребенок его вдохнет. И точно — один нашел. Вот, держите. — Он положил зуб мне на ладонь.

Они проверили все, что можно, и собрались уходить.

— Она замечательная девочка, — сказал хирург, весело посмотрев на меня. — Вы можете ею гордиться. — Он похлопал Джимми по руке. — Все в полном порядке. Ни малейшего повода для волнений. Ну, мы еще увидимся, — сказал он на прощанье.

Чуть позже Джимми уехал на работу, а я уселась в кресло, предусмотрительно поставленное возле кровати. В палате раздавались приятные звуки: шуршание накрахмаленных халатов, мягкое постукивание резиновых каблучков, тихое позвякивание инструментов. Здесь лежали одиннадцать ребятишек разного возраста, некоторые лежали тихо, кое-кто уже достаточно поправился, чтобы шуметь.

Как только Карен очнулась, ее стошнило. В этом не было ничего страшного. Я с болью в сердце наблюдала, как снова напрягаются ее мышцы. Медсестры не знали, как обращаться с больными церебральным параличом и были рады, что я целиком взяла эту заботу на себя. Я устроила ее поудобнее и читала, пока не охрипла. Плетеное кресло устраивало меня до тех пор, пока я не узнала, что кровати на ночь для меня нет и не будет.

Послеоперационные неудобства свелись у Карен до минимума тем, что она была целиком поглощена окружающим. Ей нравилось, что вокруг так много людей и все время что-то происходит. Едва удалось уговорить ее поспать днем.

— Обещай, что разбудишь меня, если случится что-нибудь важное, — потребовала она, прежде чем закрыть глаза.

Понятие «что-нибудь важное» имело самые широкие границы: клизма, укол, перевязка, новый больной, посещение врача (даже не ее).

На третий день явились Джимми и Рори, чтобы забрать нас домой. Когда Джимми вынес Карен на улицу, Рори стоял около машины, с сияющим от радости лицом он бросился к сестре. Хотя я отсутствовала ровно столько же, внимания к ней он проявил больше.

— Не забудь, он о ней волновался, — шепнул мне Джимми. — Надеюсь, ты не обиделась.

По дороге домой мы все четверо сидели впереди, и Рори пухлыми ручками обнял колени Карен.

На лужайках пробивалась первая зелень, на деревьях и кустах лопались почки. День был хмурый, готовый в любой момент разразиться дождем, и в воздухе пахло весной. Примерно в миле от больницы небеса разверзлись, и на землю хлынул потоп. Наш форд не давал достаточной защиты от такого стихийного бедствия. Крыша текла в нескольких местах, и по внутренней стороне лобового стекла струйки воды текли почти так же обильно, как снаружи. От водителя, которым в тот день была я, требовалось вдвое больше внимания. Дворники перестали работать. Гудок заглох. Свет фар не мог рассеять сгустившиеся сумерки. Как раз под ногами водителя отсутствовал кусок пола, и когда мы проезжали по луже, требовалось немалое усилие, чтобы ноги оставались сухими и не начали соскальзывать с педалей. Для этого надо было безошибочно рассчитать время. Перед тем как фонтан воды ударит вверх через дыру в полу, приходилось покрепче ухватиться за руль, снять правую ногу с газа и пошире раскинуть обе ноги в стороны, пока лужа не останется позади. Для детей все это было дополнительным удовольствием.

В тот день Гло пришла с работы пораньше, чтобы подготовиться к встрече Карен. Увидев детскую, мы с Джимми были удивлены и обрадованы не меньше Карен. Гло украсила комнату гирляндами из желтой креповой бумаги, которые казались пятнами солнечного света

на зеленых стенах. Она поставила три букета желтых маргариток, выстирала и выгладила всю кукольную одежду, нарядила и причесала кукол и посадила их дожидаться свою хозяйку.

Поздно вечером, когда малыши уже давно были в кроватках, Джимми пошел посмотреть на Карен. Кроватка Рори была пуста. Он повернулся к кровати Карен — они лежали рядышком, обнявшись.

— Ты переложил его обратно? — спросила я.

— Ни в коем случае, — ответил Джимми.

В эту ночь мы оставили открытой дверь из нашей спальни в детскую. Но ни один из них не пошевелился ночью. Карен потом рассказала, что Рори проснулся на рассвете, сказал:

— Здравствуй, моя дорогая, — и снова уснул.

ГЛАВА 24

Весна в этом году была не радостной, потому что мама Киллили, которой еще не было семидесяти, начала вдруг быстро сдавать. У нее обнаружилось высокое давление и склероз сосудов, и это превратило ее в беспомощную старушку. Я знала и любила ее шестнадцать лет, и никогда не слышала, чтобы она на что-то жаловалась. Если у нее что-то и болело, об этом никто не знал. Если она была чем-то огорчена или расстроена, об этом тоже никто не знал. Она всегда жила только ради семьи, совершенно не думая о себе. Для нее все родные, включая меня, были совершенны. Она была бескорыстна и самоотверженна, никогда не думала о себе в первую очередь. (Джимми сказал, что наши матери были созданы по одному образцу, который потом выбросили.) В мае она была в состоянии депрессии, в конце месяца ее разбил паралич, а в июне ее призвал к себе Господь, и мы были рады за нее. Больше всего мы горевали, что дети лишились ее благотворного влияния.

За год до этого она решила, что Карен должна всерьез заниматься садоводством. Поскольку корсет не давал ей нагибаться, бабушка поставила повыше ящик с землей, так чтобы Карен могла встать рядом. Она посадила туда многолетние растения и с неиссякаемым терпением принялась учить Карен отличать ростки цветов от сорняков и ухаживать за растениями. Это была прекрасная физиотерапия, поскольку требовала много движений «мелкой моторики».

— К тому же, — добавляла бабушка, — работа с землей идет на пользу душе,

В этом году, когда у нее на цветах начали появляться бутоны, Карен очень волновалась. Похоже, она унаследовала от бабушки «зеленые пальцы». Она очень гордилась своим «садом» и так ревниво относилась к своим успехам

в садоводстве, что даже не хотела принимать помощь или советы.

— Я сама все знаю, — отвечала она. — Оставьте меня в покое.

В ее тоне и словах было маловато дочернего почтения, но нас радовала ее уверенность и независимость.

Однажды в начале июля она сидела в кухне на своем высоком стуле с подножкой и оживленно рассказывала о том, что делала утром.

— Я нашла одиннадцать жуков и всех раздавила пальцами.

Рори содрогнулся.

— А двух я уронила, и они улетели, но потом один вернулся, и я его поймала.

Как всегда, когда Карен была чем-то заинтересована или возбуждена, руки и ноги у нее начинали произвольно двигаться.

— Ноги, ой, мои ноги! — неожиданно воскликнула она.

Я подбежала и увидела, что ее ноги каким-то образом съехали с подножки назад и застряли там. Я попыталась вытащить, но с каждой секундой мышечный спазм усиливался, и ноги застревали все сильнее.

В дверь постучали, и вошел молодой человек, собирающий плату за электричество.

— Входите, — закричала я, — скорей входите.

Он занимался своим делом уже четырнадцать лет, но впервые удостоился такого приема и в изумлении застыл в дверях.

— Да скорее же, — крикнула я, а Карен испустила отчаянный вопль.

Это вывело его из оцепенения, и он бросился на помощь. Рори сидел не шевелясь, почти такой же бледный, как Карен.

— Сейчас принесу пилу, — я бросилась в подвал. Он не растерялся и сразу же принялся за работу.

Я крепко обняла Карен сзади и пыталась ее как-то успокоить, но она, по-моему, даже не слышала меня. Через

несколько минут он перепилил доску с одной стороны и оторвал с другой. Сведенные судорогой ноги Карен тут же вытянулись вперед, а все тело обмякло.

— Бедная девочка, — пробормотал он, взяв ее на руки, — ей надо бы лечь.

Он поднялся следом за мной по лестнице и положил ее ко мне на кровать. Рори шел рядом, держась за ногу Карен. Я вытащила из комода теплое одеяло и закутала ей ноги. Даже не представляю, почему я это сделала, и хорошо это или плохо.

— Я так рада, что вы пришли, — улыбнулась ему Карен сквозь слезы. — Мама никак не может научиться пилить.

— Я могу пилить, — заявил Рори.

— Я тоже рада, что вы пришли, — сказала я. — Один Бог знает, сколько бы я провозилась, если вообще сумела бы справиться.

— Будем считать, что вам повезло, — ответил он. — Вы уж извините, но мне надо идти.

Я проводила его до дверей.

— Может быть, выпьете чашку кофе или чаю?

— Спасибо, но я и так уже опаздываю. До свидания. Она славная девочка.

Он пошел к воротам и вдруг остановился.

— Вы знаете, — смущенно начал он, — мне так неудобно, но я должен получить у вас чек на тридцать три доллара семьдесят пять центов.

— Ну конечно. Я совсем забыла. Я выписала чек, и он ушел.

Карен и Рори дали Джимми красочное описание всего случившегося.

— Все что нужно было сделать, — сказал он, — вывернуть сбоку два болта и отвести подножку в сторону.

— Боже милостивый! Как глупы женщины!

— Мамочка, ты совсем не глупая, — утешил меня Рори.

— Ты очень даже умная, — добавила Карен без особого, впрочем, убеждения.

Пятнадцатого июля 1948 года многолетние усилия большого числа людей приобрели реальную форму. Фредерик Шмидт, член Верховного Суда, поставил свою подпись под документом, удостоверяющим создание общенациональной ассоциации больных церебральным параличом. Теперь у нас была добровольная, некоммерческая организация, занимающаяся исключительно проблемами церебрального паралича.

В то лето были и другие памятные события. И связаны они были с нашим сыном.

Начались они следующим образом (цитирую по Портчестерской газете «Дейли Айтем»):

Сегодня в Рей открылся официальный бейсбольный сезон с броска, который с феноменальной силой и точностью произвел в окно гаража мистера Джил-лета трехлетний нападающий. Виновник происшествия, назвавшийся Рори Киллили, был задержан, но тут же отпущен.

Джимми объяснил, что причиненный ущерб должен быть возмещен. Рори согласно кивнул.

— Дай мне деньги, я их отнесу.

— Это должны быть твои деньги, — объяснил Джимми. — Давай-ка посмотрим, хватит ли в твоей копилке.

— Нет, папочка, нет. Это же на цирк.

— Эти деньги больше не твои, — сказал Джимми, — ты должен их мистеру Джиллету.

Рори с протестующими криками бросился следом за отцом в детскую. Прежде чем дверь закрылась, я услышала слова Джимми:

— Давай сядем и поговорим. Я хочу, чтобы ты понял.

Немного позже они вышли, и Джимми шепнул мне:

— Все в порядке... Он очень умный для своих лет, он все прекрасно понял.

Джимми вышел из комнаты, а Рори подошел и посмотрел на меня большими серьезными глазами.

— Я извинюсь перед мистером Джиллетом, — сказал он. — Я не могу дать ему папины деньги. Я дам свои.

— Молодец, — похвалила я.

— А потом, — радостно продолжал он, — когда я вернусь, ты дашь мне твои деньги для копилки.

Джимми оказался прав. Рори очень умен для своих лет.

Кроме того, он был любопытен, разговорчив и имел явную склонность к подражанию.

В городке прокладывали трубы — строили дорогу к Вейл-плейс. Лишь спустя некоторое время я связала это со странным запахом изо рта Рори. К такой мысли меня привело то, что он ежедневно приходил оттуда к обеду и совершенно потерял аппетит. Я начала следить и обнаружила, что, когда в двенадцать часов раздавался свисток на обед, Рори тут же отправлялся к Вейл-плейс. Однажды я оставила Карен с Мари и отправилась следом за ним. В лучших традициях детектива, я держалась на безопасном расстоянии и пряталась за деревьями и оградами. Выглянув из-за угла, я увидела рабочих, расположившихся обедать на лужайке и разворачивающих свои «веджи». Для тех, кто не знает (а таких можно только пожалеть), веджи — это супербутерброд. Он делается из целого батона, разрезанного вдоль, внутри которого находятся гастрономические чудеса, способные возбудить любой угасший аппетит. Копченое мясо, жареная колбаса или котлеты, обильно приправленные специями, чесноком, перцем и луком.

Рори устроился на траве рядом с одной из групп. Он оживленно болтал и внимательно наблюдал за появлявшейся из свертков снедью. Наконец, приняв решение, он сел рядом с пожилым рабочим, на коленях у которого разместилась внушительного объема трапеза. Было ясно, что Рори ничего не просит, но не вызывало сомнений и то, что все это продолжается уже давно и просить нет никакой необходимости. Его компаньон достал нож, отрезал пятую часть своего бутерброда и дал Рори. Время разговоров кончилось, и он молча принялся за еду. Никогда он не ел бараньи отбивные с жареной в масле картошкой и зеленым горошком с таким удовольствием, как эту немудрящую еду.

Наш тостер испустил дух еще год назад, и поскольку моя мама часто приезжала к нам на выходные, ей скоро

надоели дымовые завесы, которые мы устраивали каждое утро, пытаясь сделать тосты в плите. Такие тосты очень вкусны, только делая их нельзя отвлекаться, иначе получатся одни угольки. Но почему-то никто из нас не мог сосредоточиться на приготовлении тостов и не отвлекаться, поэтому мама предпочла подарить нам замечательный новый автоматический тостер. Три дня он работал безукоризненно, а на четвертый, вместо того чтобы выдать тосты, испустил струю удушающе-едкого дыма. Джимми поспешно отключил его, схватил полотенцем и вынес на улицу. Я посмотрела на то место, где стоял тостер. Там растеклась черная липкая масса. Я показала ее Джимми.

— После войны разучились делать хорошие вещи, — сказала я. — Вся изоляция расплавилась.

— И воняет, — добавил Рори.

— Я выясню, где мама купила его и верну туда же.

— Я чувствовал себя круглым дураком, — рассказывал Джимми два дня спустя. — Оставляя тостер, я прочел целую лекцию об ответственности за свои изделия. А когда вернулся за ним сегодня, мне сообщили, что тостер в полном порядке, просто он не предназначен для поджаривания карандашей.

Карен смеялась до слез. Мы с Гло изо всех сил старались сдерживаться, пока Джимми не начал выяснять отношения с Рори. Это было уже слишком. И хотя отец был просто возмущен, мы не могли не смеяться. Рори почтительно выслушал отцовскую лекцию и, когда тот спросил:

— Ну теперь ты понял? — ответил:

— Да, папа. Теперь я понял, почему карандаши не высказывали обратно.

Словарный запас Карен продолжал быстро расти (мы все помогали этому, как могли), и когда речь Рори начала неожиданно и бурно развиваться, он очень много слов позаимствовал у нее. Он не «хотел есть», но «был голоден»; говорил «отвратительный» вместо «плохой». Не раз во время болезни Мари я отправляла его «посетить»

ее. Он выговаривал не все звуки, и в его устах эти «умные» слова звучали просто очаровательно.

Однажды невыносимо жарким утром я сидела дома с Мари, Карен играла во дворе с соседской девочкой, Рори я оставила с ней. Вдруг она позвала меня и сказала, что Гретхен видела, как Рори только что перешел Рей Бич Авеню. Я бросилась за ним и привела домой. Мы категорически запретили ему переходить через дорогу, поэтому я была в соответствующем настроении. Карен тоже набросилась на него с упреками и сердито сказал:

— Ты же знаешь, что тебе нельзя переходить через дорогу.

— А я и не переходил.

Карен возмутило это откровенное вранье.

— Нет, переходил.

— Нет, не переходил.

— Я же сама...

— Ну-ка, подождите, — вмешалась я в затянувшийся диалог. — Если ты не переходил через улицу, как же ты оказался на другой стороне?

— Мимо меня проходил добрый гном. Он меня поднял и — и я оказался на другой стороне.

Его проделки были так непредсказуемы, что в то лето ни Карен, ни Мари не получили моего внимания в достаточном количестве. Джимми старался помочь и брал Карен по вечерам на пляж, прежде чем отправлялся на свою вечернюю работу, а Глория старалась по вечерам и в выходные побольше времени проводить с Мари. Когда Гло не было дома, а мне нужно было срочно что-то сделать, я переносила пишущую машинку в комнату Мари.

Некоторые из проделок Рори недешево обошлись нам. Например, когда он взял шланг и полил у соседей через окно цветы, стоявшие в гостиной. Хозяев в этот момент не было дома, и случившееся обнаружили только на следующий день. Ущерб, разумеется, пришлось возместить.

Мы покупали специальную глину для Карен и Мари. У Мари были ловкие умелые пальчики, и она многому

научила сестру. Занимаясь лепкой, Карен развивала и руки и пальцы. Не урок, а игра. И откуда же мог знать бедный Рори, что те похвалы, которые мы щедро расточали девочкам, отнюдь не достанутся ему, если он слепит такие же фигурки и расставит их на горячем радиаторе машины Джорджа Лэнглоха. Откуда он мог знать, что глина растечется и на блестящей вишневой поверхности останутся несмываемые пятна?

То лето было жарким и долгим. Джимми похудел на девять фунтов, и я очень беспокоилась за него. Мари стала капризной и раздражительной, больше всего, мне кажется, оттого, что никто не мог сказать — сколько ей придется еще лежать. Рори обнаружил, что дисциплина слишком тяжело давит его просыпающийся интерес к поискам нового, к разным приключениям. А Карен — Карен ждало тяжелое испытание, продлившееся много месяцев.

Она выросла из старого корсета и в июне получила новый. С самого начала выяснилось, что он ей не годится. Невозможно было и ездить все время на подгонки. Джимми не мог часто оставлять работу, да и сами поездки обходились слишком дорого. Триста долларов пришлось заплатить за корсет и специальную обувь, да еще расходы, связанные с болезнью Мари. К тому же резко возросла стоимость жизни.

Даже если бы мы решили заняться производством корсетов, и в этом случае не смогли бы изучить это дело доскональнее. Мы узнали решительно все, что только возможно, о металле, коже, оборудовании и технологии. Мы также выяснили, что в этой отрасли наука значительно отстает от общего прогресса.

Лу Уайтон, ставший за последний год нашим близким другом — сначала в силу своего интереса к ДЦП, а потом из-за любви к Карен — заинтересовался этой проблемой. Когда Джимми был занят или наш форд совсем отказывал, Лу откладывал свои немалые деловые обязанности и вез нас на поиски, круг которых все расширялся и расширялся.

Мы попробовали несколько мастерских поблизости (в радиусе тридцати пяти миль), но получилось только хуже. Наконец, мы нашли в Бруклине человека, имевшего опыт работы с корсетами для больных церебральным параличом. Все лето мы каждую неделю совершали эту семидесятимильную поездку. Сорок из них — по забитому транспортом центру Нью-Йорка и Бруклину. Через полчаса после отъезда машина раскалялась до красна. На узких улицах или в транспортных пробках не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка. По приезде Карен приходилось иногда по часу ждать в крошечной, не вентилируемой комнате. Она лежала на столе, пока делались точные измерения или подгонялись металлические части. Она покорно терпела, когда на нее по несколько раз надевали и снова снимали корсет. И никогда, ни разу — ни одной жалобы.

В жаркую погоду мешает даже идеально подогнанный корсет. Он начинается с тяжелых, высоких ботинок с металлической пластиной в подошве. Корсет вставляется в специальные отверстия по сторонам ботинка, и пластины идут по сторонам ноги до пояса.

Один ремень идет вокруг лодыжки, поверх ботинка. Кожаный манжет в три дюйма шириной под икрой. Дальше — коленная подушечка (щиток), десяти сантиметров высотой и пятнадцати шириной. Следующая (десять на двадцать сантиметров) манжета на бедре. Выше нога свободна, за исключением металлической полосы пояса. Сам пояс — тоже жесткая металлическая полоса семь сантиметров шириной, обтянутая кожей, которая охватывает три пятых талии, а впереди стянута кожаным ремнем. Спинные (позвоночные) шпильки идут от пояса до лопаток и там прикрепляются к парусиновым ремням, пропущенным под мышками, где тоже сделаны кожаные прокладки. Все вместе это весит тридцать фунтов. От ботинок до плеч четырнадцать ремней и четырнадцать пряжек. Бессмысленно рассказывать здесь о технических трудностях, таких как внутренняя ротация, слабые ягодичные мышцы и так далее, которые этот корсет должен

помочь исправить. Карен понимала смысл каждого мучительного сантиметра, понимала и принимала.

Хорошо подогнанный корсет не должен причинять боль. Но мы никак не могли подогнать свой. У Карен даже появились потертости. Они были уродливые, болезненные, да еще разъедались потом, который под манжетами не испарялся. Такие потёртости были у нее на лодыжках, на внутренних сторонах коленей и бедер. Утром и вечером мы протирали в этих местах кожу бензоином⁵, чтобы хоть немного задубить ее, но потертости все равно появлялись. Когда кожа трескалась, мы уже не могли использовать бензоин — ссадины слишком сильно жгло. Кроме того, корсет оставлял не слишком красивые следы. На пляже мы, разумеется, снимали его, и как-то Карен с грустью призналась:

— Знаешь, мамочка, меня так смущают эти уродливые желтые пятна на ногах, которые остаются от кожаных ремней.

Через два дня, когда мы вернулись домой после одной из ужасных поездок в Бруклин, к нам зашел Лу и выяснил, что мы опять ничего не добились.

— Да, хорошенькое дельце. Это просто преступление, вот что я скажу. Ребенок столько работает, преодолевает такие трудности, чтобы достичь поставленную цель, а ей не могут даже помочь.

— Она лишь одна из многих, — напомнила я. — Есть тысячи детей, у которых корсеты еще хуже.

— Однако этого достаточно, чтобы человека тошнило каждый раз при слове «прогресс».

Я любила Лу за то, что он так любил нашу дочь.

— Инженеры, вот что нам нужно, — взорвался он, — это как строить мост. Один решает, что нужен мост, где и почему. Другие знают, как использовать металл и другие материалы, но только инженер может объединить их усилия. Именно таким я вижу решение этой проблемы.

⁵ Ароматическое вещество, которое добывается из дерева, растущего в Юго-Восточной Азии.

Необходим человек, который понимает цели и задачи врача и может объяснить тому, кто изготавливает корсеты, что и как именно нужно делать. Это работа для инженера. Я инженер, но я много лет не работаю по специальности и не могу помочь. Надо найти таких инженеров, которые могут и хотят это сделать.

В конце концов, такую работу даже самые лучшие специалисты должны выполнить бесплатно.

Сейчас, три года спустя, когда я пишу эти строки, мы, как и многие другие, по-прежнему ищем решения проблемы с корсетом. И все-таки это дало какой-то положительный результат. Мы поняли, что для решения проблемы ДЦП основным направлением должны быть научные исследования. Корсеты — это всего лишь один из многих вопросов. Почему, например, практически все врачи тратят все силы на борьбу с последствиями болезни, вместо того чтобы провести исследования и принять все меры к искоренению ПРИЧИНЫ? Что это за наука, которая занимается лечением симптомов, игнорируя причину заболевания? Чем в первую очередь озабочен врач — придумать крем, чтобы замазать сыпь и уменьшить зуд, или найти инфекцию, их вызывающую? Подход многих врачей к ДЦП противоречит здравому смыслу.

Иногда, словно лучи света темную воду, это мрачное лето пронизывали счастливые и радостные события.

Как-то в мае, в воскресенье, мама приехала посидеть с Мари, чтобы мы могли устроить пикник на пляже с остальными детьми. На берегу едва ли набралось бы десятка три купальщиков. Был отлив, и там, где кончалась полоса песка, блестела на солнце коричневая грязь. Ветерок ласково обдувал наши руки и ноги, гнал на берег ленивые волны. Яичный салат и бутерброды с арахисовым маслом имеют совсем другой вкус, когда их ешь на теплом песке пляжа.

Мы строили замки и туннели, лепили пирожки. Шен-ти с восторгом бросался за кусками дерева, которые мы бросали в воду, а вернувшись, обдавал нас каскадом брызг.

Мы устроили соревнование — чей камешек сделает больше «блинчиков». Победил папа.

Часам к пяти солнце стало терять свое тепло, в воздухе повеяло прохладой. Мы с Джимми собирали вещи, ребяташки играли с приливом. Проходившие мимо мужчины и женщина остановились поговорить с ними. Слова отчетливо доносились до нас.

— Ах ты, бедняжка! — жалостливым голосом произнесла женщина, обращаясь к Карен.

Карен слегка отодвинула костыль, выпрямилась и посмотрела на них.

— Наверное, это ужасно — все время носить корсет, — сказал мужчина.

Джимми направился было в их сторону, но я схватила его за руку.

— Пусть Карен сама разберется, — прошептала я.

— Бедное дитя, — повторила женщина.

— А почему? — с любопытством спросила Карен.

Растерянная Глория молча стояла рядом. Я осторожно перебралась за спину этой пары, откуда можно было подать Гло знак. Она покраснела от гнева и шагнула вперед, положив руку на плечо Карен. Но, прежде чем она открыла рот, я отчаянно замахала руками, чтобы привлечь ее внимание, и выразительно приложила палец к губам. Глория бросила на меня возмущенный взгляд, но я покачала головой, и она промолчала.

— Почему? — повторила Карен, не получив ответа.

— Ну — ну, потому — потому что... — женщина явно растерялась.

Мужчина сделал несколько шагов назад, к воротам пляжа.

— Наоборот, мне повезло, — сказала Карен. — Вы просто не понимаете.

Они ошарашенно уставились на нее.

— Понимаете, — терпеливо принялась объяснять Карен, — мои глаза видят, уши слышат, говорить я могу, не хуже других. Мама говорит, лучше некоторых взрослых.

Немного согнувшись, чтобы сохранить равновесие, она подняла костыль и помахала им:

— До свидания!

В пашем саду выросло несколько волевых цветов, и мы их оставили. Да и что может быть лучше ромашек или белого кружева цветков дикой петрушки.

Однажды июньским вечером Джимми не было донна, а Рори и Карен играли во дворе. Мы приготовили банки и ждали последние минуты, чтобы идти ловить светлячков. Мы собирались отнести их в детскую и полюбоваться на огоньки, прежде чем снова отпустить — каждый понесет с собой в ночь детское желание. На западе собирались удивительные грозовые тучи, и мы выискивали в их очертаньях самые разные фигуры. Карен гуляла сама по себе, а мы с Рори продолжали наблюдать за постоянно меняющимися облаками.

Я встала, стряхнула с себя траву и, обернувшись, увидела, что сзади меня стоит Карен.

— Я тебе что-то принесла, — сказала она с такой интонацией, когда говорила, сделав что-то интересное.

Она перенесла вес тела и гордо подняла левый костыль. Она не держала перекладину крепко, как всегда, — между пальцами у нее висела ромашка.

Мари, когда она сорвала и принесла мне первый цветок, было одиннадцать месяцев, Рори — семнадцать, Карен шести недель не хватало до восьми лет.

Появились светлячки, и, пока мы с Рори гонялись за ними, Карен держала банку. Я забежала за дерево и неожиданно наткнулась на сына. Он стоял неподвижно и глядел на небо сквозь зеленое кружево ветвей. Мы вдыхали аромат цветов и скошенной травы. Стоя все так же неподвижно, он глубоко вздохнул и произнес:

— Это все Божье достояние.

На следующий день мы снова отправились в Бруклин, и когда вечером я добралась до постели, то от усталости не могла уснуть. В начале третьего я наконец уснула, но была разбужена странным звуком. У меня было ощущение, что он продолжается уже некоторое время.

Я послушала еще несколько минут и отправилась на разведку. Войдя в детскую, я обнаружила, что Карен сидит на кровати, чрезвычайно довольная собой.

— Что ты делаешь? — прошептала я.

— Только что сходила в туалет.

До моего затуманенного сном мозга не сразу дошло значение ее слов.

— Что ты сделала? — воскликнула я.

— Сама сходила в туалет. Я решила, что папе нужно поспать. Я вообще не буду его больше звать. Я все могу делать сама.

На следующий день я предложила Карен проявить такую же независимость в дневное время. Штанишки несколько осложняли процедуру, но она старалась как можно больше сделать самой. Я старалась подгадать так, чтобы этой деятельностью она занималась, будучи в ночной рубашке. Выбраться из кровати, дойти до туалета и, сделав все, снова вернуться в кровать — на это уходило немногим более получаса.

Когда было слишком жарко, чтобы играть на улице, Карен с Рори подолгу лечили кукол, занимались с ними физиотерапией. Если я в этот момент входила в комнату, на меня шикали и предупреждали, чтобы «не отвлекала ребенка».

Что касается физиотерапии самой Карен, мы с Джими решили, что во время пассивных упражнений ей пора привыкать к разного рода отвлечениям. Мы учили ее движениям, которые ей придется выполнять не в тихой комнате, но среди шума и суеты. Мы всегда думали о том, что Карен пойдет в школу, и там ей понадобятся навыки ходьбы, а несколько сотен ребятишек не будут тихо стоять вдоль стен и дожидаться, пока Карен дойдет до класса. Поэтому мы начали приглашать соседских ребят заходить к нам во время занятий физиотерапией. Некоторым я разрешала помогать; их любопытство, интерес, желание принять участие почти ежедневно обеспечивали нам аудиторию. Сначала это было сложно для Карен, но постепенно она привыкла и научилась не отвлекаться,

не нарушать обычного ритма, когда дети входили в комнату или выходили.

Все, что мы делали с ней, она делала со своими куклами. С возрастом ее любовь к маленьким детям еще усилилась. В первые выходные июля мама повела Карен и Рори в Плейленд. Это большой красивый парк со всевозможными аттракционами и развлечениями. Мама была без сил, в течение трёх часов выполняя все их желания.

— Ну как, понравилось? — спросила Глория Карен после возвращения.

Мама рухнула на диван, не в силах пошевелиться.

— Ох, до чего же здорово было! — сказала Карен.

— А что понравилось тебе больше всего? — поинтересовался Джимми.

— Я видела совсем маленького ребенка, — без колебаний ответила Карен.

— Боже милостивый! — только охнула мама.

ГЛАВА 25

Груз обязанностей, связанный с ДЦП, становился все тяжелей и тяжелей. На втором ежегодном собрании Ассоциации ДЦП штата Нью-Йорк присутствовало девятнадцать групп. То же, что в Нью-Йорке, делалось во многих других штатах. Родители объединялись. Несколько человек упорно работали над активизацией деятельности общенациональной организации. Для начала наша ассоциация штата планировала в феврале 1949 года провести первую общенациональную конференцию по проблемам ДЦП. Вся работа ассоциации велась на общественных началах.

Мы нередко получали напоминания о необходимости такой работы. Большинство людей по-прежнему считали, что дети, больные церебральным параличом, должны быть изолированы от общества. После первого причастия Карен кое-кто поговаривал:

— Это просто возмутительно, как эти Киллили выставляются со своим ребенком.

Другие заявляли:

— Сразу видно, что им наплевать на детей — посмотрите, как они себя ведут.

Или:

— Выпускать такого ребенка гулять одного! Что это за мать?

Или:

— Ездит в Сиракузы, оставляет детей!

Или:

— Этого ребенка надо поместить в специальное заведение. Ни за что не позволю своему ребенку играть с ней. Откуда я знаю, почему она такая?

Многие важные виды познавательной деятельности, например поход в зоопарк, были пока вне наших возможностей. Форду становилось все хуже и хуже.

Двадцать пятого мая была четырнадцатая годовщина нашей свадьбы. Мама должна была приехать к половине седьмого. Когда она не появилась в семь, мы заволновались, поскольку обычно она отличалась исключительной пунктуальностью. В восемь от нее не было ни слуху ни духу; к половине девятого мы были в панике. Она появилась без двадцати девять. Я была счастлива убедиться, что она цела и невредима, но лишь с большим трудом удержалась и не рассказала, что я о ней думаю.

Дети остались без праздничного ужина и в слезах были уложены в постель. Теперь они дружно вопили и звали бабушку.

— Поднимите их, — сказала она.

— Что? Уже почти девять.

— Мой подарок на улице, и я хочу, чтобы вы увидели его все вместе.

Дети услышали ее слова и, не дожидаясь моей команды, кубарем скатились вниз. Умиряющая от любопытства Мари металась в кровати.

— Джимми, почему бы тебе не посадить Мари в это кресло у окна? — предложила мама.

Удивленный Джимми безропотно повиновался. Мы все вместе сгрудились возле двери, и мама широко распахнула ее. Напротив ворот стоял остин-седан.

— Желаю счастливого праздника.

Я подумала, что эти слова не совсем точно выражают наши чувства.

Мы окрестили новую машину «Полпенни» и, оставаясь по очереди с Мари, стали возить Карен на экскурсии. Джонс Бич, Роздейл Стейблз — покататься на пони, зоопарк, пикник в сосновой роще на берегу Рей-лейк или же просто прогулки за город. Мари радовалась за Карен, но нередко расстраивала нас приступами острой жалости к самой себе.

Меня почти пугает, когда какая-то проблема наконец решается, потому что перед нами тут же возникает какая-то новая. И на сей раз мы тоже не отступили от правила.

Первого августа мы вступили в конфликт с Законом.

Шенти постоянно находился при Карен. Однако во время ее дневного сна у него было два свободных часа. Вполне логично, что он желал в это время немного освежиться. Закон был тоже логичен и требовал, чтобы с первого июня по пятнадцатое сентября собак на пляже не было. Стоило мне отвернуться, как пес с полным небрежением к законам отправлялся купаться. Домой его приводили соседи либо служащий пляжа звал меня. Шенти регулярно наказывали, но он, видимо, считал, что игра стоит свеч, и опять принимался за свое.

Как-то раз мы с Карен только что вернулись из Бруклина, и тут зазвонил телефон. Звонили из полиции. Шенти посадили в кутузку. Дети ужасно расстроились, и, прежде чем отправиться за собакой, мне пришлось успокаивать их. Я привезла его и привязала. За десять дней он перегрыз все имевшиеся у нас веревки и цепи. Карен приходилось все время держать во дворе. Она скулила, и Шенти скулил вместе с ней. Понятно, что соседей раздражал этот постоянный шум. Я была вынуждена посадить его в подвал, и к моим обязанностям прибавилась еще одна — выгуливать собаку. Но Шенти все-таки вырвался. Кейви пришла посидеть с детьми, а я отправилась на поиски. Пса нигде не было. Естественно, в полицию я звонить не стала, но в девять часов они позвонили мне сами.

Сержант, имени которого я не назову, потребовал:

— Заберите вашу... собаку.

— Да, сэр.

— И еще вам придется оплатить счет за дезинфекцию, — злорадно добавил он. — Ваша... псина напустила тут блох.

Если бы не то, что Карен не могла обойтись без этой... псины, мы бы давно отослали его куда-нибудь на ферму. Если бы не это, я не отправилась бы к врачу выяснять, почему он хромает, и не пошла бы потом в аптеку.

Вернувшись домой, Джимми с удивлением обнаружил на столе в кухне множество коробочек, бутылочек и счет: семь долларов восемьдесят пять центов.

— Ну что еще? — спросил он, обессилено опускаясь на стул.

— Это для Шенти, — радостно пояснила Карен, прежде чем я успела раскрыть рот. — У него в организме не хватает кальция и витаминов. И еще ему нужны лекарства.

Джимми раскрыл рот и стал глотать воздух, как умирающая рыба. Призвав на помощь все свое обаяние, Карен нежно улыбнулась ему.

— Он так много делает для меня. Он стоит этих денег. Правда, папочка?

Отец посадил ее на колени, накрутил ей на нос косичку, сделав из нее «усы», потом чмокнул дочку в затылок и сказал:

— Да, детка, конечно, стоит.

Первое сентября 1948 года было трудным днем и для Карен, и для Мари. И в одиннадцать, и в девять лет очень грустно, когда все твои друзья отправляются в школу, а ты одна остаешься дома. Карен была еще более безутешна, потому что расписание уроков Мэри Робардс никак не давало ей возможности приходить к нам заниматься с Карен. Только через шесть недель после начала школьных занятий удалось найти для нее нового учителя.

Мне сообщили, что ее зовут миссис Оуэн, и она имеет соответствующую квалификацию.

Но когда новая учительница пришла к нам, я встретила ее удивленным возгласом:

— Бетти Бигль! Что ты здесь делаешь?

— Мари Лайонс! — воскликнула она, удивленная ничуть не меньше.

Мы были знакомы с детства, но уже лет десять ничего не знали друг о друге.

Бетти и Карен моментально нашли общий язык. Бетти подходила для этой работы больше, чем можно было бы предположить. Ее собственная сестра была больна церебральным параличом, и это давало Бетти столь необходимые понимание и сочувствие. У нее

был не только талант педагога, но еще талант любить и вызывать ответную любовь. Под ее руководством Карен стала делать быстрые успехи. Во всем, кроме письма. Казалось, она никогда не научится пользоваться карандашом.

— Научи ее печатать на машинке, — предложила я Бетти.

— Ну уж нет, — твердо заявила она. — Я считаю, что она может научиться писать карандашом, и не намерена делать ей поблажки.

Я подчинилась ее решению, но время шло, и мне стало казаться, что она все-таки ошибается.

Бетти попросила меня достать все, что можно, об обучении детей, больных ДЦП. Наша ассоциация штата составила библиографию. Материала, учитывая размеры проблемы, было очень мало. Бетти настойчиво, жадно училась. Однажды, с безнадежным сожалением, от которого у меня ком стал в горле, она сказала:

— Моя сестра родилась на двадцать лет раньше, чем следовало бы.

— И сколько еще других, — ответила я.

— Бот поэтому я благодарна возможности заниматься с Карен.

С самого начала она стала вести дневник Карен. Карен занималась все усерднее, но я не видела никаких сдвигов в ее занятиях. Сказать, что Бетти удивили словарный запас и речь Карен — значит ничего не сказать. Она была потрясена. Всевозможными средствами она старалась побудить Карен писать маленькие стихотворения. Первые опусы не давали надежды, что из нее выйдет новая Френсис Томпсон, но они нам нравились.

Мой котенок Юм-Дум

Я люблю ее, она милая.

Шкурка у нее пушистая и белая.

И урчит, как кофеварка,

Весь день напролет.

Это так она поет,

Мари снова занималась с Карен, и снова это шло на пользу им обеим.

Пришло время для Карен иметь свои обязанности. Я закрепила за ней пол и коврик в комнате Мари.

— Мари помогает тебе, а теперь и ты сможешь что-то сделать для нее, — сказала я.

Она подметала, стоя на одном костыле и прислонившись к чему-нибудь — к кровати, к комоду. На коврик попадало изрядное количество пыли, но от этого пылесосить было еще интереснее. Пылесосом она орудовала таким же образом. Карен требовалось немало усилий, чтобы возить пылесос, изменять направление движения и одновременно сохранять равновесие. Нередко она падала. Ухватившись за кровать с трудом вставала, звала меня дать ей в руки шланг и снова принималась за дело. Иногда пылесос вырывался и налетал на шкаф или стул. Скоро вся мебель в комнате была в отметинах, но это теперь не казалось таким важным, как когда-то раньше.

Питер, старший сын Кейви, стал нашей опорой. В девять лет этот мальчик мог исправить больше вещей, чем средний взрослый мужчина. Он завел близкое знакомство с мастерской Джимми и обращался с инструментом умело и с любовью. Теперь, когда из костылей Карен вываливались болты, гайки или еще что-нибудь, нам не надо было усаживать ее в кресло и ждать возвращения отца.

— Не волнуйся, Карен, — утешал ее Рори, — Питер все исправит.

Мари создала очень славную традицию, которая сохраняется у нас до сих пор. Когда я куда-то отправляюсь по делам ДЦП, она зовет малышей к себе в комнату и говорит:

— Давайте помолимся, чтобы у мамы все получилось.

Карен опускается на пол, Рори встает на колени возле кровати, складывает ручки, закрывает глаза и очень серьезно произносит:

— Господи, пожалуйста, помоги маме помочь **другим** детям.

Что нам помощь необходима, и чем раньше, тем лучше, подтверждала пачка вырезок из газет от Флориды до Мичигана, рассказывавших о родителях, которые от отчаяния и беспомощности убивали своих детей, больных ДЦП.

Были и бесконечные рассказы о героизме. Я встретила в Вашингтоне умную и благородную женщину, мать четырнадцати детей, воплотившую веру, решительность и беззаветную храбрость многих. Семья была очень бедна, и дети не могли получить образования. Муж умер, когда младшему, больному ДЦП, не было и четырех лет. Ближайшим учреждением, где ее ребенку могли оказать помощь, была ортопедическая клиника почти в трех милях от ее дома. Денег на дорогу не было, и в течение четырех с половиной лет она дважды в неделю на руках носила туда сына.

Много раз мы чувствовали себя такими уставшими и измученными, что готовы были все бросить.

— Мы долго и напряженно работали, помогли организовать движение ДЦП. Теперь нам нужен отдых. Пусть продолжают другие, — так пытались мы оправдать свои намерения.

Но тут опять наталкивались на какую-то новую ситуацию с Карен или читали в газете о матери, бросившей своего больного ребенка, и снова с удвоенной энергией принимались за работу.

Без Глории я ничего не смогла бы сделать. Она вела корреспонденцию, писала отчеты, занималась всей документацией и, кроме того, по вечерам и в выходные помогала стирать и гладить. Уже за одно это ей уготовано царствие небесное.

Я наделала кучу ошибок, но от многих меня спас Чарли Харвид. Он многому научил меня и, быстро разобравшись в моем характере, сразу дал мне один хороший совет:

— Помни, Мари, очень часто самое лучшее, что можно сделать, — это промолчать.

Составлением отчетов о поездках мы занимались всей семьей, и дети начали получать широкое общее

образование, которое еще пригодится им в будущем, Больше всех нравилось читать такие отчеты Мари. Не видя этих людей, она могла узнать и полюбить их. Ее социальная зрелость и знание географии намного превышали наши в таком возрасте.

Проблема с корсетом была далеко еще не решена, но к ноябрю, после бесконечных переделок, удалось, наконец, вылечить потертости. Мы можем лишь предположить, что это значило для Карен.

Следующим вопросом были ее зубы. Они были красивые и крепкие, но на двух я заметила темные пятна. Наш дантист жил в Скарсдейле, и в последние год-полтора из-за хронически поломанного форда мы не могли туда съездить. Испробовали несколько других врачей, живущих поблизости, но безуспешно. Зубным врачам оказалось сложно работать с Карен, поскольку они не уделяли должного внимания ее эмоциональному состоянию, а я в одиночку этого сделать не могла. В незнакомом месте, посаженная в зубо врачебное кресло и окруженная шкафами с блестящими инструментами, с какими-то устрашающими приспособлениями, она впадала в панику. Ее обычная напряженность возрастала многократно, и челюсть намертво сводило от ужаса. Когда не получалось у одного врача, мы пробовали другого. Трое подряд сказали мне после первого же визита:

— Мне очень жаль, миссис Киллили, но у меня такое плотное расписание приемов, что я просто не в состоянии принимать трудного пациента, требующего так много времени.

Я поинтересовалась у других родителей и выяснила, что у них было то же самое, а тем, чьи дети болели атетонидной формой ДЦП с произвольным движением мышц лица, к тому же говорили:

— Не приводите больше ко мне своего ребенка. В приемной он смущает остальных больных.

Наконец в Нью-Йорке, в двадцати девяти милях от дома, мы нашли доктора Стефена Джексона. У многих его коллег вызывает недоумение, что доктор Джексон

любит работать с детьми, больными ДЦП. До тех пор пока Джо Мазаччо не начал работать в Рей, каждый раз, чтобы попасть к зубному врачу, нам приходилось проезжать пятьдесят девять миль.

В конце ноября Джимми заболел.

— Главным образом — переутомление, — было мнение врача, — если хотите не дожить до сорока, действуйте так и дальше.

Джимми рассердился на врача, назвал его паникером, но в глубине души испугался.

— Ваш организм не может выдержать такую нагрузку, — настаивал врач, — да и ничей не смог бы. Вы не слишком-то дальновидно ведете себя по отношению к Мари и детям. Хорошенько подумайте об этом.

Джимми подумал и вернулся к двенадцатичасовому рабочему дню. Теперь ему не надо было уходить из дома по вечерам, и он настоял, что будет заниматься с Карен физиотерапией. Я подождала, пока он стал хорошо себя чувствовать, и с радостью передала ему свои обязанности.

Однажды утром я вдруг поняла, что до Рождества осталось две недели, а у меня еще ничего не готово.

— Даже не знаю, что дарить Мари, — подумала я. — Ночных кофточек у нее хватит на сто лет, а книги есть почти все.

Мое беспокойство было напрасным. Восемнадцатого декабря Мари объявили «выздоровевшей». Денег у нас было не ахти сколько, зато счетов за медицинские услуги все больше и больше, но все это не имело значения. Мы знали, что она выросла, пока лежала в постели, но не думали, что настолько. Когда Мари встала, оказалось, что она ростом с Глорию.

Планировка нашего дома, с жилыми комнатами, разделенными высокими крутыми ступенями, была для нас вечной проблемой, и постоянно носить по этим ступеням Карен вверх и вниз становилось все труднее и труднее. Нам нужен был дом, где бы на первом этаже, кроме гостиной, кухни и кабинета, находились бы еще спальня

и ванная. Но будущее нам в этом плане не сулило никаких надежд.

У Глории был друг по имени Расс Ли, ростом почти два метра и добротой ничуть не меньше его самого. Это был очень умный и веселый юноша. Он работал оператором на телевидении, иногда по ночам, и это давало ему возможность бывать днем дома. Расс жил недалеко от нас и очень любил играть с Карен и Рори. Он проводил с ними очень много времени.

Задолго до Рождества мы поняли, что дети что-то задумали. Все четверо.

Рождественское утро наступило, как обычно, слишком рано. Расс, благослови его Боже, пришел без четверти шесть, чтобы снять на киноплёнку детей у елки с подарками. Мы отправились к мессе, вернулись домой, позавтракали, и часов в одиннадцать Джимми спросил:

— А что же все ваши тайны?

То, что наши дети умирают от желания показать свой сюрприз, было совершенно очевидно. Как и то, что все трое внимательно следили за Рори, чтобы он не проговорился. Перебивая друг друга, они стали объяснять, что нужно подождать, пока вернется Расс — он тоже в этом участвует.

Расс пришел в четыре часа, и я заметила, что под пальто у него спрятана какая-то коробка. Он вел себя так загадочно, что мне стало интересно. Это не были рождественские подарки — ими он осыпал нас еще утром. Мы знали, что он участвует в сюрпризе, но никак не могли понять, при чем тут коробка. Дети велели нам с Джимми сесть на верхнюю ступеньку. Расс исчез вместе с ними внизу в столовой. Их возбуждение оказалось заразительно. Из столовой доносился приглушенный смех и разговор. Мы подождали минуту-другую, и Джимми закричал:

— Давайте побыстрее, мы умираем от любопытства.

— Сейчас! — крикнули нам в ответ.

У подножие лестницы появилась Глория и, подняв Карен, поставила ее на нижнюю ступеньку, боком к стене

и перилам. Мы смотрели в изумлении. Карен крепко ухватилась за перила, медленно подняла правую ногу и поставила ее на следующую ступеньку, изо всех сил держась за перила. Она подтянула левую ногу и поставила ее рядом с правой. Глория держалась за спиной Карен, Расс, Мари и Рори стояли внизу и подбадривали ее радостными криками. Через двадцать минут Карен оказалась на предпоследней ступеньке. Сделав, наконец, последнее усилие, она повернула к нам сияющее личико и со словами:

— Счастливого Рождества! — бросилась в протянутые к ней руки Джимми.

— Счастливого Рождества! — дружно завопили остальные.

Джимми отнес Карен в гостиную, все смеялись и говорили, перебивая друг друга. Все, кроме меня. Я, как обычно, плакала. Расс подошел к шкафу, достал белую коробку и с поклоном протянул ее Карен. Джимми помог открыть коробку и достал оттуда букет орхидей, который прикалывают к платью.

— О Расе! — Карен обняла его.

— Это за то, что поднялась по лестнице — сама, — сказал Расс с подозрительным блеском в глазах.

Я достала из оберточной бумаги карточку.

«Лучшей в мире девочке, — было написано там, — с любовью. Твой самый горячий поклонник».

Когда вечером мы, взрослые, уставшие, но счастливые, сидели у камина, Джимми сказал:

— Неисповедимы пути Господни. Если бы мы могли купить такой дом, о котором мечтали, Карен, может быть, никогда бы не научилась ходить по лестнице.

В феврале 1949 года состоялась первая общенациональная конференция по проблемам ДЦП. Мы пригласили врачей, занимающихся ДЦП и смежных специальностей. Кое-кто советовал нам не проводить эту конференцию, другие поддерживали нас; самые оптимистичные считали, что удастся собрать от тысячи до тысячи пятисот человек. Решая вопрос размещения гостей, мы сделали

правильный выбор и обратились в отель «Статлер». Там встретили нас с распростертыми объятиями. Судя по тому, как нас обхаживали, можно было подумать, что мы самые богатые из их клиентов.

О самой конференции можно было бы писать отдельную книгу. Достаточно сказать, что после трех дней и ночей лихорадочной деятельности перед ее открытием, выяснилось, что общее число участников и представителей медицины насчитывает двенадцать тысяч человек из всех штатов и восемнадцати стран.

Эта конференция оказалась крупным шагом на пути к решению многовековой проблемы, и одним из самых важных результатов было то, что Ленни Голденсон принял руководство нашей общенациональной организацией — объединенной ассоциацией больных церебральным параличом.

Мы встречались с Ленни и Изабель в медицинском центре Вестчестера, куда они привозили на лечение своего ребенка. Я никогда не видела более красивой девочки. Умненькая, полная очарования.

С того дня когда они узнали о проводимой родителями работе, Голденсоны были уверены, что только общенациональная организация, посвященная исключительно ДЦП, в состоянии найти решение проблемы. Люди необыкновенной доброты, они хотели лишь одного — чтобы у всех детей были равные возможности получить медицинскую помощь, образование, профессиональную подготовку и работу. Ленни был в это время вице-президентом «Парамаунт Пикчерс»⁶, и эта организация помогла нашему движению рабочей силой, талантами и всеми доступными средствами массовой информации.

Нашим первым появлением на общенациональной сцене был фильм, где кардинал Спеллман читал проповедь в окружении трех детей, больных ДЦП. Со вполне простительной гордостью должна похвастать, что очаровательной леди из фильма была Карен.

⁶ Одна из крупнейших кинокомпаний США.

В феврале и марте Джимми целиком взял на себя занятия с Карен. Как представитель ассоциации штата, я проводила в Олбани все эти два месяца по три-пять дней в неделю. В мою задачу входило познакомить законодателей с размерами проблемы: двадцать две тысячи больных ДЦП лишь в одном штате Нью-Йорк; только один из ста получает лечение и образование; сотни и сотни ошибочно помещены в психиатрические клиники. Я могла бы написать отдельную книгу об этих месяцах, проведенных в столице штата.

Мои дети на практике постигали основы гражданского права. Я каждый день звонила домой, и как-то в конце марта, когда наши совещания подходили к концу, а ассигнования все еще не были получены, Карен с беспокойством спросила:

— Ну как, принял комитет ваш проект?

Мое постоянное присутствие в кабинетах и коридорах было постоянным напоминанием законодателям о встречах с избирателями и их письмах. Я была головным отрядом нашего войска, неутомимо трудившегося на местных фронтах.

Никогда в Олбани не появлялся новичок зеленее меня. Только благодаря доброте и заинтересованности окружающих меня людей (как бы мне хотелось назвать здесь каждого!), благодаря искренней и активной поддержке всех служащих законодательных органов, особенно их руководителя, Леса О'Брайена, восьмого марта 1949 года штат выделил 1 103 300 долларов из общего бюджета в 937 000 000 долларов на проблемы ДЦП.

Накануне отъезда я позвонила вечером домой. К телефону подошел Рори.

— Что ты сегодня делал? — спросила я.

— Мы ставили спектакль, — ответил он.

— И ты тоже участвовал?

— Да, я выступил с речью о ДЦП.

ГЛАВА 26

Наступила очередная весна. Карен прыгала во дворе рядом с малиновками. Подобно им, она не могла спокойно ходить по снегу, ей обязательно надо было попробовать его на зуб.

Она, казалось, стала теперь больше падать. Мы с Джимми подумали, не надеть ли на нее футбольный шлем для страховки. Для такой, как Карен, юной особы с развитым чувством прекрасного, это могло оказаться не слишком приятным. Решение пришло само, когда она упала, получила сотрясение мозга и несколько дней пролежала в постели. Мы купили шлем, хотя кое-кто из врачей не одобряет такую практику. Они считают, что это способствует возникновению у ребенка страха. Мы же считали, что если подойти с умом, этот страх вовсе не обязателен, и доказали это в случае с Карен. Кроме того, ребенок, больной ДЦП, без такого шлема вынужден ограничиваться своим креслом и лишается многих возможностей общения и приобретения жизненного опыта.

Побочным эффектом падения Карен оказался всплеск нашего с Джимми страха за двоих других детей. Мы не могли спокойно смотреть, как Мари уезжает куда-то на велосипеде. Потребовалось невероятное усилие воли, чтобы заставить себя учить Рори лазать по деревьям.

С ним нам приходилось быть особенно внимательными, чтобы удерживаться от излишней опеки. Если все «нельзя», которые мы задушили в себе, вытянуть в одну линию, она достанет отсюда до Бостона.

Юм-Дум в кратчайшие сроки осчастливила Карен выводком котят на 99,44% персидских кровей. Когда она мурлыкала, котята опрометью бросались к ней. Я не преминула указать детям этот замечательный пример послушания. С котятами у Карен появились новые заботы

и обязанности. Мы приобрели черепаху и белую мышку (эту, впрочем, ненадолго). Шенти воспринимал появление новых жильцов с боязливым любопытством и нескрываемым подозрением. Он поспешно, хотя и сохраняя достоинство, ретировался, когда котята, к огромному удовольствию Карен, пытались поиграть с его хвостом, однако принимал участие в их утреннем туалете.

Это был замечательный день, когда в одной из поездок на Полпенни мы обнаружили Таинственный Сад. Он находился милях в пяти от Коннектикута и был окружен стеной, почти скрытой зеленью кустарника и вьющихся растений. Старый дом давно сгорел, и мы устроили пикник на фундаменте, а потом отправились бродить по заброшенному саду, заросшему одичавшими пионами, розами, душистым горошком. Домой возвращались с большими букетами цветов.

Как-то вечером, собирая малину, Рори оглянулся вокруг и сказал:

— Какой сегодня сияющий день, правда, мама?

— Да, — согласилась я, подумав, как точно он передал яркий свет и тени.

— Папа, иди скорей сюда, — позвала Карен. — Посмотри на этот цветок, на эту бабочку. Могу поспорить, — она повернулась ко мне, — что тебе хотелось бы их нарисовать.

Независимость Карен ограничивал художественный рельеф нашего двора, примостившегося на склоне холма. Перед фасадом была зеленая лужайка, потом крутой откос и внизу, до самой улицы, — еще одна лужайка. Карен не могла спуститься на пять ступенек к улице, и ее мучило, что приходится каждый раз проситься в туалет. К счастью, она решила исправить это положение именно в воскресенье, а пятеро из двенадцати МакШейнсов были у нас в гостях.

Арти захватил с собой кинокамеру. Карен подошла к краю верхней лужайки. Я увидела, как она наклоняется и, сама не знаю почему, попросила Арти включить кинокамеру. Она опускалась, пока не села на землю. Это было

не так-то просто сделать не свалившись. Потом Карен взяла костыли и сильным движением бросила их с восьмифутовой высоты на нижнюю лужайку. Потом легла на землю, оттолкнулась и скатилась вниз по откосу. Там она подтащила поближе костыли, надела их и встала на колени. Джимми подошел, обнял меня, и мы смотрели, не веря своим глазам. Арти снимал на пленку каждое движение. Карен поставила концы костылей на полметра впереди себя, покрепче уперла их в землю и с усилием начала выпрямляться. Упала. Начала снова. Снова упала. На третьей попытке, уже почти выпрямившись, она начала потихоньку подтягивать костыли поближе к себе. Сначала один, потом другой. Она потихоньку поддвигала их и понемногу выпрямлялась, — и, наконец, выпрямилась и пошла к дверям. Мы были просто счастливы, что у нас навсегда останется киноплёнка, запечатлевшая это удивительное событие и выражение радости на лице Карен.

— А если бы у нее был удобный корсет, — сказал Джимми, — что бы она еще сделала?

Я не могла ему ответить.

В то лето наши отпрыски шокировали общество, объявляя всем знакомым и незнакомым, что папа и мама скоро поженятся. Двадцать пятого июля был юбилей нашей свадьбы — пятнадцать лет. И по предложению монсеньера МакГоуэна мы вновь произнесли свои брачные обеты в храме. При этом присутствовала вся наша семья и несколько ближайших друзей самых разных вероисповеданий. Для нас с Джимми это был день редкого счастья. Когда мы преклонили колени для последнего благословения, наши сердца были преисполнены благодарностью к Богу за все, что Он даровал нам, и спокойной уверенностью в будущем.

Теперь, когда Мари уже не была прикована к постели, а Джимми не работал по вечерам, несмотря на бесконечные поездки для переделки корсета и постоянные разочарования, то лето 1949 года стало счастливым.

В начале сентября Джимми и я проснулись ночью от громкого звука. Мы бросились в детскую. Рори, бледный

как смерть, сидел на кровати и не сводил глаз с лежащей на полу Карен. Она лежала неподвижно, с открытыми глазами.

Мы опустились рядом с ней на колени.

— С тобой все в порядке?

Она не отвечала.

Ее тело было расслаблено, взгляд открытых глаз неподвижен.

— Это я — папа. У тебя что-нибудь болит?

Не шелохнулась.

— Мамочка, она так ужасно дергалась, — прошептал сзади нас Рори. Его ручки судорожно теребили одеяло.

— Я хотел позвать вас и не мог.

Джимми взял Карен на руки, я поддерживала голову. Мы отнесли ее к нам в комнату, положили ко мне на кровать. Я бросилась к телефону и позвонила Джону. Вернувшись к Рори, я успокоила его и снова уложила. Джон приехал минут через десять.

— Господи, только бы все было хорошо, — лихорадочно молилась я.

Джон внимательно осмотрел Карен.

— У нее судороги, — сказал он наконец.

Каждые несколько минут ее начинало рвать. Она мотала головой из стороны в сторону и повторяла:

— Боже, пожалуйста, убери эту боль.

Джон просидел с ней почти всю ночь, а утром вызвал на консультацию доктора Ф. из Филадельфии. Доктор Ф. был невропатологом с международной известностью.

Когда доктор Ф. приехал, Карен все еще рвало с мучительной регулярностью. Она была в полном сознании и спастика вернулась. Доктор Ф. сказал, что в какой-то части мозга повышено давление, и они с Джоном пришли к выводу, что необходимо резко ограничить потребление жидкости. Не более двадцати двух унций в сутки.

Они говорили по большей части между собою, но мы прекрасно поняли, что доктор Ф. необычный человек, добрый, умный и скромный. Уехали они только вечером. На прощание доктор Ф. сказал нам:

— У нее будет все в порядке.

Карен взяла на себя обязанность мерить жидкость и напоминать нам (если нужно), чтобы записывали количество выпитого. Кроме того, ее посадили на бессолевую диету и разрешили есть не больше чайной ложки сахара в день. Никаких конфет, шоколада, мороженого. Если гости предлагали ей что-то из запрещенного, она просто отвечала:

— Спасибо, не надо.

Труднее всего было на днях рождения. Из всех лакомств, составляющих такую важную часть детского праздника, она брала только простое печенье или кусочек торта со срезанной глазурью.

Во время бабьего лета выдалось несколько очень жарких дней, и, хотя теперь ей всегда хотелось пить, в такую погоду жажда становилась просто невыносимой. В этом случае ей разрешалось чуть больше жидкости, потому что много уходило с потом, но жажда не уменьшалась. Мы старались не пить в ее присутствии.

Как-то вечером, ложась спать, она спросила:

— Мапочка, сколько у меня еще осталось?

— Одна унция, — ответила я и пошла за водой.

— Чистой, холодной, в серебряной чашке. Так вкуснее, — крикнула она мне вслед.

Когда она выпила, я забрала чашку и сказала:

— Я понимаю, как это трудно — даже невыносимо, и считаю, что ты просто молодец.

— Ничего. Я потерплю, — взглянула она на меня. — Знаешь, отец Феликс сказал, что когда Иисус был на кресте, самым тяжким страданием была жажда. Когда знаешь про это, делается легче.

Рори не было еще пяти лет, но с первого же дня, когда Карен установили такой режим, он никогда не ел в ее присутствии ничего запрещенного. Когда в первый раз после той ночи он подстригся и получил свои пять центов на леденцы, то в нерешительности остановился перед аптекой.⁷

⁷ В аптеках США продают не только лекарства, но и мороженое, соки, сласти, жевательную резинку и т. д.

— Ну давай скорее. Мне уже пора идти домой и готовить обед.

— Не буду я покупать никаких конфет, — сказал он. — А жевательную резинку Карен можно?

— Можно.

— Вот и хорошо, — он бросился в аптеку и вернулся с пакетиком резинки.

Недель через шесть Джимми укладывал Карен спать. Во время вечерней молитвы он встал так, чтобы видеть ее.

— В чем дело? — спросила я его позже.

— Ты ничего особенного не заметила в Карен за последнее время?

— Что именно? — переспросила я.

— Мне кажется, — нерешительно начал он, — что когда я занимаюсь с ней или помогаю что-то делать... — он замолчал.

— Ну, продолжай. Он глубоко вздохнул.

— У нее уменьшилась спастика.

Он взглянул на меня, надеясь на подтверждение своих наблюдений.

— Понимаешь, не очень большая разница, но все же есть.

— Да, я тоже заметила. Особенно последние две недели.

Джимми обрадовался.

— А я боялся, что мне это только кажется, — признался он.

— И я тоже. Поэтому ничего и не говорила.

Когда мы рассказали об этом доктору Ф., он объяснил, что в этом нет ничего удивительного. С ограничением жидкости спастика нередко уменьшается. Заметнее всего это было в руках. К Рождеству она уже хорошо раскрашивала, не заходя за границы в мелких деталях. Вдохновленные успехом, мы начали учить Карен играть на пианино.

Как-то вечером, когда она сидела за инструментом, к нам неожиданно пришла Френсис Гайден. Она на год

уезжала работать в Канзас, в логопедический институт. Ее собственной речью занимался сам научный руководитель доктор Мартин Палмер.

Она очень обрадовалась детям, а они — ей. Во время разговора я заметила, что Рори смотрит на Френсис сосредоточенно, наморщив лоб. Он внимательно слушал, склонив голову набок. Я почти видела, как крутятся колесики у него в голове. Он пытался что-то сообразить.

— Я хочу посмотреть ваши рождественские подарки, — сказала Френсис.

Рори улыбнулся. Он, наконец, решил мучивший его вопрос.

— Ты больше не говоришь, как ДЦП, — объявил он.

Дети стали показывать подарки. Карен больше всего гордилась подарком Лу Уайтона. Френсис от удивления и восхищения широко раскрыла глаза.

— Как у всех девочек, — протянула ей Карен черные кожаные туфельки с тонким ремешком.

С редким пониманием Лу выбрал этот подарок и отнес туфельки к корсетному мастеру — сделать так, чтобы они подходили к корсету.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал тот Лу. — Просто замечательно, — и ворчливо добавил: — И что я сам не додумался до этого?

Подолгу носить эти туфельки нельзя — они недостаточно поддерживают стопу. Но Карен надевает их по воскресеньям в церковь и в гости. «Как все девочки*».

ГЛАВА 27

Полтора года назад мы готовили Карен к конфирмации, состоявшейся в мае 1950 года. Нас, правда, задерживал Рори, непременно желавший присутствовать при каждой беседе. Многое из обсуждавшегося было непонятно ребенку, и это он быстро забывал. Но его головенка усердно пыталась постичь сошествие Святого Духа. Это, возможно, не мешало ему спать по ночам, но днем он радостно объявил за обедом:

— Я теперь все знаю про Святого Духа. Сейчас объясню. Он как Санта-Клаус — спускается по каминной трубе.

Конфирмация была такой же прекрасной, как первое причастие Карен. Участникам было от девяти до четырнадцати лет. Они все были в белом, у девочек на голове маленькие красные шапочки. Карен по-прежнему была очень маленькой для своего возраста, поэтому мы заказали платье самого маленького размера, а потом подшили рукава и подол.

Алтарь сиял свечами. Деревянные скульптуры, стоявшие позади него, казалось, дышали в мерцающем свете. Церемонию проводил епископ Джозеф Донахью, его кресло стояло на верхней ступени, перед дарохранительницей. Алое с белым облачение покрывала шитая золотом накидка из тяжелого белого шелка. Высокая треугольная митра покоилась на пышных черных волосах. По обе стороны митры спускались складки тонкого золотого кружева.

— Мамочка, смотри, — раздался звонкий голосок Рори, — у епископа шапка похожа на крылья бабочки.

Перед началом службы один из наших священников рассказал епископу, что Карен трудно ходить, и спросил, подойдет ли он к алтарной ограде, или же ей надо подняться по ступенькам и подойти к нему.

— Нет-нет, — ответил этот мудрый человек. — Ни один ребенок не любит быть не таким, как все. Скажите ей, пусть не торопится. Я подожду.

Когда настала очередь Карен, мы с Джимми взяли ее за руки и медленно пошли к алтарю, медленно поднялись по ступенькам. Восприемник шагнул вперед, священник, помогавший епископу, протянул ему карточку Карен. Посмотрев на нее, епископ спросил:

— Ты берешь имя Мари?

Карен не могла встать на колени и стояла перед ним, как крошечное олицетворение Веры.

— Да, Ваше Высокопреосвященство, — ответила она твердым голосом, но я чувствовала, что она дрожит.

Святым маслом епископ начертал крест на лбу Карен и произнес:

— Подтверждаю тебя Знаком Креста и помазываю тебя елеем спасения.

Он простер над ней руки и призвал Святого Духа. Потом дунул и слегка шлепнул по щеке — напоминание о том, что отныне она — солдат армии Христовой. После этого, наклонившись к ней, произнес с ласковой улыбкой:

— Особое благословение тебе, дитя мое.

Мы пошли обратно. Карен крепко держалась за наши руки. Она шла увереннее, держалась прямее, чем когда-либо. Слова молитвы наполнили храм и отразились эхом в наших сердцах:

— Приди, Святой Дух, Творец, приди...

Через месяц Мари принесла домой табель, за который полагается награда. Отметки были хорошие, и особенно мы были довольны отличными оценками за сотрудничество и вежливость. Мари была очень довольна собой и, кроме всего прочего, выиграла медаль по плаванию. Награду она выбрала сама — первую взрослую вечеринку. Ужин с половины восьмого до половины одиннадцатого. Пятнадцать гостей в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет.

Мы с Джимми чувствовали, что эта вечеринка может стать важным событием для социальной адаптации Карен.

Мы знали, что по отдельности дети относятся к ней хорошо, но знали и то, что индивидуальное отношение часто резко отличается от группового. И как будет реагировать Мари? А Карен?

Я пораньше покормила Рори и Карен ужином в детской и вскоре уложила протестующего малыша в кровать. Пока я сражалась с ним, подошла Мари и попросила:

— Можно Карен сегодня побыть с нами до девяти часов? Ну, как исключение?

— По-моему, это отличная идея, — ответила я.

После ужина и одиннадцати галлонов пунша молодежь отправилась наверх танцевать. Сначала они немного робели, девочки не хотели танцевать друг с другом, а мальчики сомневались, по-мужски ли это — танцевать с девочками. Я предложила научить их польке, и все сомнения кончились.

Карен, сидя на диване, оживленно беседовала с двумя молодыми людьми. Остальная компания кружилась и топала, осваивая па нового танца. Мари подтанцевала к дивану, извинилась перед партнером, потом наклонилась, подхватила на руки Карен (отнюдь не пушинку) и закружилась с ней. Двое ребят попросили разрешения тоже «потанцевать» с Карен, и только в одиннадцатом часу Джимми удалось «оттанцевать» ее в постель.

Друзья Карен ее возраста переросли «сидячие» игры. Теперь они играли в прятки, в пятнашки, в футбол, в мяч, прыгали через веревочку. Однажды утром Карен двадцать минут шла к группе детей, которая распалась всего через несколько минут после ее прихода. Ребята решили пойти покататься на роликах.

— Mamочka, a ты купишь мне ролики?

Я села рядом и, как обычно, прежде чем отвечать на важный вопрос, прошептала молитву с просьбой наставить и вразумить меня.

— Нет, мой зайчик, — ответила я, стараясь говорить как можно естественнее, — потому что ты не сможешь на них кататься. — Взяв у Карен костыли, я усадила ее

рядом с собой. Потом сорвала две травинки и протянула одну Карен, а вторую стала грызть сама.

— Ты знаешь, мне всегда хотелось рисовать. Иногда я просто умирала от желания нарисовать интересное лицо или красивый пейзаж. Но не могу этого сделать. Мои руки не годятся для такой работы. И точно так же с тобой и роликами. Твои ноги просто не годятся для такой работы.

Она не отрываясь смотрела не меня.

— Каждый человек рано или поздно хочет сделать что-то, чего он не может. И ты такая же, как другие. И счастлив тот, кто умеет забывать о том, чего не может, и делает то, что может.

Я обняла Карен за плечи.

— У тебя очень красивый голос, прекрасный слух и чувство ритма. Может, пора всерьез заняться пением? Как ты считаешь?

— Ой, мамочка! А можно?

— Почему же нет?

— Здорово! Вот мне будут завидовать!

— Я поговорю с папой. Ну а пока, — я встала и подавала ей костыли, — мне надо свернуть целую пачку брошюр и разложить их по конвертам. Хочешь помочь?

— Ты думаешь, я смогу?

— Ну конечно.

— Можно, Рут, Энн и Кэти тоже пойдут с нами? — попросила она.

Я позвала детей, обрадовавшихся возможности поиграть в настоящую «контору». Полтора часа они с удовольствием запечатывали конверты и наклеивали на них марки. Мы пригласили девочек поужинать, и вечер, по моему, прошел вполне удачно.

Мы находили для Карен множество занятий. Мы брали ее с собой, когда отправлялись за наживкой, и она ловко научилась ловить юрких крабов кончиком костыля. Когда Карен помогла нам наловить наживки, мы взяли ее с собой ловить рыбу.

Мы всегда старались не просить Гло и Мари брать куда-нибудь с собой Карен, чтобы они не считали, что им

ее навязывают. Но в большинстве случаев они сами просили отпустить ее с собой.

Рори, с его проделками и смешными словечками, тоже был хорошим товарищем для игр. Карен слушала его так внимательно, что он лез вон из кожи. У нас в доме несколько окон было совсем невысоко от земли, и ей показалась забавной мысль, чтобы Рори входил и выходил через окно. Из-за ее реакции нам оказалось очень трудно отговорить его от этого и заставить снова пользоваться дверью.

— Если бы я только могла писать! — не раз говорила Карен. — Я бы стала вести о нем дневник. Он будет поэтом. Сегодня он сказал, что наш дом растет рядом с садом. Если бы я могла писать...

Карен ходила в гости на все соседские дни рождения и, хотя могла участвовать не во всех играх, стала (под руководством Мари) крупным специалистом по прикалыванию хвоста к ослику и почти каждый раз приносила призы, полученные в этом соревновании.

В сентябре, когда Рори исполнилось пять с половиной лет, а Карен — десять, ей пришлось пережить один из самых тяжелых ударов судьбы — Рори пошел в школу.

Дело было не только в одиночестве. Это было еще одно горькое напоминание, что она лишена такой большой и важной части жизни любого ребенка. Начальная школа занималась только полдня, но, начиная с сентября, утро Карен было печальным.

Бетти старалась как-то исправить ситуацию, назначая уроки с Карен на утро, вызывая ее к себе, вместо того чтобы приходить к нам. Карен делала большие успехи в учебе и горела желанием научиться писать.

— Я никогда не научусь. Я не могу писать, — горько рыдала она, после того как ее попытки раз за разом оканчивались неудачей.

Бетти изо всех сил старалась поддерживать в нас оптимизм, и все же мы с Джимми уже начали отчаиваться.

— В конечном итоге, — сказал Джимми, — перо сильнее костыля.

Всю зиму, пока Рори учился в первом классе, Карен любила вспоминать:

— А вот когда я училась в школе... — и далее шел рассказ о каком-нибудь удивительном приключении или история из школьной жизни, являвшаяся чистейшим плодом ее воображения.

Как-то осенью меня пригласили выступить в Рей, в Киванис-клубе, и я рассказала им эти истории Карен.

На Рождество, часов в пять вечера, мы собрались у елки, и вдруг раздался стук в дверь. В дом вошла делегация Киванис-клуба во главе с мистером Кнаппом и Джеком Чамберсом. Они внесли нечто большое, накрытое плащом. Как только официальное знакомство было закончено, Джек широким жестом сдернул плащ.

— Счастливого Рождества! — хором провозгласили гости и торжественно вручили Карен подарок — изящную подставку с клеткой, в которой сидела восхитительная золотистая канарейка.

Карен много лет мечтала о птице, но мы не могли позволить себе такую покупку.

— Ой! О-о-о-х! — все, что она смогла произнести.

Они еще были у нас, когда канарейка начала петь.

Она издала несколько робких звуков, словно пробуя акустику, и залилась звонкой песней, выводя замысловатые рулады.

При первых звуках Карен замерла и забыла обо всем. Я с восторгом наблюдала за дочерью и ее гостями. Они смотрели на Карен, и лица их выражали огромную радость.

ГЛАВА 28

Последние годы мы с Джимми предпочитали встречать Новый год дома, одни. Над нами часто подшучивали по этому поводу и окрестили нас домоседами.

Накануне нового, 1951 года, я наряжалась так, словно собиралась в самый фешенебельный клуб Нью-Йорка. В обязанности Джимми входило обеспечить самый лучший в году огонь в камине и раздобыть бутылку бургундского (а этом году и в прошлом — по две, потому что в полночь мы будили детей для праздничного тоста).

К Глории это, конечно, не относилось. Ей исполнился двадцать один год, а в этом возрасте новогодний праздник предполагает много людей, света и шума. (Мне не слишком приходилось напрягаться, чтобы вспомнить себя в этом возрасте.)

Когда трое младших были уложены, мы пододвинули диван поближе к огню и устроились поудобнее.

Я тоже внесла свою лепту в подготовку вечера: приготовила стопку пластинок с танцевальной и классической музыкой, а в холодильнике, завернутые в вощеную бумагу, стояли два блюда с очень изысканными, очень вкусными и очень дорогими сэндвичами. Ночь выдалась на редкость холодная, даже сквозь двойные рамы слышалось завывание ветра в ветвях деревьев. Я встала, задернула шторы и вернулась в свой уютный уголок дивана. Ярко горел огонь в камине.

Джимми сделал нам по коктейлю. Я включила радио. Приглушенные звуки музыки наполнили комнату.

Обычно в часы уходящего года мы как бы подводили его итоги.

— У Карен в этом году большие успехи, — рассуждал Джимми, потягивая коктейль.

— Это точно, — подтвердила я, глядя на огонь камина сквозь прозрачную жидкость в своем стакане.

— Я очень хорошо помню, — произнес он задумчиво, — такую же ночь семь лет назад...

Я тоже помнила ее. Я помнила, как он сказал: «Ты знаешь, перед нами ведь не одна проблема, а целых пять, если мы будем думать о Карен в целом», — и стал загибать пальцы.

Сейчас мы сидели молча. В камине шипел и потрескивал огонь. Джимми зажег нам по сигарете. Дым вился у него вокруг лежащей на колене руки.

— Ты только взгляни на Карен, какая она стала. Трудно даже поверить. Посмотри, как она развита — физически, духовно, эмоционально, социально, — во всем кроме первого она на голову выше своих сверстников.

— Если бы она только научилась писать, — сказал он, голосом выдавая глубину своего желания.

— Я знаю. У меня тоже бывает такое чувство. Но потом я кажусь себе неблагодарной.

Я подобрала под себя ноги и повернулась к нему.

— Теперь мы знаем, — продолжал Джимми, — что есть нечто не менее важное, нечто вне ребенка, без чего все ее достижения были бы напрасны. То, что ее принимают окружающие.

— Я все время думаю об этом. Конечно, в Рей она полноправный член общества. Но потом? Будет ли когда-нибудь общество принимать больных ДЦП, как своих полноправных членов?

— Это, конечно, трудный вопрос, — ответил Джимми.

— И все же ответ на него нам придется найти как можно быстрее. Наша кампания покажет, прежде всего, знают ли люди; второе — волнует ли их эта проблема; и третье — как они ее принимают.

— Будем надеяться, — он поднял бокал.

— Надеяться и молиться, — отозвалась я, поднимая свой бокал.

— Давай потанцуем.

Следующие четыре месяца дали ответ на наш вопрос. Если бы я заранее знала, какая работа нас ожидает, я поступила бы как Рип ван Винкль. Думаю, что Ленни и

весь исполнительный комитет Ассоциации тоже надолго уснул бы. Как и Глория с Мари, которым пришлось взвалить на себя львиную долю домашних забот.

Полеты в Канаду, Чикаго, Канзас, Вашингтон. У нас были филиалы в двадцати одном штате, Канаде и Южной Америке. Каждый день в наших рядах появлялись все новые люди, которые хотели быть уверены, что на наш вопрос будет дан правильный ответ. Боб Хоун, Бинг Кросби, Джейн Рикенс, Артур Годфри, Морис Тобин, Джек Бенни, Кейт Смит, Джинкс МакКерри, Гантланд Райе, А. Ансара, Эрл Хадсон — это были наши руководители. Их поддерживали деятели киноиндустрии, представители «четвертого сословия» — пресса, радио, телевидение. Только в нашем Национальном спортивном комитете насчитывалось более тысячи человек. Это было сенсацией и очень обнадеживало. Но средний американец, человек толпы — он-то знает? Он беспокоится? Он принимает?

В январе в «Нью-Йорк Тайме» появилась маленькая заметка. Мы просили рождественские открытки для наших медицинских центров и школ.

Ответ на наш вопрос был дан. Оказалось, что американцы знают, беспокоятся и принимают, раз они прислали для больных детей своей страны шестьдесят восемь миллионов открыток.

В марте 1951 года ежедневная молитва Рори «Господи, пожалуйста, дай маме крепкие кости, чтобы поднимать Карен, и много денег для детей ДЦП» стала сбываться. Кости держались, а план кампании, похоже, гарантировал финансовый успех. Этот финансовый успех был очень важным моментом. Нам нужно было пять миллионов долларов. Эти деньги давали возможность под руководством доктора Сиднея Фарбера проводить исследования в поисках более совершенных методов лечения и предупреждения заболевания ДЦП, расширить диагностические возможности, лечить и обучать больных детей; готовить столь необходимых специалистов, — и все это в большом объеме. Финансовый успех дает надежду

девятиности шести из ста детей ДЦП получить ту помощь, которой они лишены сейчас. И надежду тем детям, которые каждые пятьдесят три минуты рождаются в нашей стране.

В том же месяце мы сумели выкроить полдня и отправились в цирк, веселые и беззаботные, как когда-то давно. Мы приобрели обычную коллекцию шляп и тростей, уродливых металлических лошадок, гигантское кольцо, свистки и еще одну зверюшку-хамелеона, которого тут же окрестили Морфеем. Представление было великолепным, но, как всегда, всех превзошел Эммет Келли, покоривший своим выступлением детей всех возрастов.

Карен до слез смеялась, глядя, как он выпрашивал крошечную рыбку у укротителей морских львов, молча протягивая сковородку, со своим неподражаемым, умоляющим выражением. Потом настал черед воздушных гимнастов — отчаянных смельчаков, без сетки выполняющих смертельные прыжки под куполом. Пока зрители с замиранием сердца следили за ними, Карен наблюдала, как Эммет Келли усталой шаркающей походкой вышел на середину ринга, поставил там чемодан, достал из оттопыренного кармана колоду карт и принялся раскладывать пасьянс. При виде этого нас охватило истерическое веселье. После этого удивительного и волнующего события Карен долго вспоминала об Эммете Келли.

На следующий день, выступая перед нашим Национальным спортивным комитетом, я опять рассказывала об историях Карен, и «Биллборд» подробно их изложил. Билл Боли, наш общественный специалист по рекламе, решил, что из этого может получиться неплохое радишоу для нашей кампании, и попросил сценариста Алана Слоана связаться со мной. Алан — один из лучших сценаристов, и тоже предложил свою помощь на общественных началах. Когда Алан позвонил мне, я сказала, что если он собирается писать о Карен и ее семье, ему надо бы с нами познакомиться. Он правильно истолковал это как приглашение и спросил, устроит ли нас вторник, десятое апреля. Нас это устроило. Алан приехал около десяти

утра. Карен была у Демпси, наших соседей напротив, сидела с их детьми. Мы познакомились, и уже с первой минуты он мне очень понравился. Это был умный, чуткий человек, я чувствовала, что он найдет общий язык с детьми, и они не будут смущаться — это бы все испортило.

Эдна Демпси доставила Карен домой около половины одиннадцатого. Мы с Аланом стояли в дверях и наблюдали, как она идет к нам на костылях. Карен выглядела очень хорошенькой, несмотря даже на свой шлем. На ней было платье в синюю, зеленую и светло-коричневую полосу. Веселое личико обрамлял широкий воротник из белого пике. На очаровательном подбородке уже появилось несколько новых веснушек. А глаза, обрамленные густыми ресницами, казались смеющимися даже тогда, когда лицо оставалось серьезным.

— Карен, позволь представить тебе мистера Слоана. Алан, это Карен.

— Здравствуйте, — сказала она и улыбка из глаз перепрыгнула на губы.

Мы беседовали до прихода Бетти. Она пришла в одиннадцать, и я сказала, что мы с Аланом хотели бы присутствовать на уроке.

— Буду очень рада, — ответила она. — Тем более, что я сама собиралась вас сегодня пригласить.

— Пойди умойся и сходи в туалет, — тихонько шепнула я Карен.

Она взяла костыли и ушла.

— Она может э-э — все это сделать самостоятельно? — удивился Алан.

— В последнюю неделю — все, — гордо ответила я.

— Конечно, на это потребуется время, но вы пока можете поговорить с Бетти, а я пойду приготовлю в детской стол и стулья.

— Ей нужны специальные стол и стул? — спросил он.

— Нет, уже не нужны.

Через пятнадцать минут Карен сидела за столом, готовая, начинать.

— Я просто поражен, как ты хорошо садишься и встаешь со стула, — сказал ей Алан,

— Это было так трудно, и я так долго училась, зато теперь мне уже не надо помогать, — сказала Карен, снимая шлем.

Бетти села рядом с Карен, я примостилась на краешке кровати, а Алан предпочел устроиться около стола, прямо на полу. День выдался необычайно теплый, и все окна были распахнуты настежь. Солнце заливало комнату, искорками вспыхивало в отливающих золотом волосах Карен. В окно к нам доносились весенние звуки и запахи. Звонкие удары по мячу, шипение воды в шланге, песня двух малиновок, вьющих гнездо в кустах под окном. Карен сидела выпрямившись, согнув колени и полностью поставив ступни на пол. Руки она сложила на коленях и все посматривала то на Бетти, то на нас в Аланом.

— Ты не обгорела на солнце? — спросила я, увидев, как она покраснелась.

— Нет. Просто волнуюсь, — ответила она с той интонацией, которая безошибочно предвещала «сюрприз».

— Что такое?

— Скоро узнаешь, — ответила она с искрящимися весельем глазами. — Правда, Бетти?

— Это уж точно.

Бетти загадочно улыбнулась. Она взяла большой лист бумаги и подошла к столу.

— Ты будешь поражена и обрадована, — пообещала Карен. — Вот увидишь...

— Т-с-с. Без намеков, — сказала Бетти.

— Ну скорей, — торопила ее Карен «театральным» шепотом.

Бетти взяла карандаш и линейку и провела через весь лист две горизонтальные линии в полудюйме одна от другой. Потом отступила на дюйм и провела еще две линии, и еще, и так до конца листа.

— Рельсы? — поинтересовалась я, подходя поближе. — Мне кажется, ты уже слишком большая для этого.

Бетти улыбнулась, но ничего не ответила. Она положила лист перед Карен и приклеила его за уголки кусочками скотча, чтобы не скользил. К этому времени я едва не умирала от любопытства. Бетти посмотрела на часы.

— Готова? — спросила она Карен.

— Угу, — раздалось в ответ.

Она подала Карен карандаш, самый обычный, «Эберхард Фабер». Карен взяла его в левую руку, а правую положила на стол. Я заметила, как напряжены ее пальцы. Карен взглянула на меня (она уже не улыбалась) и подняла карандаш к бумаге. Поставила кончик карандаша на нижнюю из первых двух линий и медленно повела его к верхней. Остановилась, и еще медленнее принялась выводить арку — наружу, вокруг, вниз. И снова на исходную точку. Вот она — любой мог увидеть эту букву «D».

У меня на глазах происходило чудо.

Карен не поднимала глаз. Она еще ниже склонилась над бумагой, еще сильнее покраснелась. Снова повела вверх линию. Эта буква была уже не такая неровная, как первая. Карен немного провела ее вправо по верхней линии, подняла карандаш, сдвинула его вниз, провела горизонтальную линию, снова подняла. Начала ставить карандаш на начальную точку, он скользнул в сторону, Карен с усилием вернула его на нужное место и провела еще одну горизонтальную линию, параллельную двум верхним. Я увидела букву «E».

По-моему, Карен напрочь забыла о нашем существовании. Она так крепко прикусила нижнюю губу, что та даже побелела. Такое большое усилие вызвало произвольное движение ног, и они с напряжением несколько вытянулись вперед, заставив ее немного сползти со стула. Ноги уже стояли не на всей ступне, а на пятках, с приподнятыми носками.

Никто не говорил. Никто не двигался. Мы боялись даже дышать.

Карен начала следующую букву. Она провела прямую наклонную линию, которая слегка покривилась к концу. И мы увидели, что она старательно выводит букву «A».

Потом, и на это ушло гораздо больше времени, букву «К». Я вытерла о юбку взмокшие ладони.

— Матерь Божья, — пробормотала я, — она же не срисовывает, она пишет это *сама*. — Передо мной было слово «DEAR».

— Теперь «F», — подсказала Бетти, и Карен начала следующее слово. Буквы, спотыкаясь, выстраивались на бумаге. Бетти время от времени подсказывала. Карен перебралась на вторую пару линий. Через полчаса, или через сто лет, бледными, неуверенными, во безошибочно читаемыми буквами было написано:

ДОРОГОЙ САМЫЙ СМЕШНОЙ КЛОУН В МИРЕ Она снова поставила на бумагу кончик карандаша, но это было уже слишком. Я склонилась над ней. Слезы текли у меня по щекам и капали на бумагу. Обняв Карен, я рыдалась, уткнувшись ей в косички.

— Ну вот, Бетти, я же сказала, что она будет плакать, — раздался приглушенный голос Карен из-под моего плеча.

Я ослабила объятия, и она повернула ко мне лицо.

— Мамочка, я могу писать! Сама!

Я повернулась и бросилась на шею Бетти. Она обняла меня, хотела что-то сказать, но остановилась. Я сглотнула комок в горле, попыталась заговорить с Карен, но не смогла; попробовала еще раз.

— Ты удивительный, замечательный, просто чудесный ребенок!

Я отодвинула стол, опустилась перед ней на пол и положила ей голову на колени. Она крепко обняла меня за шею.

— Мамочка, я сама не верю, я просто сама не верю, — задыхаясь повторяла она.

— Я тоже никак не могу поверить. О, Джимми! — и при мысли о его счастье я заплакала еще больше.

— Ой, мамочка, посмотри на него, — она подняла мою голову. Я вспомнила об Алане.

— Мамочка, он тоже плачет. Он плакал, не скрывая слез.

— А кто не плачет? — дрожащим голосом ответил он и показал на Бетти.

— Это одно из самых счастливейших мгновений в моей жизни, — всхлипнула она, глядя на часы. — Прошло всего тридцать шесть минут! А работали мы для этого семь месяцев.

— Мама! Ну мамочка же! — Карен дергала меня за рукав, стараясь привлечь мое внимание.

— Что ты хочешь, мой чудный ребенок?

— Я могу ходить. Я могу говорить. Я могу читать. Я могу писать. Мамочка, я могу делать все!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	34
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	54
Глава 7	67
Глава 8	83
Глава 9	97
Глава 10	103
Глава 11	115
Глава 12	128
Глава 13	139
Глава 14	147
Глава 15	158
Глава 16	162
Глава 17	171
Глава 18	183
Глава 19	190
Глава 20	203
Глава 21	210
Глава 22	218
Глава 23	225
Глава 24	230
Глава 25	245
Глава 26	258
Глава 27	265
Глава 28	271